

ESPERO

INTERNACIA REVUO DE LA KULTURA UNI-
IGO DE POPOLOJ = OFICIALA ORGANO DE LA
KLERIGA LIGO „VJESTNIK ZNANIA“
REDAKTORO = ELDOMANTO V.V. BITNER.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„Espero“.

Въ годъ съ пересылкою . . . 4 р. — к. Por la jaro kun transsendo . 4 r.
” за границу . . . 10 фран. ” ” en eksterlando . 10 fran.
” безъ пересылки . . 3 р. 50 к. ” ” sen transsendo . 3 gr. 50
 $\frac{1}{4}$ года съ пересылкой . . 1 ” — ” $\frac{1}{4}$ da jaro kun transsendo . 1 —

Допускается разсрочка: Подписчики La abonantoj de „Vjestnik Znania“ „Вѣстн. Знанія“ получаютъ „Espero“ ricevas „Espero“ senpage (sur ordinaria обыкновенной бумагѣ) бесплатно, nara papero). La redakcio „Vjestnik (совмѣстная подписка см. обложку „Znania“). St.-Peterburgo, Nevskij pr., „В. Зн.“) Редакція „Вѣстника Знанія“ d. № 147

Невск. пр. д. № 147.

LA ABONPAGO
DE CIUMONATA JURNALO
„Espero“.

Вместо передовой статьи.

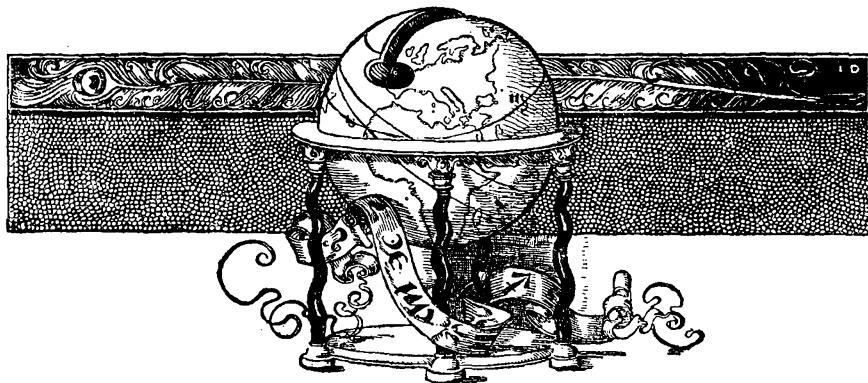
Мы рѣшили воздержаться на этотъ разъ отъ передовой статьи, по двумъ соображеніямъ. Прежде всего важность вопросовъ, затронутыхъ въ предыдущихъ статьяхъ, требуетъ дѣятельного участія читателей въ обсужденіи и разработкѣ предмета, подлежащаго всестороннему критическому освѣщенію. Съ другой стороны, мы не имѣемъ пока возможности судить, насколько наши идеи возбудили сочувствіе читателей. Въ такомъ дѣлѣ, где весь успѣхъ основывается на общественой поддержкѣ, и где единичные усилия не могутъ привести къ какимъ-либо ощутительнымъ результатамъ, необходимо имѣть увѣренность, что общество отзовется на призывѣ.

Въ данномъ случаѣ, однако, благодаря конфискаціи предыдущихъ номеровъ журнала¹⁾ и неполученію ихъ значительной частью подписчиковъ, кругъ лицъ, знакомыхъ съ нашими статьями, значительно сузился. Поэтому, отмѣчая фактъ снятія теперь ареста съ № 7—8 „Вѣст. Зн.“ (подписчики могутъ требовать его съ почты), я прошу читателей подѣлиться своими соображеніями по поводу предыдущихъ статей въ „Espero“.

Пользуюсь случаемъ обратить также внимание читателей на статью извѣстнаго ученаго К. Р. Качоровскаго, помѣщаемую въ № 9, „Вѣст. З.“ и имѣющую непосредственное отношеніе къ вопросамъ, затронутымъ въ нашихъ статьяхъ.

B. Bitner.

¹⁾ Были инкриминированы статьи: В. А. Пессе—„О Толстомъ“, Бельмонт—„О женщинахъ—жертвѣ и борцѣ“, В. Вайнштока—„Объ Акатуевскомъ рудникѣ“, примѣчанія редактора къ статьѣ М. Энгельгардта, статья Зайцева—„О Сибири“ и, наконецъ, статья проф. Делича—„О Христѣ“. Понятно, Судебная Палата не могла найти въ этихъ статьяхъ состава преступления.

Проф. И Бодуэн-де-Куртенэ.

Вспомогательный международный языкъ.

I. Мое личное отношение къ этому вопросу.

Я вовсе ни эсперантистъ, ни приверженецъ какого-либо другого вспомогательного международного языка. Ни одного изъ этихъ языковъ я не знаю въ достаточной степени для того, чтобы владѣть имъ свободно. Правда, я понимаю языкъ Эсперанто, читаю безъ затрудненія всякие составленные на немъ тексты, да кромъ того понимаю людей, пользующихся имъ, какъ органомъ устнаго сбщенія. Я понимаю тоже въ большей или меньшей степени нѣкоторые другие искусственные языки, конечно, изъ числа самыхъ легкихъ.

Во всякомъ случаѣ, я не состою ни въ фанатикахъ, ни даже въ безусловныхъ сторонникахъ какого бы то ни было искусственного международного языка. Я являюсь только безпредвзятнымъ, хотя, къ сожалѣнію, недостаточно подготовленнымъ, критикомъ.

При этомъ я считаю необходимымъ исправить сказанное мною въ статьѣ «Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen» *) о количествѣ времени, потраченного мною на ознакомленіе съ языкомъ Эсперанто. Я сказалъ тамъ, что для этой цѣли я употребилъ въ общей суммѣ 2 недѣли времени, при 12-ти часовомъ рабочемъ днѣ, т. е. $12 \times 14 = 168$ час. Такимъ образомъ я далъ проф. Лескину въ руки оружіе противъ меня, ибо на основаніи этого моего сообщенія онъ пришелъ къ выводу о большой трудности языка Эсперанто (см. К. Brugmann и А. Leskien «Zur Frage der Einführung einer künstlichen internationalen Hilfssprache» въ «Indogermaische Forschungen» XXII, стр. 394, тоже въ отд. отт. Strassburg. 1908). Между тѣмъ этотъ мой разсчетъ былъ просто слѣдствиемъ минутнаго безсмыслия и необдуманности. Ибо столько болѣе или менѣе времени и употребилъ тогда на ознакомленіе со всѣмъ вопросомъ искусственныхъ международныхъ языковъ, стало-быть, на чтеніе сочиненій по исторіи предмета, на изученіе слегка разныхъ другихъ искусственныхъ языковъ и т. д. На одно Эсперанто я употребилъ тогда самое большее 20—25 часовъ, и уже послѣ какихъ-нибудь 10-ти часовъ я могъ его вполнѣ свободно читать и понимать.

*) O: twalids Annalen der Naturphilosophic. VI. 1907. стр. 419; стр. 37
отдѣльнаго изданія этого труда (Leipzig. 1908).

Тѣмъ не менѣе ни языкъ Эсперанто, ни какой-либо другой въ этомъ родѣ мнѣ вовсе не дорогъ. И вообще ни одинъ языкъ въ мірѣ мнѣ не дорогъ и не имѣть въ моихъ глазахъ никакихъ правъ. Не тотъ или другой языкъ мнѣ дорогъ, а мнѣ дорого право говорить и учить на этомъ языке. Мнѣ дорого право человѣка оставаться при своемъ языке, выбирать его себѣ, право не подвергаться отчужденію отъ всесторонней употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопредѣляться и группироваться, тоже на основаніи языка.

II. Краткая исторія идеи международного языка и ея воплощеній. Библія. Насильственное навязываніе преобладающихъ языковъ и насилиственная ассимиляція однихъ племенъ другими. Лейбницъ и его вѣнь. XIX-ое столѣтіе. Волапюкъ (Volapük), Эсперанто (Esperanto) и др. Делегація для принятія вспомогательного международного языка.

Идея международного языка, какъ соединителя разноязычныхъ людей, возникла давно, очень давно. Можно сказать, что зародыши ея были необходимы поестественному того, что люди сознали, съ одной стороны, многоязычность, съ другой же стороны — единство рода человѣческаго и нужду взаимнаго общенія.

Благодаря тоскѣ по языковому единству создалась легенда о Вавилонской стольпостройкѣ; ибо многоязычие считалось бѣдствиемъ, считалось божескимъ наказаніемъ за человѣческую гордость и высокомѣріе.

Стремленіе къ языковому единству было однимъ болѣе предлогомъ для осуществленія «любви къ ближнему», т. е. къ гонению «ближняго» и къ издѣвательствамъ надъ нимъ. Къ устраненію многоязычія люди стремились различнымъ образомъ, путемъ обидъ и насилий. Во имя языкового единства совершились безчисленныя преступленія, гоненія и истребленія. Насильственное навязываніе преобладающихъ и привелигированныхъ языковъ, равно какъ и насилиственная ассимиляція однихъ племенъ и народовъ другими составляютъ одно изъ могущественныхъ течений въ исторіи человѣчества.

Въ связи съ навязываніемъ различныхъ вѣроисповѣданій появлялись тоже объединяющіе языки, доступные для баловней и избраниковъ судьбы: еврейскій; санскритскій, пали, арабскій, греческий, церковно-славянскій и т. д. Но обѣ объединенія съ помощью подобныхъ «аристократическихъ» языковъ отдаленныхъ обществъ и народовъ во всей ихъ совокупности не могло быть и рѣчи.

Какимъ образомъ возникла идея объединенія человѣчества съ помощью искусственныхъ языковъ, когда впервые она осуществилась, какія различныя формы она принимала, каковы ея виды въ будущемъ..., обо всемъ этомъ можно найти подробная данная въ сочиненіяхъ:

Histoire de la langue universelle par L. Couturat et L. Leau. Paris. 1903,

Les nouvelles langues internationales, suite à l'Histoire de la langue universelle par L. Couturat et L. Leau. Paris (1907).

Первые попытки изобрѣсти искусственный языкъ съ притязаніями на всемірное употребленіе появились во второй половинѣ XVII-го ст. Но эти изобрѣтатели думали не столько объ языкахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, сколько о символическомъ обозначеніи отвлеченныхъ понятій, о «филологическомъ языке».

Самымъ выдающимся представителемъ этихъ стремлений былъ знаменитый философъ Лейбницъ (Leibnitz).

Заслуживает вниманія, что почти одновременно съ Лейбницомъ нѣкто Сагророгорилус (очевидно, псевдонимъ), нѣмецъ изъ Саксоніи, поставилъ себѣ задачу создать искусственный языкъ а posteriori, языкъ, напоминающій своимъ строениемъ и своими особенностями языки существующіе, языки, передаваемые путемъ традиції. Онъ обнародовалъ проектъ языка, являющагося упрощеніемъ латыни и свободного отъ всякихъ «исключений». Но времена было неподходящее, и проектъ Сагророгорилуса, напечатанный въ «Acta Eruditorum» (Лейпцигъ, 1734), былъ похороненъ въ библиотекахъ, такъ что даже гг. Кутюра и Ло узнали объ немъ уже по обнародованіи своей «Исторіи всеобщаго языка» и могли упомянуть объ немъ только въ дополненіи къ этой «Исторіи», въ «Les nouvelles langues internationales».

Появлявшіяся азтѣмъ отъ времени до времени попытки создавать искусственные языки постигла та же участъ; онъ не имѣли успѣха и на нихъ смотрѣли въ крайнемъ случаѣ какъ на курьезы (curiosa), безъ всякаго практичес资料.

XIX-й вѣкъ, вѣкъ изобрѣтеній, знаменующихъ собою громадный прогрессъ человѣчества въ области господства надъ природою и использованія ея энергіи для общественныхъ цѣлей, дѣйствовалъ возбуждающе тоже въ сфере лингвистической изобрѣтательности и лингвистического синтеза. Все чаще нѣкоторые умы начали ставить себѣ задачу создать искусственный языкъ для всѣхъ людей.

Однакожъ всѣ попытки этого рода оказывались неудачными, вплоть до появленія католического священника Шлейера (Schleyer), величую незабвенную заслугу которого въ этой области, въ области воплощенія идеи международнаго языка, составляеть созданіе «Волапюка» (Volapük) (т. е. «всемирнаго языка»), воодушевившаго интеллигентныхъ людей въ различныхъ странахъ Европы и Америки и снискавшаго себѣ очень многихъ приверженцевъ. Но жизнь Волапюка была недолговѣчна. Причиною его паденія были частью его внутреннія особенности, затруднявшія въ высокой степени его усвоеніе, частью же раздоры между его распространителями, равно какъ и манія непогрѣшимости, отличающая самаго изобрѣтателя.

Паденіе Волапюка охладило энтузіазмъ для идеи международнаго языка, но, конечно, не могло ея уничтожить. Эта идея слишкомъ могущественна и слишкомъ жизнеобильна, а ея существование и продолженіе не зависитъ вовсе отъ временныхъ неудачъ. Итакъ, мы присутствуемъ при постоянныхъ попыткахъ ея воплощенія и осуществленія.

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изобрѣтателей искусственныхъ международныхъ языковъ поступаютъ довольно легкомысленно и сочиняютъ свои «языки» почти съ сегодня на завтра; другіе же работаютъ цѣлые годы, прежде чѣмъ рѣшатся представить со своими произведеніями передъ общественнымъ судомъ.

Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ докторъ Заменгофъ (Zamenhof), авторъ языка «Эсперанто», благодаря не только своимъ особенностямъ, но также счастливому стечению обстоятельствъ, пользующаго послѣ Волапюка самымъ большими успѣхомъ и все болѣе распространяющагося. Въ настоящее время онъ насчитываетъ много тысячъ приверженцевъ, преподается въ публичныхъ школахъ, имѣть богатую (конечно, относительно) литературу, довольно значительное количество повременниковъ, обществъ въ разныхъ государствахъ и странахъ и т. д.

Этотъ фактъ неоспоримаго успѣха языка Эсперанто повлекъ за собою практическія послѣдствія. Подъ его вліяніемъ на философскомъ конгрессѣ, равно какъ и на другихъ научныхъ конгрессахъ, собиравшихся во время всемирной выставки въ Парижѣ въ 1900 г., былъ поднятъ съ большою настойчивостью вопросъ о потребности взаимнаго общенія всѣхъ людей въ разныхъ

сферахъ общественной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ было указано, что на обученіе чужимъ языкамъ теряется ужасно много времени, а многоязычіемъ затрудняются международные сношенія. Вследствіе этого было решено образовать постоянную «Делегацію» (*Délégation pour l'adoption d'une langue auxiliaire internationale*), составленную изъ «представителей» разныхъ учрежденій и обществъ, прежде всего академій и университетовъ. Дѣло этой «делегаціи», следовательно, и дѣло выбора международного языка взяли въ свои руки, главнымъ образомъ, названные мною выше г.г. Кутюра (*Couturat*) и Ло (*Leau*).

Было высказано желаніе предоставить решеніе этого вопроса академіямъ наукъ, т. е. возникшему недавно союзу академій въ разныхъ государствахъ и странахъ. Но это не выгорѣло, и поэтому среди самой «Делегаціи» было созданъ ея «Комитетъ» (*Comité de la délégation*), засѣдавшій въ Парижѣ въ октябрѣ 1907 г. и пришедшій къ извѣстнымъ решеніямъ. Объ этихъ решеніяхъ рѣчь впереди.

III. Различные способы решения вопроса о вспомогательномъ международномъ языке.

Съ принятіемъ искусственного языка, какъ средства взаимнаго общенія разноязычныхъ людей, соглашается только извѣстная незначительная частичка мыслящаго человѣчества. Многіе предлагаютъ другой способъ решить этотъ вопросъ.

Такъ, напр., некоторые думаютъ, что можно бы устранить многоязычіе и облегчить всемирное общеніе черезъ принятие общимъ международнымъ языкомъ одного изъ наиболѣе распространенныхъ «живыхъ» и путемъ традиціи, передаваемыхъ языкковъ. Если же одного недостаточно, тогда можно остановиться на двухъ, или даже на трехъ, а именно на языкахъ: англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

Считаясь съ собирательною психологіей, мы должны такой способъ решения вопроса о международномъ языкѣ, признать несуществимымъ. Не забудемъ о неустранимой международной зависти и о национальной гордости. Съ подобнымъ предпочтеніемъ, оказываемымъ, напр., англійскому языку, не согласились-бы не только нѣмцы, французы, но также не столь многочисленные и не столь выдающіеся народы. И именно эти не столь многочисленные и не столь выдающіеся народы могли бы, въ случаѣ выбора двухъ или трехъ языкковъ, чувствовать себя задѣтыми въ своемъ самолюбіи и не согласиться на подобную постановку и рѣшеніе вопроса.

Прибавимъ къ этому экономическое соревнованіе. Что значитъ, именно, съ этой точки зренія, избрать, напр., англійской книжной торговлѣ подавляющей перевѣсь надъ книжною торговлей другихъ народовъ. Это значитъ тоже открыть доступъ во все страны учителямъ и учительницамъ англійского происхожденія, съ полнымъ пренебреженіемъ и устраненіемъ иноязычныхъ учителей и учительницъ. Подобное же экономическое предпочтение и пренебреженіе имѣло бы мѣсто и въ случаѣ надѣленія двухъ или трехъ языкковъ ролью языковъ всемирныхъ и международныхъ.

Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе на недостатки этихъ уже существующихъ широко распространенныхъ языкковъ, какъ въ устной рѣчи, такъ и на письмѣ. Ихъ произношеніе, ихъ строеніе... все это слишкомъ трудно для того, чтобы могло быть принято другими народами безъ оговорокъ. Во всѣхъ «естественнѣхъ», традиціонно передаваемыхъ языкахъ имѣются «правила» и «исключения», т. е. имѣются хронологически разныя наслоенія: такъ называемыя «исключения» являются или пережитками прошлаго, или же

гадатками будущаго. А такъ или иначе, они составляютъ значительную трудность при изученіи языковъ.

Не забудемъ также о чрезвычайно сложномъ и запутанномъ правописаніи именно этихъ языковъ, притязающихъ на упроченіе себя въ роли международныхъ. Только нѣмецкое правописаніе довольно просто; но зато, одолѣвая не только англійское, но даже французское правописаніе, мы потребляемъ значительный запасъ энергіи мышленія.

Въ связи съ правописаніемъ, въ отличіе отъ произношенія, находится громадное количество гомонимовъ, т. е. словъ, одинаково звучащихъ, но разнозначащихъ и, сообразно со значеніемъ, различно изображаемыхъ на письмѣ. Неугодно ли обратить вниманіе на слѣдующіе французскіе гомонимы: 1) ver, vert, vers, vertre; 2) sang, sans, sens, sent, cent; 3) quand, quant; 4) chaud, chaux; 5) moi, mois; 6) foi, foie, fois; 7) comte, conte, compte; 8) sou, soud, sous; 9) sur, sūr; 10) mer, mère, maire; 11) mètre, maître, и т. п.? А вѣдь такие гомонимы чрезвычайно затрудняютъ обученіе языку и владѣніе имъ.

На это можно бы возразить, что эти распространенные языки мы принимаемъ не такими, каковы они въ настоящее время, а подъ условіемъ ихъ упрощенія и усовершенствованія. Да, но въ такомъ случаѣ это были бы уже не тѣ-же языки: французскій, пѣмецкій, англійскій, безъ оговорокъ, а языки передѣланные, языки новые, «испорченные» или же «исправленные» (смотри по вкусу и точкѣ зрѣнія), стало быть, языки «искусственные», стоящіе наравнѣ съ другими «искусственными» языками.

Рядомъ со сторонниками теперь существующихъ и широко распространенныхъ «живыхъ» языковъ имѣются тоже любители воскрешенія «мертвыхъ» языковъ и снабженія ихъ ролью международныхъ посредниковъ, вродѣ того, какъ средневѣковая латынь объединяла въ одно языковое общество всѣ народы западной Европы (мимоходомъ говоря, не народы, а только ихъ незначительную привилегированную частичку, дышавшую воздухомъ или монастырей, или школъ, или же канцелярій).

И еще одно маленькое замѣчаніе. Говорить о «жизни» или «мертвости» языковъ значитъ доказывать, что мы не понимаемъ сущности языка. Каждый языкъ является «мертвымъ» для тѣхъ, кто его не знаетъ. Кто же узнаетъ и поселить въ своей головѣ языки греческій, латинскій, древне-еврейскій, санскритскій и т. п., оживляетъ ихъ точно также, какъ любой такъ называемый «живой» языкъ.

Затѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что эти такъ называемые «мертвые» языки не годятся для передачи нашихъ новѣйшихъ понятій и представлений, въ своемъ же составѣ и строѣ они содержатъ такіе же «недостатки» и «несовершенства», такія же «исключения», такіе же пережитки различныхъ эпохъ и наслоеній, какъ и все прочие языки. Стало быть, для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ легкоуправляемые органы международного общенія, надо было бы ихъ передѣлывать и упрощать, т. е. замѣнить ихъ языками болѣе или менѣе искусственными.

Итакъ, если мы въ самомъ дѣлѣ желаемъ имѣть языкъ всемирный, языкъ международный, языкъ легко усваиваемый разными слоями народонаселенія, т. е. не только избранниками судьбы съ большимъ запасомъ свободного времени, но тоже людьми безпрестанного труда,—мы должны прибѣгнуть къ принципіальному требованію языка «искусственнаго», значительно упрощеннаго, основанного на признаніи однообразныхъ формальныхъ типовъ, безъ всякихъ «исключений».

Отношение общества и ученыхъ специалистовъ къ этому вопросу.—Притязанія специалистовъ-языковѣдовъ.—Различие теоретического и практическаго творчества.—Открытія и изобрѣтенія.—Преклоненіе передъ безсознательностью и стихийностью.—Романтизмъ въ области науки и ея примѣнений.

Собственно говоря, не можетъ быть рѣчи объ отношеніи человѣческихъ обществъ, какъ собирательныхъ цѣлыхъ, къ вопросу о вспомогательномъ международномъ языкѣ. До сихъ поръ общества вовсе еще не ставятъ себѣ этого вопроса. Ихъ интересуются только отдельные индивиды среди различныхъ обществъ, участвующихъ во всемирной и международной жизни.

И вотъ у разныхъ народовъ, среди мыслящихъ и сознательной публики, мы находимъ, по отношенію къ идеѣ одного международного языка и къ тому или иному способу осуществленія этой идеи: или фанатическихъ приверженцевъ, или приверженцевъ мирныхъ, или людей равнодушныхъ, индиферентныхъ, или, наконецъ, людей, настроенныхъ враждебно, или, по крайней мѣрѣ, смотрящихъ свысока и пренебрежительно. Эти послѣдніе отдельныяются отъ всего этого презрительными шутками, ироніей и зубоскальствомъ. Къ сожалѣнію, они забываютъ, что великихъ идей нельзя заглушить ни зубоскальствомъ, ни упрямымъ игнорированиемъ.

Ученые, вообще, относятся пока довольно равнодушно къ вопросу о вспомогательномъ международномъ языкѣ. Болѣе всего сторонниковъ этого дѣла вообще, а главнымъ образомъ языка Эсперанто въ частности, набирается въ ученоѣ мѣрѣ между математиками и естественниками, вѣроятно, потому, что естественникамъ свойственно больше всего пониманіе прикладнаго знанія и научнаго синтеза. Менѣе всего милостивыми по отношенію къ этому вопросу оказываются, пожалуй, тѣ ученые-специалисты, которыхъ онъ долженъ бы интересовать болѣе всего, именно, лингвисты, или языковѣды. Частью они считаютъ всѣ подобнаго рода попытки вторженіемъ непосвященныхъ въ арендуемый ими храмъ языковѣдѣнія, частью же смотрятъ на всякую попытку создать языковой синтезъ какъ на абсурдъ.

Многимъ ученымъ и не-ученымъ мѣшаеть при этомъ врожденный имъ консерватизмъ и боязнь новизны. Они ничего подобнаго не слыхали отъ предковъ, и поэтому боятся нежелательныхъ послѣдствій.

По моему, всѣ претензіи лингвистовъ по адресу не-лингвистовъ, все пренебреженіе, оказываемое ими искусственнымъ языкамъ за то, что эти языки являются созданіемъ священниковъ, врачей, купцовъ, офицеровъ и т. п., ни на чёмъ не основаны и, просто, смѣшны. Гдѣ какъ гдѣ, но ужъ въ области открытій и изобрѣтеній дѣление людей на посвященныхъ или специалистовъ и на дилетантовъ не можетъ быть оправдано ни логически, ни исторически. Иногда человѣкъ, повидимому, вовсе не подготовленный, можетъ интуитивно возмѣть творческую мысль и составить позади себя многихъ проведшихъ цѣлые годы въ самомъ добросовѣстномъ и глубокомъ изученіи даннаго предмета.

Языковѣды или лингвисты стоятъ до сихъ поръ почти исключительно на точкѣ зреинія, признающей единственно непосредственное народное творчество. Они благоговѣютъ передъ романтическими толками о безошибочности или пепогрѣшимости вѣтъсознательныхъ и стихийныхъ процессовъ. Народъ, моль, никогда не ошибается, а «*vox populi—vox Dei*» (голосъ народа—голосъ Бога). Эта послѣдній афоризмъ долженъ бы быть замѣненъ болѣе правильнымъ: «*vox populi—vox asinii*» (голосъ народа—голосъ осла); ибо вѣдь народъ точно такъ же не ошибается, какъ не ошибается осель и всякое другое четвероногое. Но мы имѣемъ въ виду не такую безошибочность. Мы не отрицаемъ «безошибочности» «силъ природы», природы, какъ физической, такъ и психической. Но въ то же время мы не можемъ отрицать, что въ сѣть

сознанія известные продукты стихійныхъ процессовъ могутъ не соотвѣтствовать цѣлямъ, которыя мы ставимъ себѣ сознательно.

Это романтическое преклоненіе передъ безошибочностью или непогрѣшимостью собирательного инстинкта устранило уже изъ другихъ областей душевно-общественныхъ или психо-соціальныхъ наукъ. Оно устранило изъ области права, гдѣ обычное право и вдохновеніе начальства замѣняются писаннымъ закономъ и конституціей. Оно устранило изъ области воспитанія, изъ области педагогіи; оно устранило изъ области искусства, изъ области поэзіи и литературы. Оно устранило изъ области теоретического мышленія, гдѣ мѣсто легендъ и стаднаго знанія, сложившагося благодаря «стихійному» творчеству, занимаетъ индивидуальная и индивидуально-коллективная наука.

Теперь пришла очередь на языкъ, дольше всѣхъ остальныхъ общественныхъ проявленій трактуемый какъ нѣчто неприосновенное и свободное отъ вмѣшательства со стороны сознанія. Если языкъ не является ни божествомъ, ни независимымъ отъ человѣка «организмомъ», если онъ, просто, психо-соціальное орудіе, если не человѣкъ существуетъ для языка, а языкъ для человѣка, если человѣкъ имѣеть не только право, но и обязанность совершенствовать всѣ свои орудія, то, очевидно, что этому совершенствованію должно подлежать и столь важное и неизбѣжное орудіе, какимъ является именно языкъ.

Такъ какъ языкъ неотдѣлимъ отъ человѣка и постоянно его сопровождаетъ, то надо овладѣть имъ и подчинить его себѣ еще въ большей степени, нежели другія области психо-соціальной или душевно-общественной жизни.

Если человѣкъ использовалъ энергию природы, направивъ «искусственныя» продукты къ улучшенію своего быта, то почему ему не использовать съ той же цѣлью элементовъ психического міра?

Насколько прогрессъ въ этой области долженъ идти рука обь руку съ этическимъ прогрессомъ, то какъ здѣсь, такъ и тамъ, т. е., какъ въ сферѣ использования «силъ» физической природы, такъ и въ сферѣ использования силъ «природы» психической, слѣдуетъ стремиться къ замѣнѣ стаднаго эгоизма обобществленнымъ индивидуализмомъ.

V. Возможность искусственныхъ языковъ. Анализъ и синтезъ въ языковѣдѣнії.—Различные виды искусственныхъ языковъ: 1) Съ точки зрѣнія участія въ нихъ сознательного творчества. 2) Съ точки зрѣнія цѣлей, для которыхъ они возникаютъ. 3) Съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ традиціоннымъ языкамъ.

Кто допускаетъ единственно вѣсознательное, стихійное возникновеніе и перерожденіе языка, тотъ, конечно, долженъ исповѣдывать догму, что «нельзя создавать языкъ». Однако-же эта догма опровергается дѣйствительностью. У насъ имѣются неопровергимые факты вмѣшательства сознанія въ жизнь языка. Какъ только появляется письмо, какъ только появляется участіе онтическихъ представлений въ жизни языка, какъ только появляются искусства ореографіи и ореоэпіи, искусства правильно писать и говорить, какъ только появляется стремленіе къ идеальной языковой нормѣ,—появляется тоже участіе человѣческаго сознанія въ жизни языка.

Между передѣлкою только нѣкоторыхъ подробностей языка и между передѣлкою всего языка имѣется различіе только количественное, но ничуть не качественное.

При всякомъ смышеніи племень въ отношеніи языка, при всякомъ возникновеніи языкового компромисса между разнозычными народами происходит упрощеніе формъ такимъ болѣе или менѣе образомъ, какъ эти упрощенія примыкаютъ «сознательно» авторами искусственныхъ языковъ. Компромиссный языкъ китайско-русскій (языкъ къяхтинскій или маймачинскій), компромиссный языкъ китайско-англійскій (*Pidgin*) и т. п.—все это

образцы «бессознательно», «стихийно» происшедшихъ «искусственныхъ» языковъ. Однако-же при образовани этихъ искусственныхъ языковъ была неизбѣжна тоже извѣстная доля сознательного творчества.

Итакъ, у насъ имѣются извѣстные «искусственные» языки, возникающіе «бессознательно», подъ вліяніемъ «стихийныхъ» факторовъ, т. е., какъ результаты собирательного общественного труда. Но уже въ этихъ языкахъ мы можемъ констатировать содѣйствіе сознательной цѣлесообразности или же цѣлесообразного сознанія. Въ значительно большей степени элементъ сознанія и цѣлесообразности свойственъ «языкамъ» условнымъ, конвенціональнымъ, возникающихъ въ извѣстныхъ закрытыхъ, самодовѣрѣющихъ кружкахъ и сообществахъ. А уже вполнѣ сознательнымъ выборомъ и обдумываніемъ отличаются языки искусственные въ строгомъ смыслѣ этого слова, языки, выдуманные или отдельными изобрѣтателями, или же небольшою группою людей, и предназначенные для того, чтобы играть роль международныхъ языковъ.

При составленіи такихъ языковъ примѣняются,—по терминологіи профессора Кутюра,—два противоположныхъ принципа:

1) Принципъ априористической, состоящей въ изобрѣтеніи и установленіи особыхъ знаковъ мысли, по возможности независимыхъ отъ данного языкового материала. Этимъ путемъ возникаютъ не языки въ строгомъ смыслѣ этого слова, а системы логически упорядоченныхъ символовъ. Такія *«artes signorum»* (искусства знаковъ) не годятся очевидно для замѣны обыкновенныхъ языковъ.

2) Принципъ апостеріористической, т. е. использование материала, доставляемаго существующими языками, для составленія «искусственного» языка, являющагося только экстрактомъ изъ нихъ и ихъ упрощеніемъ.

Возможенъ тоже третій путь, путь посредній, т. е. соединеніе обоихъ этихъ принциповъ. Этимъ именно путемъ пошелъ творецъ Волалиюка, пользуясь, правда, материаломъ существующихъ языковъ, но передѣливавшій его до неузнаваемости и вообще придерживавшійся извѣстныхъ произвольно установленныхъ шаблоновъ. Подобными же какъ Волалиюку указаніями руководствовалось тоже нѣсколько другихъ «авторовъ» искусственныхъ языковъ, и въ особенности выдающійся творецъ «Голубого языка» (*Langue bleue*), парижский купецъ Léon Bollack.

Апостеріористического принципа, выраженнаго въ формулѣ, что международного языка не надо изобрѣтать, а достаточно его открыть, т. е. выѣдлить изъ существующихъ языковъ, придерживаются довольно многочисленные составители «искусственныхъ» языковъ, какъ: Lingua Catolic, Pan Roman или Universal, Novi Latin, Dilpok, Idiom Neutral, Аролема и т. д. Во главѣ ихъ стоитъ самый популярный и самый распространенный языкъ доктора Заменгофа (въ Варшавѣ), Эсперанто. Онъ является не болѣе или менѣе обстоятельно выработаннымъ проектомъ языка, а языкомъ законченнымъ и готовымъ для всестороннаго употребленія.

Благодаря началу максимума международности (*maximum de l'internationalité*), почти во всѣхъ апостеріористическихъ искусственныхъ языкахъ перевѣсь заимствованныхъ ими корней находится на сторонѣ элемента латино-романсскаго, такъ что эти языки, хотя бы, напр., Эсперанто, производятъ впечатлѣніе нового романскаго нарѣчія.

«Искусственные» языки въ самомъ общирномъ смыслѣ этого слова могутъ возникать для различныхъ цѣлей. Нѣкоторые изъ нихъ являются средствомъ общенія извѣстныхъ сообществъ или же группъ человѣческихъ, обособляющихъ себя отъ остального человѣчества. Люди, пользующіеся такими языками, стараются держать ихъ въ тайнѣ и обнаруживаются ихъ знаніе только передъ участниками того же обособленнаго сообщества. Такое отно-

шепіе совершенно чуждо тѣмъ «искусственнымъ языкамъ», о которыхъ здѣсь главнымъ образомъ идетъ рѣчъ.

Но зато творцы этихъ искусственныхъ международныхъ языковъ могутъ ставить себѣ различныя цѣли по отношенію къ традиционно существующимъ именемъ и національнымъ языкамъ. Католический священникъ Шлейеръ (Schleyer), творецъ «Волапюка», мечталъ о томъ, чтобы навязать свой языкъ, какъ языкъ отечественный, всему человѣчеству, съ устраненiemъ всѣхъ существующихъ языковъ. При этомъ онъ исходилъ изъ принципа: *mein deutsches Sprach ist eine Sprache* (человѣчеству одному языкъ одинъ). Это, очевидно, видоизмѣненіе католического лозунга: «одна овчарня и одинъ пастырь», лозунга, который навѣрно никогда не осуществится, но которому человѣчество обязано многими несчастіями и бѣдствіями, безчисленными потоками крови пролитой во имя этой психопатической «идеи».

Въ настоящее время развѣ только официально признанные маньяки могли бы забавляться подобными мечтаниями. А если, несмотря на это, существуетъ неустранимое, незаглушишое стремленіе къ международному языку, то только какъ къ языку «вспомогательному», употребляемому въ крайнихъ случаяхъ. При этомъ принимаются въ соображеніе потребности европейско-американского общенія, хотя, напр., Эсперанто находитъ много приверженцевъ тоже среди японцевъ.

VI. Сравненіе языковъ «естественныхъ», возникшихъ стихійнымъ путемъ, съ языками «искусственными», создаваемыми a posteriori. Что является общимъ обѣимъ этимъ группамъ, а что свойственно каждой изъ нихъ въ отдельности? Превосходство «искусственныхъ» языковъ надъ языками «естественнными».

Ни въ языкахъ Эсперанто, ни въ другихъ «искусственныхъ» языкахъ, построенныхъ по тому же апостеріористическому методу, нѣть ничего такого, чего бы не было въ языкахъ «естественныхъ», унаслѣдованныхъ путемъ преданія, путемъ «стихійнаго». Какъ «естественнымъ» языкамъ, такъ и языкамъ «искусственнымъ» свойственны тѣ же элементы и тѣ же направленія, только въ другомъ порядке, въ другихъ соединеніяхъ и въ другихъ количественныхъ взаимо-отношеніяхъ. Всѣ элементы языка Эсперанто и другихъ «искусственныхъ» языковъ этой категоріи взяты изъ «жизни». Это языки наши, языки мышленія ариоевропейскаго, романо-германо-славянскаго. Слѣдуетъ, такої «искусственнаго» языкъ обладаетъ всѣми признаками настоящаго языка.

Это относится одинаково къ сторонѣ произносительной, точно также, какъ и къ сторонѣ построенія языка, къ сторонѣ морфологической, затѣмъ къ сторонѣ значенія словъ, къ сторонѣ этимологіи, къ сторонѣ заимствованій, къ сторонѣ синтаксической, и наконецъ, къ сторонѣ графической или къ сторонѣ писаннаго языка.

Какъ въ «искусственныхъ», такъ и въ «естественныхъ» языкахъ болѣе или менѣе одинаково укладываются ассоціаціонныя отношенія между графическими представлениеми или представлениами письма и между представлениами фонетическими или произносительными. Какъ здѣсь, такъ и тамъ графическая представлена ассоциируются прежде всего не съ представленіями известныхъ работъ органовъ рѣчи, а только съ представленіями известныхъ слуховыхъ или акустическихъ впечатлѣній.

Какъ въ языкахъ «естественныхъ», такъ и въ языкахъ «искусственныхъ» одинъ изъ элементовъ строя языка является положеніе въ словѣ данной чедѣлимой единицы и ея отношеніе къ другимъ, предшествующимъ и слѣдующимъ, единицамъ. Такъ, напр., въ языке Эсперанто -o, взятое въ отдельности,

обозначаетъ имѧ существительное, а суффиксъ -os, (заключающій въ себѣ о) —время будущее. Суффиксъ -i является примѣтой неопределеннаго наклоненія, но въ односложныхъ словечкахъ, тi (я), сi (ты), li (онъ), si (она), gi (ono), ni (мы), vi (вы), конечно и ассоциируется съ представлениемъ личаго мѣстоимѣнія. Въ суффиксѣ -is гласный i въ соединеніи съ s указываетъ на прошедшее время глагола. То же самое касается знаменательныхъ элементовъ: -e рядомъ съ -es, -a рядомъ съ -as, -n i рядомъ съ -ni и т. п.

На подобіе того, какъ въ «естественныхъ» языкахъ, однимъ изъ морфологически-знаменательныхъ элементовъ языка Эсперанто является различіе односложности и многосложности. Я уже указалъ на это, говоря о различіи значенія примѣты -i въ односложныхъ личныхъ мѣстоимѣніяхъ (mi, li, ni, vi) и въ многосложныхъ, неопределенныхъ наклоненіяхъ (vol-i хотѣть, est-i быть и т. п.).

Нельзя тоже обойти молчаніемъ неоспоримаго превосходства языка Эсперанто надъ «естественнymi» языками въ отношеніи правильности и ясности построенія.

1) Въ языкѣ Эсперанто имѣется полное соотношеніе (полная координація) письма и произношенія. Нѣтъ здѣсь ореографическихъ трудностей, накопленныхъ въ «естественныхъ» языкахъ благодаря исторіи и случайности наслоеній.

2) Языкъ Эсперанто исключаетъ возможность недоразумѣній, происходящихъ отъ существованія гомонимовъ, т. е. словъ, одинаково звучащихъ, а по значенію совершенно различныхъ (выше я привѣтъ нѣсколько примѣровъ изъ французскаго языка, въ которомъ впрочемъ многіе изъ этихъ гомонимовъ различаются на письмѣ). Такъ называемая игра словъ (*jeu de mots*) здѣсь почти немыслима. Теряютъ, правда, отъ этого каламбуристы и шутники, но зато чрезвычайно много выигрываютъ обыкновенные смертные, дорожащіе прежде всего ясностью и выразительностью языка.

3) Въ «естественныхъ» языкахъ большую и, съ точки зрѣнія не только логики, но тоже потребности взаимнаго пониманія, совершенно нераціональную трудность составляютъ измѣненія одного и того же корня или основы въ различныхъ формахъ и соединеніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ русскомъ ледъ, льда, льдина, ледникъ, гдѣ въ корнѣ, означающемъ «ледъ», появляются то три звука (лѣдъ, лед-никъ), при чмъ средній можетъ быть или гласнымъ о (лѣдъ), или же е (ледникъ); то два звука (льд-а, льд-ина), при чмъ второй согласный можетъ быть или «твѣрдымъ» (льда), или же «мягкимъ» (льдина). Точно также видоизмѣненія звукового состава однихъ и тѣхъ-же корней или основъ свойствены громадному большинству словъ: вода, воды, водѣ, вѣды, водъ; сестрѣ, сестры, сестрѣ, сѣстры, сестрѣ; столъ, стола, столѣ; несу, несѣть, несъ, нести, носить; ходить, хаживать; жать, жну; жать, жму и т. д. Въ нѣкоторыхъ «естественныхъ» языкахъ этой измѣняемости корней и основъ значительно меныше, чѣмъ, напр., въ русскомъ, но все-таки ни одинъ «естественній» языкъ не свободенъ отъ подобныхъ чередованій или алтернацій, то связанныхъ съ оттенками значенія, тѣ опять только передаваемыхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію какъ пережитки прежнихъ отношеній. «Искусственный» языкъ Эсперанто устраниетъ всякия алтернаціи, однообразитъ произносительные или фонетические виды (облики) «морфемъ», т. е., съ точки зрѣнія значения, далѣе недѣлимыхъ частей словъ, такъ что эти недѣлимые части словъ мѣняются единственно въ зависимости отъ «непреодолимыхъ силъ» произносительного механизма. Такъ, напр., недѣлимое по значенію *bo-p*-значить «добрый», «доброта» и т. п. во всѣхъ сочетаніяхъ. Точно также *ratr-* «родитель», *vol-* «хотѣть», «воля» и т. п., *farg-* «дѣлать», *vund-* «рана», «ранить» и т. п., *flor-* «цвѣтъ», «цвѣсти» и т. д. Съ этими неизмѣняемыми корнями соединяются другіе корни.

какъ строго опредѣленные показатели или экспоненты специализаціи формъ и значеній.

Вследствіе этого языкъ Эсперанто отличается почти безусловною прозрачностью, чуждою языкамъ «естественнымъ». Каждый дальше не разлагаемый морфологический элементъ, знаменательный ли корень, приставка ли (суффиксъ, префиксъ и т. п.), имѣеть точно опредѣленное значеніе и находится на своемъ мѣстѣ въ эсперантскомъ словарѣ. Такъ, напр., суффиксъ -аг- сообщаетъ данному представлению оттѣнокъ собирательности (*hom-o* человѣкъ, *bom-a-g-o* собраніе людей, человѣчество и т. п.), но отдельно взятое аг-значить просто «собраніе», «собирать» (*ag-o* собраніе, *ag-o-j* собранія, *ag-i* собирать ...). Глагольный суффиксъ -ig- значитъ: «заставлять что-либо лѣтать» (французское *fa ire*, немецкое *lassen*) (напр., *i g-i* ходить, *i rig-i* заставлять ходить); но само *i g-i*, какъ отдельное слово, значитъ: заставлять, принуждать къ чему-либо. Суффиксъ -et- значитъ уменьшительность, -o- существительное, -j- множественное число; *стало* быть, напр., *flor-g-o* «цвѣтъ», *flor-e t-o* «цвѣтокъ», *flor-e t-o-j* «цвѣтки».

4) Помѣщеніе каждой морфологической (формально-знаменательной) единицы на своемъ мѣстѣ въ эсперантскомъ словарѣ (равно какъ и въ словаряхъ нѣкоторыхъ другихъ «искусственныхъ» языковъ) значительно облегчаетъ обученіе этому языку и пользованіе имъ.

5) Во всѣхъ «естественнѣнныхъ» языкахъ проявляется стремленіе къ упрощенію формальныхъ типовъ, къ устраненію нерациональныхъ формальныхъ различий, не оправдываемыхъ ассоціаціей съ представленіями различій значенія. Такъ, напр., въ русскомъ прежнее отношеніе волкъ, волка, волцъ; другъ, друга, другѣ; духъ, духа, дусъ и т. п. было замѣнено болѣе однообразнымъ волкъ, волка, волкъ; другъ, друга, другъ; духъ, духа, духъ и т. п., по образцу цѣлаго ряда прежнихъ и нынѣшихъ отношеній въ родѣ полъ, пола, полѣ; дубъ, дуба, дубъ; станъ, стана, станъ и т. д. Точно также вместо прежнихъ рука, руцѣ; нога, ногѣ; сноха, сносъ и т. п. появились рука, рукѣ; нога, ногѣ; сноха, снохѣ и т. д., по образцу вода, водѣ; пила, пилѣ; сова, совѣ; нора, норѣ и т. д. Но «естественнѣнныя» языки не успѣютъ еще избавиться отъ одного пережитка прежнихъ различій, нѣкогда такъ или иначе обоснованныхъ, какъ уже лѣтствіе новыхъ факторовъ создаетъ новые различія въ такомъ же родѣ и ставить новые задачи для решенія. Здѣсь же, въ языкахъ «искусственному», вродѣ Эсперанто, цѣль достигнута сразу, отъ одного взмаха. Нѣть здѣсь вовсе различій нерациональныхъ, нѣть пережитковъ единственno традиціонныхъ, нѣть начатковъ измѣненій, существующихъ совершившіся въ будущемъ. Благодаря этому языкъ Эсперанто не знаетъ вовсе «исключеній». Ему свойственъ одинъ единственный типъ каждой категоріи языковыхъ формъ: одно «спряженіе», одно «склоненіе», одна «моція» (степени сравненія прилагательныхъ и нарѣчій) и т. д. Если мы вспомнимъ, сколько времени и умственной энергіи необходимо потратить на то, чтобы овладѣть разнообразiemъ и богатствомъ, хотябы, напр., французскихъ глагольныхъ формъ, то мы поймемъ благо-дѣяніе, проистекающее изъ этого упрощенія и уоднообразіенія.

Этотъ радикальный способъ раздѣляться съ «исключеніями» и «неправильностями» языка напоминаетъ радикализмъ въ другихъ сферахъ общественной жизни, прежде всего въ законодательствѣ: напр., решеніе за одинъ разъ вопроса о гражданскомъ равноправіи, вопроса о неприкосновенности личности, вопроса о свободѣ печати, обѣ одинаковости судовъ и т. п.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что отсутствіе исключеній и абсолютная правильность составляютъ характеристическую черту не одного только Эсперанто, но тоже нѣкоторыхъ другихъ международныхъ языковъ, существующихъ пока большую частью только въ видѣ проектовъ и очерковъ.

6) Но, пожалуй, одинъ только Эсперанто обладаетъ превосходствомъ надъ «естественными» языками въ области синтаксиса. Это превосходство достигается имъ черезъ введеніе особыхъ показателей или экспонентовъ частей рѣчи, экспонентовъ, позволяющихъ сразу, съ первого взгляда, опредѣлять, что является существительнымъ, что прилагательнымъ, что нарѣчіемъ и что глаголомъ. Примѣтою существительного является -o, примѣтою прилагательного -a, примѣтою нарѣчія -e. Только глаголу чужда общая примѣта, повторяющаяся во всѣхъ формахъ, но тѣмъ не менѣе мы можемъ отличать глагольныя формы -i — неопределеннное наклоненіе; -u — повелительное наклоненіе, точно, наклоненіе воли и желанія; -as — настоящее, -is — прошедшее, -os — будущее, и т. д.

VII. Упреки искусственнымъ языкамъ вообще и языку Эсперанто въ частности.

Языку Эсперанто дѣлается упрекъ въ монотоніи (однообразіи) акцента (ударенія), именно въ томъ, что его слова ударяются всегда на предпослѣднемъ слогѣ. Этотъ упрекъ несправедливъ. Въ «искусственныхъ» языкахъ произносительные оттѣнки не используются для цѣлей морфологическихъ и семасиологическихъ (связанныхъ со значеніемъ); а вѣдь къ области произносительныхъ оттѣнковъ принадлежитъ тоже различіе акцентованныхъ (ударяемыхъ) и неакцентованныхъ (неударяемыхъ) звуковъ и словъ. Введеніе такой подвижности акцента, какую встрѣчаемъ, напр., въ языкахъ русскомъ, сербскомъ, словинскомъ, нѣмецкомъ и т. п., было бы большимъ затрудненіемъ, несовмѣстимъ съ основными началами построенія «искусственныхъ» языковъ. Въ «искусственныхъ» языкахъ акцентъ можетъ играть только роль произносительного неизбѣжного зла (*malum necessarium*) и служить единственно для отличенія въ предложеніи однихъ словъ отъ другихъ. Стало-быть, ему долженъ быть свойственъ тотъ же характеръ, что въ языкахъ польскомъ, чешскомъ, французскомъ, что въ языкахъ финскихъ, урало-алтайскихъ (туркескихъ) и т. д. Выборъ предпослѣдняго слога каждого слова для подчеркиванія его съ помощью усиленія голоса объясняется польскимъ происхожденіемъ составителя Эсперанто.

Польское происхожденіе доктора Заменгофа объясняетъ намъ иѣкоторыя другія особенности его языка: ассоціаціи представленій латинскихъ буквъ c, z, k, j съ представленіями соответствующихъ имъ звуковъ; слово *Mosto*, значащее «ваша милость», «ваше благородіе» и т. п., а являющееся передѣлкою польского слова *Mo'sc*, и т. д.

Упрекаютъ тоже языкъ Эсперанто въ томъ, что онъ является языкомъ «смѣшаннымъ», не однообразнымъ. Я хотѣлъ бы однако же знать, гдѣ между «естественными» языками имѣются языки однообразные, не смѣшанные. Если же каждый языкъ, племенной ли и национальный, или же индивидуальный, оказывается по необходимости смѣшаннымъ, ибо составившимся какъ равнодѣйствующая самыихъ разнообразныхъ вліяній, то тѣмъ болѣе смѣшаннымъ долженъ быть всякий языкъ «искусственный».

Если одни видятъ въ Эсперанто отсутствіе однообразія и разноязычную съѣсь, то опять другимъ не нравится, что этотъ языкъ недостаточно международенъ, стало быть, въ извѣстномъ смыслѣ, недостаточно смѣшанъ. Онъ, дескать, грѣшилъ противъ начала международности (*maximum de l'internationalit *), удовлетворять которое должны будто бы всѣ искусственные языки. На это можно возразить, что въ этой международности, въ этой апостеріоричности, въ этомъ компилиаторствѣ, въ этомъ отыскываніи элементовъ, общихъ всѣмъ языкамъ, надо соблюдать извѣстную мѣру.

И вотъ въ языкѣ Эсперанто сторона з每一天, сторона семасиологическая составлена a posteriori тоже относительно фонетического состава про-

стыхъ элементовъ или корней, особенно при словахъ дѣйствительно международныхъ; напр., *teatr-*, *telegraf-*, *vers-* (стихъ), *кас-* (касса), *кrim-* (преступление), *objekt-* (предметъ), *person-* (лицо), *ornam-* (украшать) и т. п.

Сторона же морфологическая этого языка принципиально является тоже апостеріоричной, но фонетический составъ формальныхъ элементовъ былъ созданъ большей частью a priori. И въ этомъ-то именно я, по крайней мѣрѣ, вижу преимущество. Здѣсь должно быть дано предпочтеніе произвольнымъ символамъ, въ родѣ, напр., -о (существительность), -а (прилагательность), -е (примѣта нарѣчія), -и (глагольная неопределѣленность), -и (глагольная воля, желаніе), -ет- (уменьшительность) и т. п. Иначе пришлось бы подражать исторической случайности того или другого языка. Такъ, напр., произвольный символъ неопределенного наклоненія, -и, предпочтительнѣе романскихъ -а г., -е г., -и г., германскаго -е п., славянскаго -ти (ти), -т (-т) и т. п. Подражаніе же обилю древне-греческаго языка и введеніе въ искусственный языкъ нѣсколькоихъ неопределѣленныхъ наклоненій (настоящаго, прошедшаго, будущаго) является въ «искусственномъ» языкѣ непростительно ошибкою.

Затѣмъ мы слышимъ справедливыя, въ извѣстной степени, жалобы на трудность передачи фразеологіи различныхъ языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, пословицы, сочныя, чисто народныя метафоры, (напр., смотрѣть сквозь пальцы, на ворѣ шапка горитъ, работать спустя рукава, онъ себѣ въ усть не дуетъ и т. п.) исчезаютъ, улетучиваются, а, по крайней мѣрѣ, блекнутъ при перенесеніи ихъ въ искусственный международный языкъ. Но въ этомъ я не вижу большого несчастія, особенно если сообразить, что задача такого языка состоять въ трезвой, простой передачѣ обыкновенныхъ мыслей при общеніи разнозычныхъ людей. Вѣдь и безъ «искусственныхъ» языковъ трудно переводить идиотизмы одного «естественнаго» языка на другіе языки «естественные».

А вотъ еще упрекъ. Вѣдь каждый «искусственный» языкъ является «языкомъ вымыщеннымъ», является «фикціей». Дѣйствительно, такъ. Но рѣдь, смотря на дѣло объективно, мы должны согласиться, что Эсперанто и другіе «искусственные» языки представляютъ изъ себя такую же «фикцію», какъ и всѣ остальные языки, языки «естественные». Вѣдь всѣ языки могутъ жить только въ индивидуальныхъ головахъ, какъ группы языковыхъ представлений, объединенныхъ въ одно цѣлое общимъ, постоянно имѣть сопутствующимъ представлениемъ племенно-языковаго, или же национально-языковаго единства. А вѣдь то же самое относится также ко всѣмъ «искусственнымъ» языкамъ.

Наконецъ, мы слышимъ упрекъ, что Эсперанто представляетъ изъ себя не языкъ, а «жаргонъ». Но вѣдь при доброй волѣ можно всѣ языки переименовать въ «жаргоны». Это зависитъ единственно отъ того, подъ какимъ угломъ мы на нихъ посмотримъ. Эта капризная терминологія находится въ зависимости отъ вкуса, отъ импрессіи, отъ симпатіи и антипатіи. Для «истинно-русскаго» человѣка «жаргономъ» является языкъ малорусскій, или украинскій, а, можетъ быть, даже и польскій. Мало того, вѣдь такъ называемый «еврейскій жаргонъ» каждому лингвисту, а и вообще каждому непредубѣжденному, объективно смотрѣющему человѣку представляется такимъ же точно языккомъ мысли, чувствъ, желаній и вожделѣній, какъ и любой другой языкъ.

Я, съ своей стороны, имѣлъ бы кое-что возразить противъ языка Эсперанто. Прежде всего я формулирую упрекъ въ нетрезвости, являющейся послѣдствиемъ вліянія нетрезвыхъ аріоевропейскихъ языковъ. Эту нетрезвость я вижу, напр., въ образованіи женскихъ имёнъ отъ имёнъ мужскихъ (*bov-o быкъ*, *bov-in-o корова*; *patr-o отецъ*, *patr-in-o мать* ит. п.), въ употребленіи предстаковокъ или префиксъ рядомъ съ послѣставками или приставками (суффиксами) въ тѣхъ же формальныхъ категоріяхъ (напр., въ глаголахъ префиксъ *ek-* для обозначенія дѣйствія мгновенного, а суффиксъ *-ad-*

для обозначенія дѣйствія длительнаго: *mī ek-salt-is de surpriz-o*—«я подпрыгнуль или подскочилъ отъ удивленія», но *mī salt-ad-is la tut-a-p-ta g-o-n*—«я прыгалъ или скакалъ цѣлый день») и т. п.

Несостоительны тоже опасенія различныхъ скептиковъ, высказываемыя по поводу Эсперанто.

Вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя произносительныя сочетанія въ Эсперанто такого дескать рода, что со временемъ они непремѣнно подвергнутся измѣненію. Такъ, напр., двухсложное сочетаніе *kiam* должно, моль, подъ дѣйствіемъ обыкновенныхъ «звуковыхъ законовъ», переродиться современемъ въ односложное сочетаніе *s a m*. Но эти пресловутые «звуковые законы» не такъ ужъ непреложны и свободны отъ исключений (точнѣе уклоненій) даже въ «естественнѣхъ» языкахъ; да кромѣ того, надо помнить, что такой «искусственный» языкъ не предается во власть «стихійныхъ силъ», ибо онъ долженъ оставаться подъ постояннымъ контролемъ сознанія, именно, какъ языкъ «искусственный», т. е., какъ языкъ сознательно созданный, сознательно передаваемый, сознательно усваиваемый и сознательно воспроизводимый. Вѣдь то же самое имѣеть мѣсто въ сознательно передаваемыхъ и воспроизведеніяхъ древнихъ языкахъ, въ родѣ латинскаго, греческаго, еврейскаго, санскритскаго... Нѣкоторыя разновидности произношенія, племенного ли и національного, или же только индивидуального характера, неизбѣжны, но въ такомъ «искусственномъ» языкѣ ихъ можно свести до минимума.

Въ виду этого лишено всякаго основанія опасеніе, что искусственный международный языкъ распадется на говоры, на подобіе того, какъ нѣкогда распалась народная латынь. Вспомогательный международный языкъ усваивается не цѣлыми народами и племенами, а только отдельными лицами среди всего человѣчества. Припадлежность этихъ лицъ къ разнымъ племенамъ и народамъ наложитъ, конечно, особый отпечатокъ на способъ усвоенія ими международнаго языка, но отъ этого до распаденія на говоры еще довольно далеко.

VIII. Практическіе результаты въ общественной и международной жизни.— Вліяніе международнаго языка на прогрессъ человѣчества: 1) въ умственномъ отношеніи, 2) въ нравственномъ отношеніи съ дальнѣйшими послѣдствіями, 3) въ политическомъ и общественномъ отношеніи.

На первый планъ слѣдуетъ поставить пользу отъ «искусственнаго» языка для умственного развитія людей, пользующихся этимъ орудіемъ международнаго общенія. У того, кому не нужно изучать разные чужіе языки, остается много времени для усвоенія знанія въ области наукъ. Правильность же построенія «искусственнаго» языка, господствующее въ немъ начально *distinguenda distincta* (различается то, что должно быть различаемо) усиливаетъ ясность мышленія и помогаютъ выработкѣ трезваго міровоззрѣнія.

Затѣмъ въ области этики припятіе «искусственнаго» общечеловѣческаго языка помогало бы уменьшенію остроты международныхъ и междугосударственныхъ конфликтовъ и укрѣпляло бы терпимость убѣждений и разнобразныхъ стремленій. Въ этомъ направлениі международный языкъ можетъ сѣѣтъ гораздо больше, нежели такъ называемое христіанство и религія юобще. Религіозныя вѣроисповѣданія не объединяютъ людей, а, напротивъ того, разъединяютъ ихъ и настраиваютъ ихъ враждебно другъ противъ друга. При этомъ они насилиютъ свободную мысль человѣческую и уничтожаютъ индивидуальность. Вспомогательный же международный языкъ является только общимъ одинаковымъ орудіемъ общенія между людьми, оставляя полную свободу убѣждений и не оскорбляя ничьихъ святая святыхъ. Клерикалы и религиозныя фанатики могутъ здѣсь сходиться на общей почвѣ съ фанатиками

атеизма и мнимаго «свободомыслия». Принятіе подобнаго общечеловѣческаго языка подчеркиваетъ единство человѣчества, общечеловѣческую солидарность и общность интересовъ въ борьбѣ съ природою, какъ физическою, такъ и психическою. А только на такихъ психическихъ основаніяхъ можно построить зданіе дѣйствительного обобществленія.

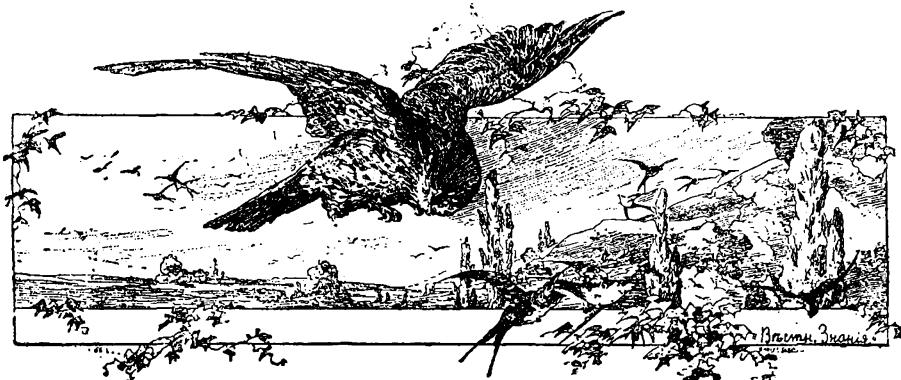
Вспомогательный международный языкъ помогаетъ разрѣшать споры между людьми, облегчаетъ общеніе и всякаго рода обмѣнъ, ускоряетъ темпъ общественной жизни.

Только тогда станетъ возможнымъ дѣйствительное равноправіе народа и націй, т. е. людей, благодаря или своему происхожденію, или же свободному выбору, подводимыхъ подъ понятіе разныхъ племенности или же національностей.

Только при существованіи всемирнаго языковаго органа можетъ возникнуть настоящая всемирная литература. Кто знаетъ, не будуть ли современемъ въ университетахъ разныхъ странъ и государствъ основаны каѳедры международнаго языка, и затѣмъ тоже международной литературы *).

Проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

(Скончание въ слѣд. №).

Batalo.

A. Kolcov.

Super mi ventego bruis,
Tondro sonis sen la lim',
Antaŭ sorto sango skuis
Kaj tremadis la anim'.

Ne minacu, sort', mizeron,
Ne timigu vane min,
Mi toleros la suferon
Kaj facile venkos vin!

Sed ne timis mi doloron,
Restis forta en liber',
Forton korpan, varman koron
Mi konservis kun esper'!

Havas forton mi spiritan,
Koron plenan de la lum',
Tombon, sub la kruc' fositan,
Mian amon en krucum'!

Tradukis A. Melnikov.

*) Ĉar tiu ĉi artikolo havas speciale propagandan celon kaj, krom tio estas tro granda (gi havas 21 paĝojn), ni presas ĝin nur ruse. En Esperanta do lingvo ni presos nur fundamentajn principojn de gi.

La Redakcio.

Василій Чурила.

(Съ бѣлорусскаго).

I.

Лѣсь шумѣль подавляюще-грустно. Лѣсь рѣдко когда молчитъ. При-вычное ухо ловило въ немъ голоса, но никто еще не вникалъ въ тайну его разговора, только сердце смутно угадывало въ немъ подавляющую грусть, или тревогу. Косматыя еловыя вершины тряслись, какъ въ бѣшеномъ танцѣ. Лапы то опукались, то подымались, какъ бы ловя невидимаго врага, который не давалъ покоя и заставлялъ все время дрожать лѣсь...

И онъ шумѣль. Зловѣще-грустно шумѣль старый лѣсь.

На опушкѣ стояла изба лѣсника, Василія Чурилы. Маленько оконце избушки мутно мерцающимъ глазомъ всматривалось въ ночь, въ полѣ. Волчьи глаза издали видѣли его. Надъ самыми окнами повисла голая верба и глухо шумѣла и стонала.

Маленькая лампочка едва освѣщала избушку. Подлѣ стола сидѣла жена Василія—Алеся. Ей ничего не хотѣлось работать: такъ и валялось все изъ рукъ.

Дѣти давно уже спали.

—Боже мой! Гдѣ-жъ это Василій?— со вздохомъ спрашивала Алеся.

Василій не первый разъ приходилъ домой въ такой поздній часъ. Знала Алеся собачью службу лѣсника, знала господина лѣсничаго, знала, что онъ былъ за человѣкомъ. Но почему же такъ страшно за Василія сегодня? Алеся и сама этого не знала, только какая-то глухая тревога забиралась въ душу и, какъ червякъ, точила сердце.

Долго ждала она Василія.

Vasiliј Curyla.

(El blankrusa lingvo).

I.

La arbaro bruis premante-malgoje. La arbaro malofte silentas. Kutime orelo kaptas en ĝi voĉojn, sed neniu ankoraŭ penetris en misteron de ĝia parolado, kaj sole koro iom divenadis en ĝi premantan malgojon aŭ sentrankvilecon. Vilaj suprajoj de l' abioj balancigadis, kvazal en furioza danco. Manegoj jen mallevidis sin jen levigadis ree, kvazal kaptante nevideblan malamikon, kiu forprenadis de ili trankvilon kaj devigadis senese tremita arbaron... Kaj ĝi bruegis. Minace-malgoje bruegis la majjuna arbaro.

Sur la rando de l' arbaro staris dometo de l' arbaristo, Vasiliј Ĉuryla. Malgranda Fenestretto de la dometo per malklare-brilestanta okulo rigardis en la nokton, en la kampon. De malproksime vidis ĝin lupaj okuloj. Super mem la fenestro fleksigis nuda saliko kaj surde bruis kaj gemis.

Malgranda lampeto aperau lumigis la ĉambrojn. Apud tablo sidis la edzino de Vasiliј—Alesja. Si nenion deziris labori: eio faladis el siaj manoj.

La infanoj jam longe dormis.

— Dio mia! Kie do estas mia Vasiliј?— kune gemeto demandadis sin mem Alesja.

Vasiliј jam ne unuan fojon venadis hejmen en tia malfrua horo. Konis Alesja hundan servadon de arbaristo, konis sinjoron arbarestron, konis, kia homo li estis sed kial do tiel timas si hodiau pro Vasiliј?

Alesja mem tion ĉi ne sciis, nur ia surda maltrankvileco enrampadis en la animon kaj, simile al vermo, mordetadis sian koron.

Longe atendis si Vasilon.

Pensadis si pri ĉiu malfeliĉoj, kiuj povas okazi kun sia edzo en tiu ĉi maltrankvila nokto.

La arbaro do bruegis. Malgaje, minace-malgoje bruis la majjuna arbaro.

Передумала о всѣхъ несчастьяхъ, которые могли приключится съ мутемъ въ эту неспокойную ночь.

А лѣсь все шумѣль. Уныло, зловѣще-грустно шумѣль старый лѣсь.

II.

Куда же дѣвался Василій?

Уже начинало смеркаться, когда лѣсь-ничъ послалъ его въ сосѣдненіе.

Была уже глубокая ночь, когда на Василій пришелъ въ имѣніе къ помѣщику, который задержаль его на нѣсколько часовъ, пока писаль отвѣтъ лѣсничему. Никто не спросилъ у Василія, тѣль ли онъ; никто не накормилъ его голоднаго. И вышелъ Василій отъ помѣщика съ горькой обидой въ сердцѣ.

Бѣдность заставила его покинуть отцовскій домъ и идти въ лѣсники. Не мало пришлось ему пообщиваться съ господскими порогами, не разъ онъ вынужденъ былъ стоять безъ шапки предъ лѣсничимъ въ холопской позѣ. А это любить лѣсничего. То лѣсничество—глухой уголокъ Бѣлоруссии—въ которомъ служилъ Василій, было полно еще старыми порядками того времени, когда мѣняли людей на собакъ, того времени, которое зовется „панщиной“. Жизнь шла дальше своего дорогою, а этотъ уголокъ оставался глухимъ, окаменѣлымъ, и свѣтъ новой жизни убѣгаль отъ него, какъ убѣгаютъ, отражаясь, лучи зимняго солнца отъ ледяной глади.

Шелъ Василій одинокій, подавленно-грустный.

Снѣгъ быстро заметалъ дорогу. Вѣтеръ сбивалъ Василія съ ногъ, а горькія думы, какъ почвы, кружились надъ его головою. Вся жизнь, всѣ его мысли были о томъ, какъ-бы поскорѣе избавиться отъ своей собачьей службы. „Достать бы клочекъ земли“,—думалъ онъ, „построить свой домъ и жить, какъ Богъ на душу положитъ, никого не бояться, ни передъ кѣмъ не гнуться“.

А тутъ что? Однѣ обиды и униженія.

III.

А вѣтеръ все становился сильнѣе; Василій отвернулся воротъ полушибука, насыпалъ на уши круглую шапку, опустилъ ружье дуломъ внизъ, чтобы не надуло снѣга.

Лѣсь кончился. Василій вышелъ на открытое мѣсто. Онъ все думалъ о своей жизни, о службѣ лѣсника.

Еще-бы, пожалуй, можно бы было служить, если бы приходилось держаться только службы. Но бѣда въ томъ, что лѣсничий гналъ его всюду, какъ дарового коня. Отъ одной только мысли видѣться съ лѣсничимъ, морозъ пробѣгалъ по кожѣ Василія. Онъ не разъ говорилъ, что желалъ

II.

Kien do perdigis Vasili?

Jam komencis krepusko, kiam la arbarestro sendis lin en la najbaran bienon.

Estis jam profunda nokto, kiam Vasili venis en bienon al bienhavanto, kiu restigis lin por kelkaj horoj, dum li skribis respondon al la arbarestro. Neniu demandis Vasilon, eu li mangis ion, neniun donis mangon al la malsatulo. Kaj foriris Vasili de l' bienhavanto kun mal-dolca ofendo en la koro.

Malriĉeoj devigis lin forlasi la patran domon kaj fariĝi arbaristo.

Nemalムlfre devis li tredi sinjorajn sojlojn, ne unu fojon li estis devigata stari sen ĉapo antaŭ la arbarestro en lakea pozo. Kaj tio ĉi plieas al la arbarestro. Tiu arbara distrikto serviva anguleto de la Blankrusujo*) kie servis Vasili, estis ankorat plena de malnovaj ordoj de tiu malluma tempo, kiam oni intersangadis homojn por hundoj, de tiu tempo, kiun oni nomas „panšina“**) („sinjoreco“). La vivo iris pluen per sia vojo, sed tiu ĉi anguleto restis serviva, stoniginta, kaj la lumo de la nova vivo vivo forkuradis de gi, kiel forkuras, rebantante, radioj de la vintra suno de glacia glatajo.

Iris Vasili sola, premite—malgoja.

La nego rapide supersutadis la vojon, la vento faligadis Vasilon de la piedoj, kaj malgajaj pensoj, kiel abeloj, turnigis super lia kapo. La tuta vivo, ĉiu ĵiaj pensoj estis pri tio, kiel eble estus liberiĝi la plej rapide de sia hunda servado. „Se mi povus akiri pece-ton da tero“, pensis li,—„konstrui sian domon kaj vivi, kiel Dio ardonos, neniu timante, antaŭ neniu sin humiliigante“.

Sed nun kio estas? Sole ofendoj kaj malhonoroj.

III.

La vento do farigis ĉiam pli forta; Vasili deturnis kolumnon de sia duonpelto, surmovis sur orelojn rondan ĉapon, mallevis tubon de la paſilo malsupren, por ke ne enfalu tien nego. La arbaro finigis Vasili eliris sur vastan lokon. Li pensis pri sia vivo, pri la servado de arbaristo.

Ankorat, sajue, oni povus servi, se estus necese plenumadi nur siajn devojojn. Sed malfeliĉe estas en tio, ke la arbarestro pendis lin ĉien, kiel senpagan ĉevalon. De unu nur penso, ke li devos vidu la arbarestron, frosto trakuras sur la haŭto de Vasili. Li ne unu fojon paroladis, ke pli bone li dezirus renkontiĝi kun rampanta besto al lupo, ol okazi antaŭ okulojn de l' arbarestro. Ne unu fojon staradis Vasili blanka kiel tolo, pro afendo kaj malhonoreco, aŭskultante instruaĵojn de l' arbarestro.

La manoj mem kunmetigadis en pugnojn, kaj ne unufoje ia nekonata forto pušadis lin—

*) Parto de l' Okcidenta Rusujo (ĉefe la Minska gubernio).

**) Tiel oni nomas en Rusujo la epokon de servuta regimo.

бы лучше встрѣтиться съ гадиной! *Jetgi al la arbarestro, disbatli lian vizagon,*
или волкомъ, чѣмъ попасть на глаза *jeti lin sur la teron, bati per piedoj, batisea*
лѣсничему. Не разъ стоялъ Василій *kompato, sen indulgo. Tiam, sagnis, li vengos*
бѣлый, какъ полотно, отъ обиды *ial sia tirano pro ĉio senreste. Sed ekreme-*
униженія, выслушивая наставленія *moradis Vasilij, ke ĉe li estas edzino, estas*
лѣсничаго. Руки сами свертывались *malgrandaj infanoj, kaj la mano mem mal-*
домая сила толкала его бросить-*levadis sin, kaj staris li, kiel stoniginta, en*
ся на лѣсничаго, разбить лицо, бро-*silento.*
спить на землю, топтать ногами, бить,
бить безъ сожалѣнія, безъ милосер-*Kio do, jetigi al la arbarestro? Sed*
дія. Тогда казалось, онъ отомстить
своему тирану за все разомъ. Но *insultadis arbarestro, kiel bona majstro de*
вспоминаль Василій, что у него есть *sia afero. Lia insultado versigis longe, fluis,*
жена, есть маленькая дѣти, и руки *senhalte. Oiu lia vorto estis pripensita de li*
бами опускались, и стоялъ онъ, какъ *ka jas koron kiel peza premilo.*
скаменѣлый, въ молчаніи. Что-жъ *orositce na l'vsnichago? a dalshe*

что? Дальше тюрьма, нищенская су-
ма. Дальше этихъ границъ не ходить
забитая, приниженная душа простого
человѣка.

Ругался лѣсничій, какъ хороший
мастеръ своего дѣла. Руганъ его
лилась долго, плавно, безъ запинки.
Каждое его слово было взвѣшено и
было по сердцу тяжкимъ обухомъ

IV.

Въ тактъ думамъ и мыслямъ Ва-
силия въ полѣ пѣль вѣтеръ никому
не нужная пѣсни. Василій такъ углу-
бился въ свои мысли, что забылъ,
гдѣ онъ, куда идетъ.

Онъ остановился, чтобы разглядѣть,
гдѣ онъ. Ноги его по колѣна утопали
въ снѣгу... Развѣ разглядишь что-
нибудь въ такую ночь?.. Небо смѣши-
лось съ землею. Широкій просторъ

*En takto al pensoj de Vasilij en la kampo
kantis la vento necesajn al neniu kantojn. Va-
siliy tiel enprofundigis en siajn pensojn, ke
forgetis, kie li estas kaj kien iras.*

*Li haltis por rigardi, kie li estas... Cias
piedoj gis la genuoj dronis en la nego.. u
oni povas vidi ion en tia nokto?.. La cielo
kuufluigis kun la tero. La larga vasteco mal-
larginis, kaj nenion povis vidi la okulo de al
sola homo. Simile al tio, kvazati iu jetis
lin, al neniu necesan, mizeran, en tiun ĉi
busogon de la terura nokto, oferinte lin al
kolera bruventego por aeti por lia vivo frank-
vilecon por si mem.*

— Kie do mi estas? — malrankvile demanda-
dis sin Vasiliy.

*Kaj subite ekposedis lin la teruro, la plej
granda homa teruro-teruro pro sia vivo. Liaj
manoj mallevigis, li ekkolis sidigi. Sed ne si-*

сузился, и ничего не могъ разглядѣть
глазъ одинокаго человѣка. Все равно,
какъ если бы кто-нибудь бросилъ его,
никому не нужнаго, бѣднаго въ эту
ночь страшной, принесъ въ
жертву сердитой бурѣ, чтобы его
жизнью купить себѣ покой.

— Гдѣ же я? — тревожно спросилъ
себя Василій.

И сразу охватилъ его страхъ, са-
мый большой человѣческій страхъ —
страхъ за свою жизнь. Руки его опу-
стились, ему захотѣлось присѣсть.
Но не сѣть Василій и сталъ пере-
ставлять ноги, точно спутанный, по
глубокому снѣгу.

А мысли, безтолковыя, дикия мы-
сли закопошились, завертѣлись въ
немъ быстро-быстро, какъ тѣтъ снѣгъ,
который со всѣхъ сторонъ такъ без-
жалостно сыпался на него. То думалъ
Василій, что онъ самъ ищетъ своей
могилы, то представлялись ему стѣ-
ны, каменные, готовыя каждый мо-
ментъ навалиться на него во всю тя-
жестью. Ему показалось, что онъ
отошелъ далеко далеко... Уже разъ
споткнулся обезсилившій лѣсникъ:
вѣтеръ сбивалъ его съ ногъ. Онъ, ка-
залось, выбился на лугъ. Въ его ду-
махъ пронеслись болота, занесенныя снѣгомъ, но никогда не замерзающія.
Снѣгъ все глубже и глубже, а силы
все таютъ и таютъ.

V.

— А-а-а-у! —

Василій и не думалъ кричать, какъ
не думалъ онъ и плакать. Дикий
крикъ вырвался самъ противъ его
воли и сами собою полились слезы.

Вѣтеръ подхватилъ этотъ нѣмой
крикъ, рванулся съ нимъ впередъ, и
тутъ же разсвѣялъ его, какъ жалкій
вздохъ.

— Кто я? Василій? —

— Извѣстно — Василій, а то кто же я?

— Что ты здѣсь дѣлаешь? —

— Сижу въ снѣгу. —

— Ну, Василій, айда домой! —

Все въ немъ мѣшалось и самъ
собою навязался ему этотъ безтол-
ковый говорь.

Въ глазахъ его какъ-бы просвѣт-
лѣло. Всюду, куда онъ ни глянетъ,
виднѣлись морды лѣсничаго, его
злые, оскаленные зубы. Этихъ мордъ
набралось много-много, они обнима-
лись, плясали, двигались, какъ по
командѣ, дрожали, какъ осиновыя ли-
сты передъ бурей.

А тамъ-тамъ гдѣ-то вдали видно
худое, измученное, заплаканное ли-
цо Алесія... Вотъ его дѣти.

А лѣсничіе прыгаютъ, насыхаютъ
сѧ надъ Василіемъ, подаютъ ему ру-
ки и быстро отнимаютъ, какъ только
Василій намѣревается взять ихъ.

digis Vasili kaj komencis movi siajn pie-
dojn, kvazaу kunligito, sur la profunda nego.
Kaj pensoj, sensencoj, sovagaj ekmovigis,
ekturnigis en li rapide-rapide, kiel tiu nego,
kiu de eiu flankoj tiel senkompare sutigis
sur lin. Jen pensis Vasili, ke li mem seras
sian tombon, jen sajnis al li muroj stonaj,
pretaj eiu momentou ekfali sur lin kun tuta
sia pezo. Al li eksajnis, ke li foriris malproksime-
malproksime... Jam unu fojon faletis la
sefortiginta arbaristo: la vento faligis lin.
Li, sajnis, eliris sur herbokampon. En liaj
pensoj traflugis marcoj, tute kovritaj de la
nego, sed neiam glaciagantaj. La nego fari-
gas eiam pli profunda, la fortoj do eiam pli
malgrandigas.

V.

— А-а-а-у! —

Vasili eѣ ne intencis krii, same kiel ne
intencis li plori. Sovaga krio elflugis mem
kontra li volo kaj mem ekversigis larmoj..

La vento ekkaptis tiun eї mutan krion,
ekflugis kun gi antaŭen kaj tuj disblouis gin,
kiel mizeran ġemeton.

— Kiu estas mi? Vasili?

— Nature — Vasili, — kiu do alie?

— Kion vi tie eї faras?

— Mi sidas en la nego.

— Nu, Vasili, iru hejmen! —

Ĝio en li miksiĝis kaj mem altrudigis al
li tiu eї sensenco parolo. En liaj okuloj kva-
zaу farigis lume. Ĉie, kien ajan li rigardis,
li vidis vizagojn de la arbarestro, liajn kol-
lerajn, nudigintajn dentojn. Tiuj eї vizagoj
kolektigis en granda granda kvanto, ili ĉirkaŭ
prenadi unu la alian, dancadis, movigadis,
kvazaу laŭ komando, tremadis, kiel folietoj
de tremolo antaŭ ventego.

Kaj tie-ie en malproksimo estas vidata la mal-
grasa, elturnamentita, ploranta vizago de Allesja...
Jen estas lia infanoj.

La arbarestroj do saltas, mokas Vasilon,
donas al li manojn kaj rapide forprenas, ape-
nat Vasili intencas preni ilin.

Kaj eksentis la malfeliса arbaristo malpe-
recon, kvazaу li pendigis super la tero. Mal-
rapide mallevigis, komencis facile, libere
enrampi en ion molan kaj malvarman. Jen li
kvazaу haltis... Aŭdis li ankoraу, kiel dis-
sirigis la rimenon sur lia pafilo, kiel li faletis
pri kaj plimalsupren, kaj... lia konscio estingigis.
La vento kantis nun la „eternan pacon“ al
la sklavo Dia kaj homo.

K. P.—ii.
Tradukis V. Radiš.

И почувствовалъ бѣдный лѣсникъ
легкость, какъ будто онъ повисъ надъ
землею. Тихо опустился, началъ лег-
ко, свободно влѣзать во что-то мяг-
кое и холодное. Вотъ какъ будто зад-
ержался... Слышалъ онъ еще, какъ
лопнуль ремень на его ружьѣ, какъ
онъ лѣзъ все ниже и ниже, и... со-
знаніе его погасло.

Вѣтеръ пѣль теперь „вѣчный по-
кой“ рабу Божьему и человѣку.

K. P.—ii.

Габріэль д'Анунціо.

Т о т о .

Онъ напоминалъ маленька мѣдѣженка, спустившагося въ долину, съ грязнымъ лицомъ, черными, взъерошенными волосенками на лбу и пайрой круглыхъ глазъ, желтоватыхъ, какъ цвѣтокъ плюща, и никогда не остающихся неподвижными.

Въ благопріятное время года онъ дѣлалъ набѣги на поля, воруя плоды съ деревьевъ и собирая по кустамъ ежевику или же бросая камнями въ славшихъ на солнцѣ ящерицы. По временамъ онъ испускалъ какието отрывистые звуки, хриплые, удущливые, напоминавшіе дворняжку, когда она визжитъ на цѣли въ полдневный августовскій зной, или невнятное ворчаніе дитяти въ пеленкахъ.

Это былъ нѣмой, бѣдный Тото!

Ему отрѣзали языки брдягии. Онъ пасъ тогда коровъ своего хозяина въ полныхъ красного клевера и эспаречета низменностяхъ, играя на своей камышевой дудкѣ и глядя на дымившіяся вокругъ горныхъ вершинъ облака или на полетъ дикихъ утокъ, гонимыхъ бурей. Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, въ то время, какъ сирокко терзалъ дубы и Майнелла^{*)} исчезала среди фантастическихъ фиолетовыхъ облаковъ, пристель Моро съ двумя другими и взялъ пеструю корову. А когда онъ началъ кричать, они отрѣзали кусокъ языка, при чемъ Моро сказалъ:

— Ступай, разсказывай, отродье плача!

Тото возвратился домой, шатаясь, махая руками и обливаясь кровью, которая ручьями лилась изо рта. Онъ спасся отъ смерти только чудомъ; но Моро онъ запомнилъ навсегда и когда, однажды, увидѣль его на улицѣ закованнѣмъ, среди солдатъ, онъ вырпуль камнемъ ему въ спину и, съ хохотомъ, убѣжалъ прочь.

^{*)} Названіе одной изъ горныхъ цѣпей въ Abruzzo.

Gabrielo d'Annuncio.

Т о т Ѳ .

Li estis simila al malgranda urseto, foririnta malsupren, en la valon, kunsia malpura viza o, nigrat senordigitaj haroj sur la frunto kaj du rondaj okuletoj, iom flavaj kiel florof hedero kaj neniam restantaj semnovaj.

Dum bona jartempo li atakadis kampojn, Stelante fruktojn de arboj kaj desirante de arbetoj la rubuson a u jetantaj stonojn en lacertojn, dormintajn sub la suno. Jafoje li faradis iajn fragmentajn sonojn raijkajn, susokajn, memorigantajn korthundon, kiam gi, alligita al la  eno, krietas dum tagmeza a ugusta varmego, a u ne kompreneblan murmuron de vindita infano.

Li estis muta, malfeli a Totò! *)

Lian langon fortran is vagistoj. Li pa stis tiam bovinojn de sia mastro en malaltajoj, plenaj de ruga trifolso kaj lupinelo, ludante sian kanan fajfilon kaj rigardante la nubojn, fumi antajn cirkajn montsupra oj, a u flagudon de sova aj anasoj, pelataj de la ventego.

Unu someran vesperon, kiam „sirocko“ (sud-orienta vento) turmentadis kverkojn kaj la Maiella **) malaperadis meze de fantazie violkoloraj nubojs, venis Moro kun du aliaj homoj kaj forprenis diverskoloran bovinon. Kiam do li komencis krii, ili fortran is peccon de lia lango, kaj Moro diris.—Iru, rakontu, la ekzekutistido!

Totò revenis hejmen, sanceligante, svingante la manojn kaj kovrita per sia versiganta sango, kiu fluis kiel rivero el la bu o.

Li sin savis de la morto kvaza i mirakle; sed Moro li memoris  iam kaj unu fojon, ekvidinte lin sur la strato, enkatenitan, inter soldatoj, li jetis ston-

^{*)} Mallongita el la nomo Antonio.

^{**) Nomu de unu el montaj  enoj en Abrucco.}

Потомъ онъ оставилъ свою мать въ желтой лачугѣ подъ дубомъ и повелъ жизнь бродяги, босой, грязный, осмѣяваемый шалунами, весь обвѣшанный тряпками и вѣчно голодный. Въ дверьшкѣ всего онъ сдѣлался также дурнымъ мальчишкой: иногда, развалившись на солнцѣ, онъ наслаждался тѣмъ, что медленно убивалъ, пойманную въ полѣ, ящерицу или красивую щетонію. Когда ему надоѣдали мальчишки, онъ рычалъ, какъ дикий кабанъ, настигнутый сворой собакъ. Наконецъ, Тото звѣрски избилъ одного изъ нихъ, и съ того дня его оставили въ покое.

Но была Нинни, которая любила его, его добрая красавица Нинни, худенькая дѣвочка съ большими глазами, съ покрытымъ веснушками лицомъ и съ локономъ бѣлокурыхъ волосъ на лбу. Первый разъ они встрѣтились подъ аркой Санъ-Рокко. Нинни, присѣвъ въ углу на корточки, пожирала кусокъ черстваго хлѣба. Голодный Тото стоялъ, съ жадностью смотря на дѣвочку и облизывая губы.

— Хочешь? — сказала ему Нинни слабымъ голоскомъ, поднимая свои глазенки, ясныя, какъ сентябрьское небо. — У меня здесь есть другой кусокъ.

Тото подошелъ, улыбаясь, и взялъ предложенный хлѣбъ. Оба были молча; три или четыре раза они встрѣчались взорами и улыбались.

— Откуда ты? — робко спросила Нинни.

Онъ знаками далъ ей понять, что не можетъ говорить, и, открывъ ротъ, показалъ черноватый остатокъ языка. Дѣвочка съ испугомъ отвернула глаза въ сторону. Тото слегка тронулъ ее за руку, желая сказать, можетъ быть: — Не дѣлай этого, не уходи отъ меня... будь добромъ! — Но изъ горла у него вылетѣлъ какой-то странный звукъ, который заставилъ отскочить отъ него бѣдную Нинни.

— Прощай, — сказала она и уѣжала.

Потомъ снова они видѣлись и казались уже братомъ и сестрой.

Проводили они все время вмѣстѣ, сидя на солнцѣ. Тото клалъ свою большую черную голову на колѣни Нинни и, какъ котъ, жмуриль глаза отъ удовольствія, когда малютка погружала ручки въ его волосы, рассказывая при этомъ повѣсть о волшебнике и дочери короля.

— Жиль былъ однажды правитель, который имѣлъ трехъ дочерей. Самая младшая называлась Звѣздочкой. У нея были золотые волосы и алмазные глаза, и когда она проходила, то всѣ говорили: «Мадонна!» Однажды, собираясь въ саду цвѣты, она увидѣла на-

on en lian dorson kaj forkuris, laŭte ridegante.

Poste li lasis sian patrinon en flava dometo sub kverko kaj komencis vivon de vagisto, nudpieda, malpura, mokata de petoluloj, vestita en ĉifonoj kaj ĉiam malsata. Krom ĉio tio ĉi li farigis ankaj malbona bubo: iaoje, kuſiĝinte sub la suno, li ĝuis, malrapide mortigante lacerton, kaptitan en kampo, aŭ belan orkoloran cetonion. Kiam lin te-dadis bubo li blekegis kiel sovaĝa ap-ro, kiun atingas amaso de hundoj. Fine Totò sovage bategis unu el ili, kaj tie tago oni lasis lin en trankvileco. Sed estis Ninni, kiu lin amis, lia bona, lia bela Ninni, malgrasa knabineto kun grandaj okuloj, lentuga vizaĝo kaj buklo de blondaj haroj sur la frunto. La unuan fojon ili renkontigis sub la arko San-Rokko Ninni, sidante en angulo, avide mangis pecon de malfreſa pano. La malsata Toto staris, avide rigardante la knabinton kaj lekis siajn lipojn.

— Ĉu Vi volas? — diris al li Ninni per malforta voĉo, levante siajn okuletojn, klarajn kiel la septembra cielo. — Mi havas tie ĉi alien pecon.

Toto aliris, ridetante, kaj prenis la proponitan panon. Ambaŭ mangis silente; tri aŭ kvar fojojn iliaj, rigardoj renkontigadis, kaj ambaŭ ili ridetadis.

— De kie Vi estas? — timeme demandis Ninni.

Li per signoj komprengis al ŝi, ke li ne povas paroli, kaj, malferminte la bušon, montris la nigretan restaĵon de sia lango. La knabino kun timo detur-nis la okulojn en alien flankon. Toto tûsetis ŝian manon, dezirante, povas esti, diri: — Ne faru tion ĉi, ne foriru de mi... estu bona! — Sed el lia gorgo elflugis ia stranga sono, kiu devigis la mal-feliĉan Ninni forsalti de li.

— Adiaŭ! — diris ŝi kaj forkuris.

Poste ili ree sinvidis kaj ŝajnis jam gefratoj.

Ili pasigadis la tutan tempon kune, sidante sub la suno. Toto kuſiĝadis sian grandan nigran kapon sur la genuojn de Ninni kaj, simile al kato, fermetadis la okulojn pro plezuro, kiam la malgrandulino trempadis la manetojn en liajn harojn, rakontante fabelon pri sorĉisto kaj filino de rego.

— Estis iam registo, kiu havis tri filinojn. La plej junia estis nomata Steleto. Ŝi havis orajn harojn kaj diamantajn okulojn kaj kiam ŝi preterpasadis, ĉiuj diradis: Jen estas la Madono! Unu tagon, kolektante florojn en la ĝardeno, ŝi ekvidis sur supraĵo de arbo belan verdan papagon...

Toto dormigata de ŝia afabla voĉo, fermis la okulojn kaj ekdormis, revan-te pri la Steleto; poste la vortoj for-

вершинѣ дерева красиваго зеленаго flugadis de la lipoj de Ninni ĉiam pli попугая.... malrapide, pli mallaŭte kaj, fine, tute mortadis. La suno do ĝirkaŭkovradis

Того, убаюкиваемый ея ласковымъ голосомъ, закрывалъ глаза и засыпалъ, мечтая о Звѣздочкѣ; затѣмъ слова начинали слетать съ губъ Нинни все медленнѣе, все тише и, наконецъ, совсѣмъ замерли. А солнце пронизывало дѣвъ маленькия фигуруки, за-вернутыя въ груду тряпья, горячей, всесой волной свѣта.

Такъ провели они много дней, дѣлясь милостыней, ночуя на мостовой, бѣгая въ село черезъ сонные виноградники, не безъ риска получить отъ какого-нибудь крестьянинна пулъ.

Того казался счастливымъ. Иногда онъ бралъ дѣвочку на плечи, изображая изъ себя лошадь, и пускался неистово бѣгать, пересекая черезъ канавы, кусты, кучи навоза, до тѣхъ поръ, пока, весь красный, какъ раскаленный уголь, не бросался гдѣ-нибудь подъ деревомъ или въ камышы, счастливый и усталый. Нинни тоже ходила, но когда взглядала ея случайно гадали на остатокъ языка, извиавшійся внутри рта Тото въ конвульсіяхъ смѣха, она чувствовала дрожь ужаса до самаго мозга костей.

Часто бѣдный нѣмой замѣчалъ это и становился печальнымъ на все остальное время дня...

Какъ отгадранъ октябрь! Темныя годы ясно выдѣлялись вдали на свѣтломъ фонѣ неба, мѣстами свинцовыя, мѣстами зеленые. Онъ были покрыты тончайшимъ флютетовымъ налетомъ, который, поднимаясь къ вершинѣ, расплывался въ нѣжныхъ ультрамариновыхъ тонахъ.

Нинни съ открытымъ ротикомъ спала на сѣнѣ, а Тото находился рядомъ, присѣвъ на корточки и смотря на нее. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ тянулась изгородь изъ сухого тростника и стояли дѣвъ старыя сливы съ по-трекавшимися стволами. Какимъ красивымъ казалось етъ этого мѣста небо, проглядывавшее изъ-за бѣлого тростника и между сѣрыми листьями сливъ!

Бѣдный нѣмой все думалъ, думалъ Богъ вѣсть о какихъ странныхъ вѣшахъ. Можетъ быть, о Звѣздочкѣ, можетъ быть, о Моро? Можетъ быть, о желтой лачужкѣ подъ дубомъ, гдѣ живетъ одинокая старуха-матъ, занимаясь пряжей и напрасно поджиная его? Кто знать!

Запахъ сѣна слегка опьянялъ его. Онъ чувствовалъ въ тѣлѣ какой-то трепетъ, словно по немъ пробѣгали мурашки, какія-то вспышки, которыя исчезали въ головѣ и зажигали образы, призраки, сверкающіе профили, исчезающіе въ тотъ же моментъ. Быть, можетъ быть, видѣли, какъ го-

malrapide, pli mallaŭte kaj, fine, tute mortadis. La suno do ĝirkaŭkovradis du malgrandajn figuretojn, envolvitajn en amason de ĉifonoj, per varmega, gaja ondo de la lumo.

Tiel pasigis ili multajn tagojn, interdividante almozon, dormante sur la pavimo, kurante en vilagion tra vinberejoj, plenaj de fruktoj, kun risko ricevi de ia vilagano, kuglon.

Toto Ŝajns feliĉa. Jafoste li prenadi la knabinon sur la ŝultrojn figurante ĉevalon kaj furioze ekkuradis, saltante trans kavetoj, arbetoj de sterko, ĝis ki-am, tute ruĝa, kiel brulruĝigita karbo, fine, sin jetadis ie sub arbon aŭ mezen de kanaro—feliĉa kaj laca. Ninni, ankaŭ ridegis sed kiam ŝiaj rigardoj okaze faladis sur la restajon de la lango, elkurbiĝantian interne de la bušo de Toto en konvulsioj de la rido. Si sentis tremon de la teruro „ĝis mem cerbo de ostoj“.

Ofte la malfeliĉa mutulo rimarkadis tion ĉi kaj farigadis malgoja dum la tuta resta parto de l'tago...

Kiom agrabla estas la oktobro! Nigraj montoj klare estis vidataj malproksime sur la luma fono de la cielo, ie plumbkoloraj, ie verdaj. Ili estis kovritaj per plej maldensa violkolora tavolo, kiu, levigante supren, degelis en delikataj ultramarinkoloraj tonoj.

Ninni kun la malfermita bušo dormis sur fojno, kaj Toto estis apude, sidetiginte kaj rigardante sin. En kelkaj paſoj de ili staris plektbarilo el sekaj kanoj kaj du maljunaj olivarboj kun krevintaj trunkoj. Kia bela ŝajnis de tiu ĉi loko la cielo, rigardinta el la blanka kanaro kaj inter grizaj folioj de l'olivarboj!

La malfeliĉa mutulo pensis, pensis — Dio scias—pri kiaj strangajoj. Povas esti, pri ia Steleto, povas esti, pri Moro? Povas esti, pri la flava dometo sub kverko, kie logas sola maljunulino-patrino Spinadante kaj vane atendante lin? Kiu scias!

La odoro de l'fojno iom malsobrigis lin. Li sentis en sia korpo ian tremeton, kvazaŭ sur ĝi kuradis formiketoj, iajn ekflamojn, kiuj sin levadis al lia kapo kaj kreadis figurojn, fantomojn, brillantajn profilojn, malaperantajn en tiu sama momento. Vi, povas esti, vivis iam, kiel brulas rando de grenkampo? Mallongaj fadenoj de pajlo, apenaŭ ilin tuſis la flamo, ekbrulas, rugigas, tordigas kaj krakas, kaj de ili restas nur serviva cindro.

Ninni spiris trankvile, renversinte la kapon iom malantaŭen. Toto prenis pajlon kaj ektiklis ŝian gorgon. La knabino kun fermitaj, okuloj, iom ĝeminte, faris moveton por forpelni nevidatan muſon. La mutulo dekliniĝis

рить край жнива? Короткія нити соломы, едва только ихъ коснется пламя, загораются, краснеютъ, скручиваются и трещать, и отъ нихъ остается лишь безжизненный пепель.

Нинни дышала спокойно, запрокинувъ немножко назадъ голову. Тото взялъ соломенку и пощекоталъ ей горло. Дѣвочка съ закрытыми глазами, слегка застонавъ, сдѣлала движение, чтобы прогнать невидимую мууху. Нѣмой откинулся назадъ и смылся, закрывъ ротъ рукой, чтобы не дать услышать смѣха. Затѣмъ онъ вскочилъ, побѣжалъ набратъ на насыпи кое-какихъ бѣленъкихъ цвѣтковъ, разсыпалъ ихъ вокругъ и склонился надъ Нинни настолько, что чувствовалъ на своемъ лицѣ ея горячее дыханіе. Медленно, словно очарованный, онъ склонялся все ближе и ближе; потомъ закрылъ глаза и поцѣловалъ ее въ губы. Просыпаясь при этомъ прикосновеніи, дѣвочка вскрикнула, но увидѣла Того, который все еще стоялъ съ закрытыми глазами, весь красный, и засмѣялась.

— Сумасшѣдшій! — сказала она тѣмъ голоскомъ, который звучалъ иногда, какъ мандолина.

И долго послѣ этого они блаженно валились на сѣнѣ.

Въ одно ноябрьское воскресеніе, въ полдни, они стояли подъ аркой Сан-Рокко. Съ ясного темно-голубого неба солнце заливало дома яркимъ, ласкающимъ свѣтомъ; среди этого блеска торжественно звенѣли колокола, и съ внутреннихъ улицъ долеталъ смѣшанный шумъ, какъ-бы изъ огромнаго улья. Они были одни. Съ одной стороны тянулась маленькая пустынная улица Дель-Гатто, съ другой — пашни. Тото разматривала цвѣткъ плюща, который цвѣлъ, свѣсившись изъ расщелины красной стѣны.

— Вотъ уже наступаетъ зима, — сказала задумчиво Нинни, глядя на свои голые ножки и безцвѣтныя лохмотья одежды. — Выпадетъ снѣгъ и забѣльеть повсюду. У насъ нѣтъ дома, нѣтъ огня... Твоя мать умерла?

Нѣмой опустилъ голову. Мгновеніе спустя, онъ быстро, съ искрящимися глазами поднялъ ее, показывая на далекій горизонтъ.

— Не умерла? Ждетъ тебя?..

Тото утвердительно кивнула головой; потомъ началъ показывать другое.

Онъ хотѣлъ сказать: — Пойдемъ въ мой домъ, онъ тамъ, подъ горой; тамъ найдется огонь, найдется молоко и хлѣбъ...

Они долго шли, останавливаясь у деревняхъ;

malantaen kaj ridis kovrinte la bušon per la mano por ke lia rido ne estu aindita. Poste li eksaltis, ekkuris por preni iajn blankaj floretojn sur la surido, disjetis ilin cirkaue kaj sin klinis super Ninni tiom, ke sentis ŝian varmegon spiradon sur sia vizaĝo. Malrapide, kvazaŭ ensorcita, li sin klinadis ĉiam pli kaj pli; poste li fermis siajn okulojn kaj kisis ŝian lipojn. Vekigante dum tiu ĉi altuſo, la kuabino ekkruiſed ekvidis Toto'n, kiu staris ankoraŭ kun fermitaj okuloj kaj kun tute ruĝa vizaĝo, kaj ekridis.

— Frenezulo! — Ŝi diris per tiu voĉeto, kiu sonis iafoge kiel mandolino. Kaj longe post tio ĉi ili feliĉe kuſis sur la fojno.

Eu unu novembran dimancon, tagmeze, ili staris sub la arko San-Rokko. De la klara lazura ĉielo la suno cirkaŭversis domojn per karesanta lumo; en tiu ĉi brilo solelon sonadis sonoriloj, kaj de internaj stratoj alflugadis malklara brujo kvazaŭ el grandega abeluo. Ili esti solaj. De unu flanko estis malgranda dezerta strato del Gatto, de alia flanko — plugitaj kampoj. Toto rigardadis floreten de hedero, kiu floris, pendinte malsupren el krevajo de ruĝa muro.

— Jen venas jam la vintro, — diris pensembo Ninni, rigardante siajn nudajn piedetojn kaj senkolorajn ĉifonojn de sia vestaĵo. — Falos la nego kaj ĉie blankiĝos. Ni, — do ne havas domon, ne havas fajron... Ĉu Via patrino mortis?

La mutulo mallevis la kopon. Post unu momento li rapide, kun brillantaj okuloj ĝin levis, montrante la malproximajn horizonton.

— Si ne mortis? Si vin atendas?... Totô jese klinis la kapon; poste li faris aliajn signojn.

Li volis diri: — Iru ni en mian domon; ĝi estas tie — sub la monto; tie estos fajro, estos lakto kaj pan...

Ili longe iris, haltante apud apartaj dometoj en vilagoj; ofte ili suferis malsaton, ofte dormis en libera aero sub ia veturilo, kontraŭ pordo de stalo, Ninni suferis; ŝi farigis purpurkolon, kun estingintaj okuloj, palaj lipoj, kaj ŝvelintaj, sangigitaj piedoj. Toto, ŝin rigardante, sentis, ke ŝi plimalfortigas de la suferoj; li surjetis sur ŝian dorson sian truplenan jaketon kaj dum granda parto de l'vojo li portis ŝin sur la mano.

Unu vesperon, post kiam ili faris pli ol unu mejlon da vojo, ili renkontis nenion domon. Profunda nego kovris la teron kaj ĉiam ankoraŭ faladis en vento. Ninni, dentbatante de la febro

часто испытывали голодъ, часто спа- кај malvarmo, ĉirkauvolvis siajn ma-
ги на открытомъ воздухѣ, подъ какой- netojn post lia dorso, kvazaī malgran-
нибудь телѣгой, противъ конюшен- da serpento, kaj siaj plendaj ĝemoj,
ныхъ дверей. Нинни страдала; она ŝajnintaj raīkoj, Ŝiradis la koron de
стала багровой, съ потухшими глаза- l'malfeliĉa Toto.

ми, блѣдными губами и распухшими, Sed li ĉiam, iris, sentante, ke la koro
окровавленными ногами. Тото чувство- de Ninni batas en lia propra. Poste-
валъ, смотря на нее, что она таетъ отъ li nenion jam sentis; la malgrandaj
страданий; онъ накинулъ ей на плечи manetoj, ĉirkauvolvintaj lian kolon, ri-
свою дырявую курточку и значитель- gidiĝigis kiel ŝtalo, la kapeto klinigis
ную часть дороги несъ ее на рукахъ. flanken.. Li ellasis kriegon, iu, Ŝajnis,
Однажды вечеромъ, послѣ того, какъ devus diſſiri la bruston; poste li ek-
они сдѣлали болѣе мили пути, имъ не premis pli forte la senvivan korpeton
встрѣтилось ни одного дома. Глубокій kaj ekiris en la profundan valon, en la
спѣгъ покрывалъ землю и все еще па- mezon de neĝaj turnoventoj, en la mez-
далъ крупными хлопьями, сопровож- on de maltrankvilaj kriegoj de la ven-
даемый сѣвернымъ вѣтромъ. Нинни, to, teruraj kiel krio de malsata lupo.
стуча зубами отъ лихорадки и холода, Li ĉiam iris ĝis kiam glaciigis la
обвилась руками у него за спиной, sango en vejnoj. Tiam, fine, li falis,
словно маленькая змѣйка, и ея жалоб- venkita, tenante ankoraŭ la mortintan
ные стопы, казавшися хрипомъ, над- korpeton sur sia brusto.
рывали сердце бѣднаго Тото.

Но онъ все шель и шель, чувствуя, Kaj la nego kovris ilin.
что сердце Нинни бѣется въ его соб- Esperantigis
ственномъ сердцѣ. Потомъ не чув- Simeon Poltavsky.
ствовалъ уже больше ничего; малень-
кия ручки, обвивавшія его шею, око-
чепѣли, какъ сталь, головка склони-
лась на сторону... Онъ испустилъ¹
крикъ, который, казалось, долженъ былъ²
быть разорвать грудь; затѣмъ скжаль-
сильнѣе безздыханное тѣльце и по-
шелъ въ глубокую долину, въ среди-
ну снѣжныхъ вихрей, въ средину
сущихъ завываний вѣтра, ужасныхъ,
какъ вой голоднаго волка. Онъ все

Sed li ĉiam, iris, sentante, ke la koro
de Ninni batas en lia propra. Poste-
li nenion jam sentis; la malgrandaj
manetoj, ĉirkauvolvintaj lian kolon, ri-
gidiĝigis kiel ŝtalo, la kapeto klinigis
flanken.. Li ellasis kriegon, iu, Ŝajnis,
devus diſſiri la bruston; poste li ek-
premis pli forte la senvivan korpeton
kaj ekiris en la profundan valon, en la
mezon de neĝaj turnoventoj, en la mez-
on de maltrankvilaj kriegoj de la ven-
to, teruraj kiel krio de malsata lupo.

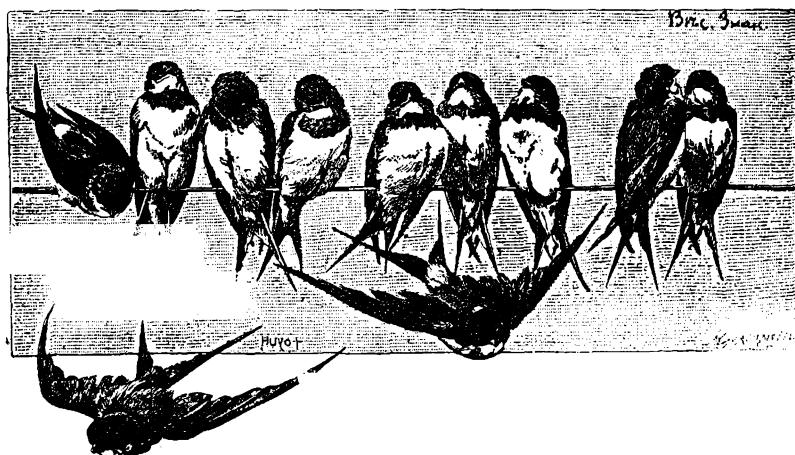
Li ĉiam iris ĝis kiam glaciigis la
sango en vejnoj. Tiam, fine, li falis,
venkita, tenante ankoraŭ la mortintan
korpeton sur sia brusto.

Kaj la nego kovris ilin.

Esperantigis
Simeon Poltavsky.

шель и шель, до тѣхъ поръ, пока
кровь не застыла въ жилахъ. Тогда,
 побѣжденный, наконецъ, онъ упалъ,
все еще съ трупикомъ на груди. И
снѣгъ покрылъ ихъ.

Съ итальянскаго перевѣль
С. Полтавскій.

Взаимопомощь читателей.

Reciproka helpado
de legantoj.

I. Отдѣль общи.

Переписка.

— Желаю переписываться по различнымъ вопросамъ науки и жизни для выработки міросозерцанія, кромѣ того, и по специальному вопросу, по землемѣрю. Адресъ: Г. Ко-вно, Уѣздный Сѣвѣръ, И. Н. Дмитриеву.

— Желаю переписываться съ гимназисткой или гимназистомъ по вопросамъ гимназической жизни. Варшава. Дѣльная, 8, кв. 7. Г-ну Бруку для С. Рафелькеса.

— Желаю переписываться, по рабочему вопросу о прогрессивномъ движениіи среди нихъ на языкахъ русскомъ и esperantistomъ, а также обмѣниваться иллюстр. открытками. Петербургъ, Витебская ул., д. 12, кв. 36, М. Роженовскій.

— Желаю переписываться съ esperantistами всѣхъ странъ. Адр.: Орапенбаумъ, Петербургъ, губ., Дворцовая ул., д. № 1. П. Ладинъ.

— А. Вейншаль (Баку, Маринская, 15.) желаетъ переписываться на русскомъ языке и "Esperanto" по еврейскому вопросу и о сионизму.

— Желаю переписываться съ подписчикомъ изъ Сибири по вопросамъ сибирской жизни, какъ въ культурномъ, такъ и въ образовательномъ отношеніяхъ. Адресъ: Ст. Ко-нотопъ, М.-К.-В. ж. д. Дежурная коми., Прохору Самусю для М.!!!

— Желаю переписываться по вопросамъ модемизма съ подписчиками, знакомыми и интересующимися этой областью. Адр.: С.-Петербургъ, Заводская ул., д. № 8, кв. 1. Роб. Карл. Розенстремъ.

— Желаю познакомиться съ Бѣльскимъ подписчикомъ "Вѣсти. Зн.", а также съ esperantistomъ въ г. Бѣлѣ, для упражненія въ разговорѣ на этомъ языке. Адресовать прошу: Бѣла, Сѣдлецк. губ., д. Мовши Ароновича, М. Венгринский.

— Желаю имѣть виды иностраннныхъ городовъ, взамѣнъ чего очень охотно буду высылать открытки письма съ видами городовъ: Екатеринослава, Таганрога, Ростова и д. На-хичевани и д., Новочеркасска, Новороссій-ска, Крыма, Кавказа и др. южныхъ горо-довъ. Переписка на французскомъ и русскомъ

I. Fako generala.

Interkorespondado de legantoj.

Mi deziras korespondadi en lingvo rusa kaj esperanta. Adr. Jakutsk Al. Aleksei Semenov.

— Mi deziras korespondadi, pri laborista demando pri progresu movado inter ili, en lingvo rusa kaj esperanta, kaj ankaf intersangi ilust. postkartojn. Rusujo Peterburgo, Vitebskaja ul. d. 12. kv. 36. Rojenovskij.

— Mi deziras korespondadi kun geesperantistoj de ĉiuj landoj. Adr. Rusujo Oranienbaum. Peterb. gubern. Dvorcovaja ul. № 1. P. Ladin.

— A. Vejnšal (Baku Mariinskaja, 15) deziras korespondadi en lingvo rusa kaj esperanta pri nebreia demando kaj pri sionismo.

языкахъ. Нахичевань на Дону, 5-я линія, д. 3, С. А. Мурахину.

— Желаю переписываться о движениихъ въ современной литературѣ и вообще по истории русской литературы; а также обмѣниваться иллюстр. открытками. Адр. Армавиръ Куб. Обл. А. Г. Малофеевъ.

— Константинъ Каревъ (поди. № 26134), Москва, противъ городск. манежа, д. кн. Гагарина, кв. 7. Желаю переписываться со старообрядцами ("австрийского согласия") по истории русского старообрядчества, о его прошломъ, идеалахъ и грядущей роли въ русской религиозной жизни.

— Желаю переписываться по вопросамъ электротехники и фотографии. Могу обмѣниваться фотографическими открытками. Адр.: Г. Проскуровъ, Подольск. г., А. Е. Гаврилюку.

Воззванія.

Товарищи!

Имѣю страстное желаніе учиться и читать хорошия, научные книги, но по недостатку средствъ, лишенъ этой счастливой возможности. Единственную надежду возлагаю на васъ. Товарищи, помогите мнѣ въ пріобрѣтеніи полезныхъ книгъ и журналовъ, чѣмъ буду

безконечно облагодѣтельствовалъ и всегда распутица и почта не функционируетъ *). признателенъ. Адресъ: Москва., Остоженка, 1-й Зачатьевский пер., Петровско-Пречистинское училище Павлу Аркадьеву.

— Прошу товарищъ-подписчикъ, проживающихъ въ городахъ, гдѣ есть учительские институты, прислать мнѣ программы таковыхъ, а также и свѣдѣнія о числѣ держащихъ экзамены, т. е. о величинѣ конкурса. Надѣюсь на отзывчивость. Адресъ: г. Никольскъ-Уссурийскъ, Хабаровская улица, домъ Коркешко, С. Г. Бордовскому.

— Товарищи-бѣльчане, не возьмется ли кто подготовить меня къ экзамену за 6 классовъ гимназіи. Адресъ: Бѣла, Сѣдлецк. г., д. Мовши Ароновича, М. Венгровскому.

Товарищи!

— Помогите найти мѣсто фельдшерицѣ-акушеркѣ, окончившей Рождественскіе курсы. Согласнаѣхать на эпидемію. Адресъ: Олон. губ., Каргопольскаго уѣзда деревня Волосово, Ю. Гриневичъ.

— Товарищи! Прошу не отказать найти какую-либо работу, уволенному за забастовку телеграфисту и бывшему народному учителю. Имѣю званіе учителя. Адресъ: Ст. Лопатино Ю.-В. ж. д., А. А. Кленову.

— Обращаюсь съ покорной просьбой къ тѣмъ изъ господъ подписчиковъ или къ ихъ родственникамъ и знакомымъ, кто лечился отъ заиканія у Неткачева въ Москвѣ, также у Рейха или у Вагнера въ Петербургѣ, сообщить ему о срокѣ, сущности и достигнутыхъ результатахъ лечения. Въ свою очередь можетъ быть полезенъ подобными свѣдѣніями о лечебницахъ Гимиллера и Эриста въ Москвѣ. За всякое сообщеніе буду весьма благодаренъ. Почтовые расходы мои. Адресовать прошу: Москва, противъ городского мавежа, д. кн. Гагарина, кв. 7 Константина Карову.

— Товарищи-подписчики! Помогите мнѣ найти мѣсто домашнаго учителя или другое, соответствующее моему образованію, занятію. Я окончилъ въ маѣ с. г реальное училище съ допол. кл. и, вслѣдствіе несостоятельности, не могу еще поступить въ высшее учебное заведеніе. Адр.: Курляндія, ст. Агиненбургъ ус. Видулъ, В. Годману.

— Товарищи! Не можетъ ли кто изъ васъ одолжить мнѣ на время лекцій «Народного Университета» съ картиками для волшебного фонвара, для устройства членій для народа. Почтовые расходы принимаю на себя. У меня есть лекціи только за 1907 г. Адр.: Ст. Лопатино Юг.-Вост. ж. д. А. А. Кленову.

— Товарищи-подписчики! Оторванный послѣднимъ годомъ «усыпокенія» отъ своихъ прежнихъ друзей, я вынужденъ просить добѣгти у васъ, совершившію незнакомыхъ мнѣ людей. Я буду очень и очень благодаренъ, если мнѣ одолжатъ на время слѣдующія книги: 1) К. Марксъ. Капиталъ. Всѣ томы. 2) Самучитель англійск. языка. 3) Грамматика франц. языка.

При опредѣлении срока, на который книга носится, прошу имѣть въ виду, что съ первыхъ чиселъ октября у насъ начинается

— Убѣдительно просимъ читателей и читательницъ „В. З.“ помочь поступить преподавательницами въ школу крошки и шитья, двумъ особамъ. Желательно было бы устроиться въ восточныхъ или южныхъ губерніяхъ. Если же ничего такого нѣтъ, то просимъ устроить куда-нибудь въ домъ, въ качествѣ домашней портнихъ, бонны и т. д. Желательно въ хорошемъ скромномъ семействѣ. Въ настоящее время состоямъ учительницами рукодѣлія въ одной изъ благотворит. школъ Смолен. г. Дѣло свое знаемъ прекрасно; воспитывались въ одной изъ ремесленныхъ школъ закрытаго учебного заведенія, откуда имѣемъ атtestатъ по специальности и свидѣтельства двухклассн. уч.

Желательно было бы устроиться въ одномъ городѣ вдвое. Адресъ: Сычевка, Смоленск. г. Школа благотворит. общ. А. Шарапову. Подписчика № 29132.

Организаціонная дѣятельность.

Составъ правленія Просв. об.—ва „Вѣстникъ Знанія“ въ г. Ригѣ.

- 1) Предсѣдатель: Р. Макстисъ.
- 2) I. тов. предсѣдателя: Г. Ассарь.
- 3) II. тов. И. Шершуновъ.
- 4) Секретарь: А. Шершуновъ.
- 5) Тов. секретаря: Н. Власовъ.
- 6) Кассиръ: Ж. Перконъ.
- 7) Тов. кассира: К. Вильде.

Уставъ общества высылается интересующимся по требованію. За справками и т. п. по почтѣ или лично можно обратиться по адресу: г. Рига, Мельничная ул., № 74, кв. 20, или г. Рига, почт. ящ. 441; ред. журнала „Sinatne un Dsituve“ Р. Макстису. Общество имѣть яа складъ изданія В. В. Биттера (отдельные книги по каталогу).

— Желаю организовать кр. С. В. З. или же примкнуть уже существующему. Прошу тов. откликнуться. Г. Гадячъ. Полт. губ., С. Подольки, Василий Андр. Поповиченко.

— Товарищи-Елизаветградцы! Призываю васъ организоваться въ кружокъ „Союза Вѣст. Зн.“. Обращаться за справками по адресу: Елизаветградъ, Островская ул., домъ Будничченко, Г. Л. Фисановичъ.

— Подписчики Прикамья! Почему памъ не образовать бы мѣстный кружекъ „Общество Вѣст. Знанія“? Желающихъ организовывать ся прошу обращаться по адресу: Камбарский заводъ, Пермск. г., Осинского уѣз. П. И. Вавилову.

— Подписчики г. Ельца и его окрестностей! Обращаюсь къ вамъ съ предложеніемъ высказаться по вопросу обѣ устройствѣ въ г. Ельцѣ, Орлов. г. просвѣтительного союза „Вѣст. Зн.“ Лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, прошу заявить обѣ этомъ мнѣ лично,

*). Г. Подписчика, помѣстившаго это воззвание, просимъ прислать адресъ. Редакція.

или чрезъ контору „Вѣсти. Зн.“. Мой адресъ: ресъ Бориса Десслера,—до недавняго време-
ст. Лопатино, Юго.-Вост. ж. д. А. А. Кленовъ.

— Товарищи изъ Лодзы! Существовавшій въ
нашемъ городѣ кружокъ „Вѣсти. Знанія“, за-
отѣзжданіемъ организатора его, г-жи Левинъ,
прекратилъ свою просвѣтительную дѣятель-
ность. Поэтому обращаюсь къ вамъ съ призы-
вомъ вновь организоваться въ кружокъ. Же-
лающихъ отозваться на мое предложеніе
прошу обращаться по адресу: Лодзы, Сред-
няя ул., 33, И. Соболь.

— Владивостокъ. Ф. П. П. желаетъ органи-
зововать кружокъ „Вѣсти. Знанія“. Адресъ Влад-
ивостокъ до востребованія Ф. П. П.

Объявленія подписчиковъ.

„Убѣдительно прошу товарищай подпи-
счиковъ и читателей „В. Зн.“, зщающихъ ад-

ресъ Бориса Десслера,—до недавняго време-
ни проживавшаго въ Кіевѣ по Крещатику,—
сообщить мнъ таковой по адресу: Г-ну
С. Бѣлостоцкому для Танхума въ г. Варшаву,
Маршалковская ул., д. № 15“.

— Могу дать подробныя свѣдѣнія о Прима-
турской области; интересующихся прошу обра-
щасться: Владивостокъ, 11 полкъ, 8 рота, Ф.
П. Пацинскому. Можно на эсперантскомъ
языкѣ.

— Товарищамъ—подписчикамъ, желаю-
щимъ изучать стеноографію, предлагаю брать
безплатно уроки, кроме почтовыхъ расходовъ.
Проспектъ высыпается за 7-ми коп. марку.
Адресъ: г. Сухумъ (Кавказъ), Ботаническій
садъ, Виктору Тимофеевичу Раппуну.

— „Желаю купить волниш. фонарь типа „В.
Зн.“ съ уступкой. Адресъ: г. Ораніенбаумъ,
Петрб. губ., Дворцовы пр. № 9, кв. 11,
П. Ладинъ“.

II. Отдѣль молодежи.

Судороги души.

Человѣкъ,

ты страдаешь, жизнь полна мученій
для тебя? Она, быть можетъ, унесла
отъ тебя самое дорогое для тебя созданіе,
мать, ребенка, супруга, любимаго человѣка,
друга? Или ты не можешь терпѣть всегда-
нее голоданіе, не дающій выгоды труда и
несправедливость судьбы, которая dat veniam
corvis, vescat censura columbas? Считаешь-
ли ты себя слишкомъ порочнымъ, что му-
чить тебя, но ты чувствуешь, что нѣтъ у
тебя силы исправиться, чувствуешь, что чер-
ная тина все глубже тебя засасывает? Или
просто нѣтъ у тебя цѣли въ жизни, и надоѣла
она?.. — Короче, что бы то ни было зас-
тавляетъ тебя искать въ смерти отдохновенія,
рѣшенія жизненной загадки или просто Ни-
чего? Ты спрашивашаешь: «что мнѣ теперь дѣ-
лать?» Да?

Отвѣтъ же: вѣришь ли ты въ Него подъ
какими бы то ни было именемъ, вѣришь ли
посмертную жизнь, вѣришь ли въ тайну Бого-
человѣка? Но, прежде чѣмъ отвѣтить, хоро-
шо размысли надъ вопросомъ. Если ты не
твѣрдъ въ своемъ невѣри, если допускаешь
возможность когда-нибудь, по какой бы то
ни было причинѣ повѣрить, то не считай
себя невѣрующимъ. Ибо и возможность когда-

II. Fako de junularo.

Konvulsioj de l'animo.

Homo,

vi havas doloron, vivo estas plena de tur-
mentoj por vi? Gi, eble, forportis de vi plej
karan por vi kreitajon, patronin, idon, edzon,
amaton, amikon? Aŭ vi ne povas toleri ĉiaman
malsaton kaj senprofitan laboron kaj nejuste-
con de l'sorto, kiu dat veniam corvis, vescat
censura columbas? Ou vi mem opinias sin es-
ti tro malvirta, kio turmentas vin, sed vi
seutas, ke ne havas forton por plibonigi, vi
sentas, ke nigra ŝlimo vin ĉiam pli profun-
den englutas? Aŭ simple vi ne havas pelon
en la vivo kaj gi tedis?...—Mallonge, io ajn
vin devigas serci en la morto ripozon, decidon
de l'viva problemo aŭ simple Nenion? Vi de-
mandas: „Kion mi nun faru?“ Jes?

Respondu do: Ou vi kredas Lin sub ia ajn
nomo, ou vi kredas postmortan vivon, ou vi
kredas misteron de l'Di—homo? Sed, antaŭ
respondi, bone pripensu la demandon. Se vi
ne estas certa en via nekredo, se vi allasas
blecojn iam ekkredi pro ia ajn kaŭzo, tiam
ne opiniu sin nekredanta. Ĉar sola ebleco
iam ekkredi havos por vi grandan signifon ĉe
la solvo de la demando.
Se vi kredas nomitajn tri tezojn, vi devas
pacienteme tolerante ĉion, kio okazos je

нибудь стать вѣрюющимъ будеть имѣть больши́е значеніе для тебя при решеніи вопроса.

Если ты вѣруешь въ три назанныя положенія, ты долженъ жить, терпѣливо снося счастія, что ты по заслугамъ получаешь возмездіе за вины твои до рожденія, о которыхъ ты, чаше всего, ничего не помнишь, но который должны быть вывшими, ибо того требуетъ разумъ, по закону Высшей Справедливости. Ты не можешь покончить съ собою изъ-за самыхъ ужасныхъ страданій, ибо ты знаешь, что даже и въ загробномъ мірѣ ты ихъ не избѣжишь, если они необходимы для твоего очищенія. Если ты слишкомъ порочеънъ и этимъ умчихъся, ты все-же не можешь уйти изъ этого міра, ибо ты хорошо знаешь, что, равно-ли, поздно-ли ты снова родишься съ новыми силами къ улучшенію. Вѣдь ты въ каждомъ сиѣ можешь испрашиватъ и получать совѣты и помошь отъ Мудраго и Всемогущаго. Ты не уйдешь, ибо знаешь, что въ будущую свою жизнь на землѣ ты долженъ будешь искупить твоими очистительными страданіями ту дисгармонію, которую введетъ въ міръ твоя произвольная смерть (вселенная существуетъ по Нашему плану). Ты не можешь надѣяться, что завтра въ томъ невѣдомомъ мірѣ обрѣтешь прекращеніе заслуженныхыхъ мученій, ибо:

...demain, c'est la grande chose!

De quoi demain sera-t-il fait?

L'homme aujourdh'hui sème la cause,

Demain Dieu fait mûrir l'effet... *)

Ты не можешь находить жизнь безцѣльно, ибо знаешь, что: Богъ есть все, вся вселенная въ ея полнотѣ; счастье вселенной—быть въ Богѣ, какъ Онъ; но быть благимъ, не вѣдая зла, соглашаться съ Нимъ, не вѣдая всего зла несогласія—это не можетъ удовлетворить каждого, сколько-нибудь обширнаго духа; тѣмъ болѣе не можетъ быть та кость Совершеннѣйшій. Вселенная, по Его волѣ и по своей также (по Нашей волѣ, ибо обѣ воли одинаковы: вселенная была въ Богѣ и Богъ въ ней), отошла отъ Него и стала противо-волящей. Но она тогда познала зло и тогда сознательно начала ити къ Богу, чтобы въ сознательномъ согласіи съ Нимъ наслаждаться производимымъ счастьемъ. Это стало цѣлью вселенной, когда она будетъ достигнута, вселенная будетъ совершенна съ Богомъ. Быть можетъ, по ignoratio elenchi спросить тебя неизброящіе: «Какъ? развѣ Богъ, абсолютный и совершенный, можетъ быть несовершеннымъ? А вѣдь вселенная теперь, какъ всѣ видятъ, не въ полномъ согласіи съ Богомъ, слѣдовательно Богъ, содержащий въ Себѣ вселенную, теперь также несовершененъ? «Ты же отвѣтиши:» Тѣ перѣ? что это значитъ? Не предполагаете ли вы, что Богъ существуетъ во времени? Нѣтъ, конечно; для Него нѣть времени, какъ не существуетъ для Него и пространства также. Вѣдь для Него все-

con por viaj antaunaskaj kulpoj, pri kiuj vi, plej ofte, neniom memoras, sed kiuj devas esti estintaj, car la prudento tion postulas, lati lego de l'Supra Justeco. Vi ne povas mortigti sin pro la plej teruraj suferoj, car vi scias, ke e6 en la posterkaj mondo vi ne evitos ilin, se ili necesaj estas por via puri- go. Se vi estas tro malvirta kaj pro tio suferas, vi ne povas tamen foriri el e6 tiu mon- do, car vi scias bone, ke pli-malpli baldaf vi recaskigas kun novaj fortos por la pli- bonigo. Vi ja en e6 dormo povas peti kaj ricevi konsilojn kaj helpon de l'Saga kaj Oio-pova. Vi ne foriros, car scias, ke en la sek- vonta vivo sur tero vi devos elaci per viaj purigaj suferoj tiun disharmonion, kiun voni- gos en la mondono via arbitra morto (la uni- verso ekzistas lati Nia plano). Vi ne povas esperi, ke morgau en tiu nekonata mondo vi trovos eeson de l'meritat turmentoj, car

...demain, c'est la grande chose!

De quoi demain sera-t-il fait?

L'homme aujourdh'hui sème la cause,

Demain Dieu fait mûrir l'effet... *)

Vi ne povas trovi vivon sencela, car vi scias, ke Dio estas ĝi, la tutu universo en ĝia plenecon; felido de l'universo estas—esti en Dio, kiel Li; sed esti bona, ne konante la tutan malbonon de nekonseuto,—tio ne povas kontentigi eun ion vastan spiriton; despli tia ne povis esti la Plej Perfekta. La universo, lati Lia volo kaj lati sia ankao (lati Nia volo, car ambaŭ voloj estis egalaj: la universo estis en Dio kaj Dio en ĝi), foriris de Li kaj farigis malsame volanta. Sed ĝi tiam ekkonis la malbonon de l'malbono kaj tiam konsci komencis iri al Dio, por en konscia konsento kun Li gui produktatajn de gi felicajn. Tio ĝi farigis celo de l'universo; kiam ĝi atingita estos, la universo estos perfekta kun Dio. Eble, vin pro ignoratio elenchi demandos la nekredantoj: „Kiel? ĉu Dio, absoluta kaj perfekta povas esti neperfekta? La universo ja kiel ĝi vivas, ne estas en plena kou- senteo kun Dio, sekve—Dio, enhavanta en si la universon, estas ankaŭ nun neperfekto?“ Vi do respondos: „Nu n! kion signifas ĝi tio? Cu vi supozas, ke Dio ekzistas en la tempo? Ne, certe; por Li ne ekzitas la tempo, kiel ne ekzistas por Li la spaco ankaŭ. En Li por Li la universo estas jam en la plena perfekteco, car Li enhavas en Si la estontajon; ni povas konsideri Lin, kiel enhavantan en Si la universon ankaŭ nekonantan la malbonon, car en Li estas la estintajo. La nuna stato de l'universo povas esti konsiderata de ni (neperfekte, certe), ekzemple, kiel penso de Dio pri la jam pasinta tempo. En Dio ni jam guas felicajn de l'plena konsentece de Nia volo. „Mi scias, ke ĝi, kion faras Dio, restas ēterne... Kio farigis, tio ekzistas de longe, kaj kio estos farigonta, tio antaŭ longe jam estis kaj Dio revokas pasintajon“. **) Sed oni

*) V. Hugo.

*) V. Hugo.

**) „La Predikanto“.

ленная уже есть въ полномъ совершенствѣ, ибо она вмѣщаетъ въ Себѣ будущее; мы можемъ мыслить Его, какъ содержащаго въ Себѣ вселенную, еще не изнавшую зла, ибо въ Немъ есть прошедшее. Нынѣшнее состояніе вселенной можетъ быть рассматриваемо нами (несовершенно, конечно), напримѣръ, какъ мысль Бога о уже прошедшемъ времени. Въ Богѣ мы уже наслаждаемся счастьемъ полной согласности Нашей воли. „Позналь я, что все, чѣмъ дѣлаетъ Богъ, пребываетъ во-вѣкѣ!... Чѣдѣ было, тѣперь есть, и чѣдѣ буде, то уже было,— и Богъ воззовегъ прошедшее.“*) Но могутъ также спросить тебѣ: «что буде, когда вселенная достигнетъ совершенства? Какая скучка тамъ будетъ царить— въ царствѣ неизѣнного, всегда одного и того же счастья.» Ты отвѣтиши: «въ Богѣ совершенство уже было, есть и буде, ибо Онъ абсолютъ; но вселенная не абсолютна, для нея существуетъ время, а такъ какъ время бозконечно для того, для кого оно существуетъ поэтуму вселенная никогда не можетъ достичь совершенства, которое всегда останется для нея— цѣлью. Она можетъ очень близко дойти до совершенства, но никогда вполнѣ, ибо время, подобно пространству, дѣлымо безконечно».

Чѣловѣкъ вѣрюющїй не покончить съ собою.

Не много приходится мнѣ говорить о тѣхъ, кто сойчасъ не вѣритъ, но не твердъ въ своемъ невѣріи. Такой человѣкъ не долженъ убивать себя, ибо если онъ нетвердо не вѣритъ, то онъ долженъ сознавать, что онъ не знаетъ вполнѣ устройства жизни и вселенной, а потому онъ и не имѣетъ права вѣлять своюю произволюю смертью на ходъ міровой жизни. Онъ долженъ сознавать, что если онъ когда нибудь повѣрить, то будетъ смотрѣть на свое покушеніе къ самоубийству, какъ на совершенное въ безуміи. „Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, такъ какъ и ису живому лучше, нежели мертвому лѣву“*). Онъ не долженъ изъза случайныхъ обстоятельствъ принимать рѣшеніе, о которомъ онъ послѣ, успокоившись, сожалѣть бы.

Человѣкъ, не увѣренный въ своемъ невѣріи, не долженъ убивать себя.

Если ты не вѣришь въ вышеназванныя положенія и увѣренъ, что никогда въ нихъ не будешь вѣрить; если ты теперь заранѣ осуждаешь, какъ моментъ помѣшательства, тотъ моментъ, когда ты повѣришь бы (ибо это возможно вѣдь при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ); если ты не находишь въ жизни никакой цѣли и съ Экклезиастомъ говоришь: „суета суетъ,— все суета! Родь проходить и родь приходить, а земля пребываетъ во-вѣки. Нѣтъ памяти о прежнемъ; да и о томъ, чѣдѣ буде, не останется памяти у тѣхъ, которые будутъ послѣ... И воззенона дѣлъ я жизнь, потому что противны стали

povas ankaŭ vin demandi: „kio estos, kiam la universo atingos la perfektecon? Kia enuo tiam regos — en la regno de neSangebla, ĉiam sama folico“. Vi respondos: „en Dio la perfekteco jam estis, estas, kaj estos, ĉar Li estas absoluta; sed la universo ne estos absoluta, por gi ekzistas la tempo, kaj ĝar la tempo estas sensina por tiu, por kiu gi ekzistas, tial la universo neniam povos atingi la perfektecon, kiu ĉiam restos por gi— celo. Gi povas aliri al la perfekteco tre proksime, sed naniatute, ĝar la tempo, simile je l'spaco, estas sensine dividibleba“.

Homo kredanta sin ne mortigos.

Ne multe mi devas paroli pri tiuj, kiuj nun ne kredas, sed ne estas fortikaj en sia nekredo. Tia homo ne devas sin mortigi, ĉar se li ne fortike nekredas, li devas konsci, ke li ne konas bone la kostruon de l'vivo kaŭ de l'universo; tial li ne havas rajton influi per sia morto arbitra je la iro de l'monda vivo. Li devas konsci, ke, se li iam ek-kredos, li rigardos sian atencon je l'mem-mortigo, kiel faritan en la frenezo. „Car kiu troviĝas inter la vivuloj, tiu havas ankorafaj esperon, ĉar et al hundo vivanta estas pli bone, ol al leono mortinta“.*.) Li ne devas fari nun pro la okazaj cirkonstancoj decidon, pri kiu li poste, trankviliginte, bedaŭrus.

Homo, ne certa en sia nekredo, sin mortigi ne devas.

Se vi ne kredas la suprenomitajn tezojn, kaj estas certa, ke vi kredos ilin neniam; se vi nur de antaŭe kondamas, kiel momenton de l'frenezigo, tiun momenton, kiam vi ek-kredus (ĉar tio ja estas ebla pro iaj cirkonstancoj); se vi ne trovas en la vivo ian celon kaj kun la Predikanto diras: „vantajo de vantajoj, ĉio estas vantajo. Generacio foriras kaj generacio venas, kaj la tero restas eterne. Ne restis memoro pri la antaŭuloj; kaj ankaŭ pri la posteuloj, kiuj estos, ne restos memoro de tiuj, kiuj estos poste... Kaj mi ekmal-amis vivon, ĉar abomenindaj estas por mi faroj, kiuj farigas sud la suno, ĉar ĝio estas vantajo kaj ventajo... Car kiu scias, kio estas bona por la homo en la nemultaj tagoj de lia vanta vivo, kiun li pasigas kiel ombro, kaj kiu diros al la homo, kio estos post li sub la suno?“ Se tiel vi, homo, parolas, kaj se tial, pro via forta nekredo, pro nedeziro vivi sur la tero ne sciante la celon de sia vivado, vi intencas mortigi sin,— faru tion. Mortigu vin, ĉar nenio plu estas por vi sur la tero: mortigu vin, se vi havas karakteron, vi devas tion fari.

Antaŭuelonge mortigis sin unu el miaj amikoj— junkero de Nikolaa Ingéniera Lerpejo, ne povinte toleri la ĉiaman maljustan kaj arogantan agmaneron de du siaj ĉefoj— oficiroj. Mi tre kompatas lin, ĉar scias, kion li renkontis post sia morto en la posteckra mondo, kiel li nun suferas, sed mi ankaŭ komprenas lin: li estis nekredanto kaj mortigis sin, ĉar li agoj de l'estroj difektis por li tutan lian

*) „Книга Экклезиаста“.

*) „Predikanto“ Trad. de L. Zemenhof.

мнѣ дѣла, которыя дѣллаются подъ солнцемъ; estonta)on: li devus esti senigita de sia jun-
ибо все—суета и томлениe духа!.. Ибо кто kera rango, farigi simpla soldato kaj por ĉi-
знаеть, что хорошо для человѣка въ жизни, во всѣ дни суетной жизни его, которые am esti kondamnita renkontadi nekonfidon
онь проводить, какъ тѣнь? И кто скажетъ (car lau opinio de la plejmulto — la estroj ne
человѣку, что будешь послѣ него подъ солн- povas esti maljustaj, mensogi aŭ eĉ trom-
цемъ? «Если такъ ты, человѣкъ, говоришь и pigi)...

Homo, nenion trovanta en la vivo, sin mortigu.

Se vi, homo, ne kredas kaj ne vidas senscop en la vivo, sed ne volas sin mortigi, timam en povas tial, ke vi deziros alporti utilon al la homoj, vivi nur por ilian helpi — vivi pro la altruismo. Tio eĉ, certe, estas tre nobla decido, sed, bedaŭrinde, ne racia. Pripensu: la

недавно покончилъ съ собою одинъ изъ моихъ товарищъ юнкеръ Н. И. У., будучи не въ силахъ терпѣть несправедливое и грубое обращеніе двухъ своихъ начальниковъ офицеровъ. Я очень жалѣю его, ибо знаю что онъ встрѣтилъ послѣ своей смерти въ загробномъ мѣрѣ, какъ онъ теперь страдаетъ, но я и понимаю его: онъ былъ невѣрующимъ и покончилъ съ собою, ибо поступки начальниковъ испортили ему все его будущее: онъ долженъ быть стать даже на время простымъ солдатомъ и быть осужденнымъ всегда встречать недовѣrie (либо, по мнѣнію большинства, начальники не могутъ быть пристрастны, лгать или даже обманывать)...

Человѣкъ, ничего не находящій, въ жизни да умретъ себѣ.

Если ты, человѣкъ, не вѣришь и не видишъ смысла въ жизни, но не хочешь убить себя, то тогда ты, потому что жалѣешь пріести пользу людямъ, можешь жить, чтобы помочь имъ, жить изъ-за алtruизма. Это, конечно, очень благородное рѣшеніе, но, къ сожалѣнію, не рациональное. Подумай: человѣчество теперь очень несовершено въ нравственномъ и материальномъ отношеніяхъ. Его организація можетъ быть еще много улучшена. Ты будешь стараться достичь этого своей работой. Ты умрешь, но другие продолжатъ твою работу; каждый изъ васъ въ сравненіи съ человѣчествомъ почти ничего не значитъ, вата работа также едва замѣтна, но ты знаешь, что gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadenda kaj vi laboros. Все больше будетъ появляться людей, которые будутъ работать для пользы человѣчества и, наконецъ ихъ старанія утѣчиваются успѣхомъ. Человѣчество усовершенствуется; оно будетъ добродѣтельно, здорово по возможности, будетъ наслаждаться всевозможными комортами и будетъ самыми разумными образомъ организовано; быть можетъ, не будетъ существовать болѣе государства, кассы общества... Но скажи мнѣ, человѣкъ что будетъ дѣлать твое совершенное (ибо это совершенство достижимо во времени) человѣчество? Конечно, ты не полагаешь, что оно все будетъ трудиться для хлѣба насущнаго; это даже будетъ невозможно, потому что при раздѣлѣ труда каждому придется работать очень недолго. Что ихъ будетъ тогда интересовать? Не всѣ могутъ философами или любителями литературы; и къ чему они быши бы ими: съ полнымъ правомъ они — не-

moralaj kaj en la materia la rilatoj. Giu organizigo povas esti ankorati multe plibonigita. Vi penos tion ĉi atingi per sia laboro. Vi mortos, sed aliaj daŭrigos vian laboron; eiu el vi kompare kun la homaro signifas preskaŭ nencion, via laboro ankaŭ estos apera rimarkebila, sed vi scias, ke gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadenda kaj vi laboros. Giu pli multe aperados da homoj, laborontaj por la profito de l'homaro, kaj fine iliaj penoj estos kronitaj de l'prospero. La homaro perfektigos; gi estos virta, sana latieble, guos diaspecan komforton kaj estos organizita plej racie; eble, ne ekzistas plu la regnoj, la societklasoj... Sed diru al mi, homo, kion faros (car tiu ĉi perfekteco estas etingebla en la tempo), kion faros via perfekta homaro? Certe, vi ne opinias, ke gi penos ĉiam nur por la pano ciutaga; tio eĉ ne estos ebla, car eĉ l'interdividado de l'laboro eiu devos labori tre mallonge. Kio ilin interresos tiam? Ne povos ĉiu esti literaturamanjo aŭ filozofistoj; kaj por kio ili estus: kuna plena rajto ili-nekredantoj-parolos: „kiam mi direktis mian koron por ekconi sagereon kaj eirkadrigardi la aferojn, kiuj estas farataj sur la tero tiamaniere, ke nek tage nek nokte homo vidas dormon sur siaj okuloj; kaj kiam mi rigardis ĉiujn farojn (de Dio),—tiam mi trovis, ke homo ne povas kompreni la aferojn, kiuj farigas sub la suno; kiom ajn la homo penus esplori, li ne komprenos kaj se eĉ sagulo diris, ke li scias, li tamon ne povas kompreni *). La moralo ne estos akceptinda, car gi fondigas sur la sentoj de l'hommo, kies esencon sen kredo oni ne povos koni; la filozofio ankaŭ, car gi estas fondita sur la homa prudento, kies fonto restos neesplorebla. Sen la kredo je la spirito, eie estos nur la stofo morta. La moralo, la filozofio kaj cet. estos nur anemonae verbarum, car ili ne havos spiriton... Kaj la homoj ekbedořos, ke ili ne vivas dum tiu tempo, kiam homo povis paroli: „Mortuus est Dei filius; credibile est, quia ineptum est; et sepultus resurrexit; certum est, quia impossibile est...“ **) Kaj komencigos komuna enuego kaj homoj mase sin mortigados... Jen kian frukton produktos la semito via, ho nekredanto.

*) „Predikanto“.

**) Tertuliani opera „De Carne Christi“.

вѣрющіе—будутъ говоритьъ: «когда я обратилъ сердце мое на то, чтобы постигнуть мудрости и обозрѣть дѣла, которые дѣлаются на землѣ, и среди которыхъ человѣкъ ни днемъ, ни почто не знаютъ сла,—тогда я увидѣлъ всѣ дѣла (Божія) и нашелъ, что человѣкъ не можетъ постигнуть дѣль, которыя дѣлаются подъ солнцемъ. Сколько бы человѣкъ ни трудился въ изслѣдованіи, онъ все-таки не постигнетъ этого, и если бы какой-нибудь мудрецъ сказалъ, что онъ знаетъ, онъ не можетъ постигнуть этого*). И нравственное ученикъ не будетъ достопріемлемо, ибо онъ основывается на чувствахъ человѣка, сущности которыхъ онъ безъ вѣры не можетъ знать; философия также, ибо она основана на человѣческомъ разумѣ, источникомъ котораго остается не изслѣдимый. Безъ вѣры въ духъ, все будетъ лишь мертвай матеріей. Нравственность, философія и прочее будутъ лишь апетитомъ *verbagum*, ибо не будетъ духа у нихъ... И люди возождаются, что они не живутъ въ то время, когда человѣкъ могъ говорить: «*mortuus est ei filius; credibile est, quia ineptum est; et sepultus resurrexit; certum est, quia impossibile est...***). И начнется всеобщая тоска и люди массами будутъ убивать себя... Вотъ какой плодъ принесетъ посѣянное тобою, невѣрющій.

Ты также имѣшь право убить себя.
Человѣкъ, ты, можетъ быть, также не вѣришь, но не хочешь убить себя, ибо слишкомъ любишь свою жизнь, ибо можешь наполнить наслажденіемъ пустоту своей души. Ты зекуреецъ? Ну, успокай свою душевную тревогу, если она еще есть, удовольствіями по своему вкусу, —тонкими или пѣтъ, —какъ тебѣ угодно. «Сладокъ свѣтъ, и пріятно для глазъ видѣть солнце... Веселись, юноша, вы юности твоей, и да вкушаетъ сердце твое радость во дни юности твоей, и ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ... и уклоняй злое отъ тѣла твоего, потому что дѣлство и юность —суста.¹⁾». Но помни, человѣкъ, что чаще встрѣчается въ жизни несчастье, чѣмъ счастье, и что ты, вѣроятно, также не избѣжишь его. Тогда и ты воззоколашь о своемъ безумномъ рѣшеніи и скажешь стъ поэтомъ,

Van muerte tan escondida,
Que no te sienta venir,
Porque el peazer del morir
No me torne a dar la vida...*)

и тогда «порвется серебряная пѣпочка, разорвется золотая повязка, разобьется кувшинъ у источника и обрушится колесо надъ колодеземъ. И возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ.**)

Ты, иной, не такъ утонченъ, какъ преди-
дущій. Ты не наслаждаешься удовольствіемъ
того, что радуетъ предыдущаго. Ты говоришьъ
«счастье сыновъ человѣческихъ—чтобы они

Vi ankau havas rajton sin mortigi.

Homo, vi eble ne kredas ankaŭ, sed ne vo-
as sin mortigi, ĉar vi tro amas sian vivon,
ĉar vi povas plenigi de l'plezurogo la malpe-
majon de via animo. Vi estas epikur'isto? Nu,
ankvilkigaj vian animan tumulton, se gi an-
korat ekzistas, per la plezuroj laŭ via gusto—
delikataj aŭ ne—kiel plaĉos al vi. „Agrabla
stas la lumo, kaj bone estas al la okuloj
vidi la sunon... Goju, junulo, en via infaneco,
kaj via koro gue plezuron en la tagoj de via
uneco, kaj iru kien kondukas vin via koro,
kaj forigu malagrablajon de via korpo, ĉar la
infaneco kaj juneco estas vantaĝo“.) Sed
nomoru, homo, ke pli ofte estas renkontata
en la vivo la malfeliĉo, ol la felicio, kaj ke
i, kredeble, ankaŭ ne evitos gin. Tiam ka-
i ekbedaŭros sian senprudentan decidon vivi
taj diros la poeto:

Van muerte tan escondida,
Que no te sienta venir,
Porque el peazer del morir.
No me torne a dar la vida... (**)

kaj tiam, dissirigos la argenta ĉeneto, rompi-
gos la ora lampeto, rompigos la krueo ĝe la
fonto kaj falos la rado en la puton. Kaj la
polvo refarigos tero, kiel ĝi estas..“

Vi, alia, ne estas tiel dalikata, kiel la antaŭa. Vi ne guas plezuron de tio, kio gajigas la antaŭan. Vi diras, „La sorte estas por la homidoj, por ke ili vidu, ke ili estas bruto per si mem. Ĉar la sorte de homidoj kaj la sorte de bruto estas sorte egala; kiel ĝi tiuj mortas, tiel mortas ankaŭ tiuj, kaj sama spirito estas ĉe tiuj, kaj supereco de homo kontraŭ bruto ne ekzistas, ĉar ĝi estas vantajo. Ĝio iras al unu loko; ĝio farigis el la polvo kaj ĝio refarigos polvon. Kiu scias, ĉu la spirito de homidoj levigas supren kaj ĉu la spirito de bruto mallevigas malsupren en la teron? Kaj mi ekvidis, ke ekzistas nenio pli bona, ol ke homo guu plezuron de siaj faroj, ĉar tia estas lia sorte; ĉar kiu alkondukos lin, „por vidi, kio estos post li?“ Guu do vian maldeklikatan plezuron de l' trinkado kaj mangado kaj ceterajn fiplezurojn, kinjn elpeson via malestaño prudento. La homaro vin lasu libera, se vi gin ne malutilos, at̄ gi senliberigu vin, se vi estos dangera. Vi kiel bruto parolas, kaj vin la sorte de bruto atingu. Vi povas siu mortigi tuj, sen ke iu vin kompanu.

Mortigu vin plej baldaū—mia sincera kon-silo

omo. Jen estas via sorto elektata.
Feci quod potui, faciant meliora potentes.

Al. Ketrle—Čenširanto.

^{*)} «Книга Экклесиаста».

**) Тертуліанъ. «De Carne Christi.»

^{*)} Миг. де-Сервантесъ..

^{**}) «Книга Экклезіаста».

*) „Predikanto“.

**) "Mig. de-Servantes.

видѣли, что они сами по себѣ—животны; и прочими наслажденьшками, которые взду-
потому что участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ—участь одна: какъ тѣ
умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одно дыханіе у всѣхъ, и нѣть у человѣка преиму-
щества предъ скотомъ, потому что все—сугубо! Все идетъ въ одно мѣсто: все произошло изъ
праха и все возвратится въ прахъ. Кто знаетъ: духъ сыновъ человѣческихъ восходо-
дить ли вверхъ, и духъ животныхъ сходить
ли внизъ, въ землю? Итакъ, увидѣлъ я, что
нѣть ничего лучше, какъ наслаждаться че-
ловѣку дѣлами своими, потому что это—до-
ля его; ибо кто приведетъ его посмотрѣть на-
то, что будетъ послѣ него? Наслаждайся же
своимъ грубымъ удовольствиемъ ъды и питья

и промѣньшиками, которыя взду-
маетъ твой порочный умъ. Человѣчество да
оставить тебя свободнымъ, если ты не будешь
вредить ему, или да лишить оно твоей
свободы, если ты будешь опасенъ. Какъ жи-
вотное ты говоришь, и судьба животного
тебя постигнетъ. Можешь сейчасъ же покон-
чить съ собою безъ того, чтобы кто-либо
пожалѣлъ о тебѣ.

Умерти же себя поскорѣе—мой искренній
совѣтъ.

Человѣкъ. Вотъ твоя участь къ избранію
Feci quod potui, faciant meliora potentes.

Aх. Кетрицъ—Censiranto.

Не развращайте насъ!

Недавно въ „Утре“ была устроена анкета по поводу направлений въ современной литературѣ.

Мнѣ также хочется высказать свое мнѣніе. Это—угаръ, это—болѣзнь своего рода, которая охватила всѣхъ.

Раскройте любой журналъ, съ которымъ мы привыкли считаться какъ съ серьезными, гдѣ можно найти отклики на серьезные запросы души,—раскройте ихъ теперь и Вы увидите только одинъ половой вопросъ въ искашен-немъ видѣ.

Всѣ писатели стали писателями рынка, а не провозвѣстниками свѣтлыхъ, чистыхъ идей.

Правительство должно радоваться, что эта литература отвлекаетъ отъ „политическихъ бредней“, какъ выражаются иѣкоторые, не понимающіе или не желающіе ничего свѣтлого, люди.

Но родители не должны радоваться этому. Больная литература скверно отражается на дѣтяхъ.

Теперь учащійся не можетъ уже погружаться въ науку, передъ его глазами встаютъ различные облазнительныя картины, которыя заставляютъ забывать все и стремиться къ тѣлу.

Такъ происходить у всѣхъ: и у мужчинъ и у женщинъ.

Здоровое, свѣтлое, красивое чувство пре-
вращается въ болѣвое сладострастіе.

Когда читаешь „Бракъ“ Сѣрошевскаго, невольно становится какъ-то хорошо на душѣ.

Чѣмъ-то свѣтлымъ вѣтъ и отъ природы, и отъ этой юной пары, покорившейся ея могучему голосу. Здѣсь нѣть ничего скрытаго, здѣсь царитъ свобода.

Прочтите „Санина“ и другія произведения Арицыбалсева: отъ нихъ ничего не остается въ душѣ, кроме какого-то непріятнаго осадка.

Это—пережевыванье съ какимъ-то подчеркнутымъ удовольствіемъ всего, что давно изѣбѣстро.

Женщины, которые способны только къ животному чувству, мужчины—самцы ила revuo „Obrazovanie“ (Klereco) estas pre-
sita la rakonto de Olinger „Vespero“. Mi vo-

Ne malcastigu nin!

Auta ĉinelonge en la gazeto „Utro“ (Mateno, estis farita anketo pri direktoj en la nun-tempo literaturo.

Mi ankaŭ volas diri mian opinion.

Tio ĉi estas haladzo, tio ĉi estas malsano de sia speco, kiu ĉirkaŭkaptis ĉiujn.

Malfermi sian Jurnalon, kiun ni kutimis opinii kiel seriozan, ke oni povas trovi revokojn al seriozaj demandoj de l'animi,—malfermu ilin nun kaj Vi ekvidos nur ubu sekasan problemon en kripligita formo.

Ĉiuj verkistoj farigis verkistoj de bazaro, sed ne predikantoj de lumaj, puraj ideoj.

La registaro devas goji, ke tiu ĉi literaturo fortiras de „politikaj delirajoj“, kiel sin esprimas kelkaj, ne kompreenantaj aŭ dezirantaj nenion luman, homoj.

Sed gepatroy ne devas goji pro tio ei.

La malsana literaturo malbone influas alla infanoj.

Nun lernanto na povas jam trempigi en la sciencon, antaŭ liaj okuloj sin levas diversaj logantaj imagoj, kiuj devigas forgesi sion kaj deziri korpon.

Tiel okazas ĉe ĉiuj: ĉe viroj kaj ĉe virinoj. Sana, luma, bela sento transformigas en malsanan volupton.

Kiam oni legas la „Edzecon“ de Sjerosevski, tiam nevole farigas iel bone en la animo. Ilo luma blovas de la naturo kaj de tio ĉi juna paro, obeinta al gia potenco vido. Tie ĉi estas nenio kaſita, tie ĉi regas la libereco. Tialegu romanon „Sanin“ kaj aliajn verkojn de Arcibasē: de ili nenio restas en la animo, krom ia malagrable impreso. Tio ĉi estas remađado, kun ia substrekita plezuro de ĝio, kio estas delonge konata. Virinoj, kiuj estas kapablaj nur al besta sento, viroj—bestoj... kaj nenio alia.

Ili ne vidas en virino homon, ili serĉas en si nur belan inon, kiun oni devas ekposedi, dominante al si minutan plezuron. Tio ĉi estas simple ia sovaga dibodo, aŭ, se oni povas tiel diri, „ruſa rido“, reganta ĉiuj kaj incitanta ĉiuj, vekanta malfonan volupton. En la revuo „Obrazovanie“ (Klereco) estas presita la rakonto de Olinger „Vespero“. Mi vo-

Они не видятъ въ женщинѣ человѣка, они *lus scii*, kian celon persekutis *gia auctor*, ищутъ въ ней только красивую самку, которую надо овладѣть, доставивъ себѣ минутное удовольствие.

Это просто какой-то дикий разгуль, или, если можно такъ выразиться, „красный смыѣхъ“, царящій повсюду и раздражающій всѣхъ, пробуждающей нехорошее сладострастье.

Въ „Образованіи“ помѣщенъ разсказъ Олигера „Вечерь“.

Мнѣ хотѣлось бы знать, какую цѣль преслѣдовалъ авторъ его, рассказывая о чувствахъ мальчика.

Вѣдь всякий, зовущійся писателемъ, не можетъ не идти по какой-нибудь дорогѣ,—но какой—все равно.

У него долженъ быть свой кругозоръ, направлѣнныи къ извѣстной цѣли. Это не флюгеръ, поворачивающійся на своей жер dochѣ въ разныи стороны отъ налетѣвшаго вѣтра.

Мнѣ кажется, что писатели—авторы подобного рода вещей, какъ „Вечерь“, „Санина“ и др., или сошли съ ума, или это—торгаша, которые гонятся за наживой, пренебрега публикѣ, да и публикѣ-то никакуа не годной, больной то, что вызываетъ сейчасъ большой спросъ.

Прочтя подобныхъ вещи, дѣлается стыдно за человѣка, какъ онъ могъ испортить то чувство, тѣ обязанности, которымъ долженъ бы считать „святая святыи“ своего сердца.

Творца—человѣка обратили въ похотливое болѣвое существо, разжигающееся животными возбужденіями.

На здоровыхъ людей такая литература производить только отвратительное впечатлѣніе; они не увлекаются ею, они понимаютъ, что это—гадость.

Люди же больные могутъ сдѣлаться вполнѣ и психопатами.

Возьмите сотни дѣвушекъ, не знающихъ, куда приложить свои силы, тоскующихъ и ждущихъ замужества, какъ чего-то такого, что представляеть для нихъ конечную цѣль жизни.

Вѣдь онѣ, читая подобныхъ произведеній, готовятъ себя или сумашедшій домъ, или стануть отдаваться первому встрѣчному, безъ всякаго отчета передъ своей совѣстью и долгомъ.

Страсть заставить ихъ забыть все.

А такихъ дѣвушекъ, такихъ юношей много.

Современное воспитаніе закрываетъ глаза на настоящую жизнь, и поэтому всегда половъ вопросъ представляеть чѣмъ-то смутными, вызывающими, таинственнымъ.

Теперешнее, „реальное“ направлѣніе не исправить такого воспитанія; оно только усугубитъ его должностъ, втолкнетъ въ болѣе глубокую пропастъ, откуда выйдутъ только искалеченные люди.

Неужели между мужчиной и женщиной не можетъ быть чистыхъ отношеній, а происходить только животныи сцены, какія описалъ, напр., Г. Арцыбашевъ въ своихъ рассказахъ.

Я не хочу этому вѣритъ.

Любить и производить здоровое потомство.

rakontante, pri sentoj de knabo. Ja ciu kiun oni nomas verkisto, no povas ne iri per ia ajn vojo, -per kia nome—tio estas egal. Li devas havi sian mondkomprenon direktitan al certa celo. Tio ci ne estas veterflago, sin turnanta sur sia stangeto en diversaj flanko de surfluginta vento.

Al mi sajnas, ke verkisto—autoroj de tiaspecaj verkoj kiel „Vespero“, „Sanin“ kaj aliaj aŭ frenezigis, aŭ ili estas komercistoj, kiuj avide serdas akiron, alportante al la publiko, kaj al la publiko tute netuiga, malsana tion, kio elvokas nun grandan demandon. Traleginte similajn verkojn, farigas honte pro homo. Kiel li povis malbonigi senton, tiujn devojn, senton, tiujn devojn, kiujn li devus opinii, kiel „la plej sanktan el sanktaoj“ de sia koro. Kreanton-homon oni faris volumenta malsana ekzistajo flamiganta per bestaj eksitoj. Sur sanaua homoju tia literaturo faras nur a bompan impreson; ili ne adoras gin, ili komprenas, ke tio ci estas abomenaĵo. La homo do malsanaj povas tute farigi psihopatuloj. Prenu la centojn da fraŭlinoj, ne sciataj, kien almeti sian fortajo, soprantaj kaj atendantaj edzinigon, kiel ion kio estas por ili fina celo de la vivo. Ja, ili, legante tiajn verkojn, sin preparas aŭ en domon por frenezuloj, aŭ sin donados al sia reunkonto, tute sen respondo antaŭ sia konscienco kaj devo. La pasio devigas ilin forgesi ĝion.

Sed tiaj junulinoj, tiaj junuloj estas multaj.

La nuntempa edukado fermas okulojn, an-taŭ la efektiva vivo, kaj tial ĉiam la seksa problemo estis io malklera, eksitanta, mistera.

La nuna „real“ direkto ne plibonigos tian edukardon; gi nur pligrandigos ĝian malveracon, enpuðos en pli profundan kavegon, el kiu eliros nur kripligitaj homoj. Ĝi efektive inter viro kaj virino ne povas esti puraj rilatoj, sed okazas nur bestaj scenoj, kiajn priskribis, por ekzemplo, s-ro Arcibašev en siaj rakontoj.

Mi ne volas tion ci kredi. Ami kaj kreisan idaron estas eble,—sed nur por homotute konscia, sed ne por „homo-besto“. Ja krom la besta sento ankoraŭ estas spirita, kiu kunigas homojn en unu tuton, devigas pensi per unu pensoj, senti per unu koro, voli per unu volo. Kial pri tiaj rilatoj la literaturo nun silentas, sed prezentas nur tiajn kaj krom tio en malbonigita formo, kiuj eĉ sen tio ci eksitas la societon, kaj ankoraŭ en tia tempo, kiam gi travivas la sovagan reakcion post ciuj antaŭnelongaj eksitoj.

Malproksimen de tiaspeca verkistoj iru, kolegoj, malproksimen de tiu ci malboadora marco! Komprenu, vin oni volas elkuraci de la plej bona, trempinte vin en venenan ŝimon de kripligita, ĝion detruanta volupto.

Rigardu en biblioteko, kiajn librojn plej ofte petadas la junularo.

Tiujn, kiuj traktas pri la sekса problemo. La sekса problemo kaj la junularo staras kune.

можна,—но только человѣку вполнѣ сознательному, а не „человѣку-животному“.

Вѣдь кромѣ животнаго чувства еще есть духовное, которое соединяетъ людей въ одно цѣлое, заставляя думать одинѣми мыслями, чувствовать одинимъ сердцемъ, хотѣть одною волею.

Отчего подобныя отношенія литература теперь замалчиваются, а выводить только такія, да еще въ искаженномъ видѣ, которыхъ и безъ того волнуютъ общество, да еще въ такое время, когда оно переживаетъ дикую реакцію послѣ всѣхъ недавнихъ волнений.

Дальше отъ подобного рода писателей, тѣварищи, дальше отъ этого смраднаго болота!

Помите, вѣсь хотѣть излѣчить отъ самаго лучшаго, погрузивъ въ ядовитую тину извращенной, всепожирающей чувственности.

Посмотрите въ библиотекахъ, какія книги болѣе спрашиваетъ молодежь? Тѣ, которымъ трактуютъ о половомъ вопросѣ.

Половой вопросъ и молодежь стоять не раздѣльно.

Быть можетъ, скажутъ, что это пуританство, что надо смотрѣть透过 открытыми глазами и т. д. Да, не надо смотрѣть сквозь туманъ, но не надо смотрѣть и сквозь призму, все искажающую.

Одна изъ причинъ.

Я хочу сказать нѣсколько словъ по вопросу о причинахъ самоубийствъ, столь частыхъ теперь среди молодежи. Помимо тѣхъ причинъ, которыя ранѣе приводились на страницахъ «Вѣстника Знанія», и которыя я нѣсколько не отвергаю, я укажу еще на одинъ факторъ, много способствующій этому общественному бѣдствію. Этотъ факторъ—экономическая несостоятельность. Во многихъ случаяхъ она именно и является корнемъ зла. На почвѣ бѣдности, при постоянной борбѣ за существованіе, изъ-за куска хлѣба, скорѣе всего явится такой выводъ: «стоитъ ли жить?» У бѣдняка этого выводъ скорѣе можетъ перейти въ убѣжденіе, въ плоть и кровь, чѣмъ у человѣка обезпеченнаго. Послѣднему жизнь вообще не кажется такой постылой, какъ бѣдняку, которому каждый кусокъ хлѣба приходится выстрадать. Прибывь къ этому разрушенному, при столкновеніи съ жизнью, юношескія мечты, надежды, невозможность получить все изъ-за той-же проклятой бѣдности какое-либо образованіе, и потому нѣсколько не удивительно, если человѣкъ рѣшается свести счеты съ жизнью, едва въ нее вступивъ. Если же у него не хватить духу для этого, то все равно онъ остается нравственнымъ калѣкою на всю жизнь, впадеть въ отчаяніе и, въ кон-

Povas esti, oni diros, ke tio di estas puritaneco, ke oni devas rigardi per malfermitaj okuloj k. t. p. Jes; oni ne devas rigardi tra prismo, kiu ĉion aliformigas. For tian kaleidoskopon!

Estas hontinde al vi, lumiloj do literaturo, trempi nin en la marĉon. Vi estas eĉ ne mal-klarebiletantaj fajretoj, sed levigantaj de l' malsaniginta societa animo malbonodoraj elvaporoj, pereigante influantaj al ĉiuj, kaj al ni-la juna generacio-la plej antate kaj la plej forte.

Lernantino.

Trad. I. Ŝ-ra.

Долой такой калейдоскопъ.

Стыдно вамъ, свѣточи литературы, погружать насъ въ болото. Вы даже не тускломерцающіе огоньки, а подымаящіеся отъ заболѣвшій общественной души смрадны испарения, гибельно вліающіе на всѣхъ, а на насъ—молодое поколѣніе прежде всего и больше всего.

Учащаяся.

Unu el kauzoj.

Mi volas diri kelkajn vortojn pri la demando pri kauzoj de memmortigoj, tiom oftaj nun inter la junularo. Krom tiuj kauzoj, kiujn antaŭe oni montris sur la paĝoj de „Vjestn. Zn.“ kaj kiujn mi neniom malkonfesas, mi montros ankoraŭ unu faktoron, kiu multe helpas al tiu ēi sociala malfelico. Tiu ēi faktoro estas ekonomia malriĉeco. En multaj okazoj ĝi nome estas radiko de l'malbono. Sur fundamento de malriĉeco, dum konstanta batalado pro ekzistado, pro peco da pano, la plej rapide aperas tia konkluo: „Cu havas ian valoron la vivo?“ En malriĉulo tiu ēi konkluo pli rapide povas fariĝi konvinko, eniri en linan „viandon kaj sangon“, ol en homo, havanta materialajn rimedojn. Al tiu ēi lasta la vivo entute ne ŝajnas tia malagrable, kiel al malriĉulo, kiu devas ĉium pecon da pano elsuferi. Aldonu al tio ēi detruitajn, dum renkonti kun la vivo, junulajn revojn, esperojn, neblecon ricevi pro tiu sama malbenita malriĉeco ian ajn klerigon kaj tial neniom mirinde estas, se homo decidigas fini kalkulojn kun la vivo, apenaŭ enirante en gin. Se do li ne havos kuragon por fari tion ēi li tamen restos morala kriplulo dum la tuta vivo, enfalos en malesperon kaj, fine, pli plenigos per si la vicojn de forjetuloj de la societo.

Tiu ēi fenomeno estas neforigebla.

Neforigebla gis tiu tempo, kiam estos, fine, forigitaj la kauzoj de sia apero. Forigi do la kauzoj estos eble nur tiam, kiam ŝangos, pliboniĝinte, niaj socialaj rilatoj.

цъ концовъ, пополнить собою ряды отбросовъ общества.

Явление это неустранимо. Неустранимо до тѣхъ поръ, пока не будуть устраниены причины его возникновенія. Устранить же причины возможно будетъ только тогда, когда измѣнится къ лучшему наши общественные отношенія.

А это зависитъ отъ насъ. Итакъ,

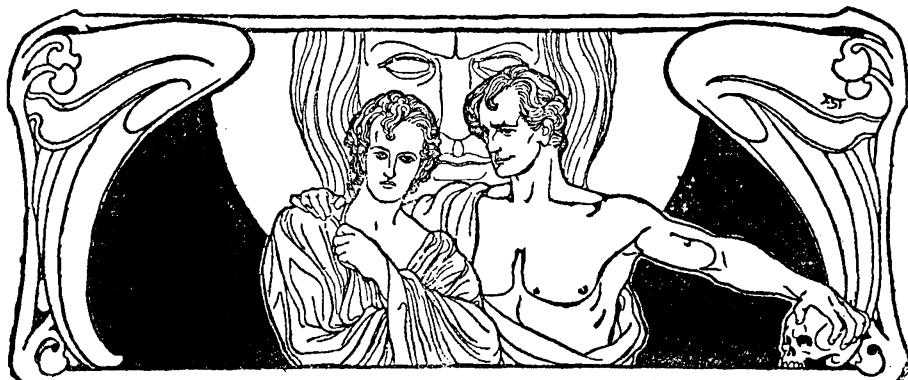
Kaj tio ĉi dependas de ni. Tiel, ni penadu forigi la kaŭzojn, ĉar kaŭzoj elvokas sekvojn.

Abananto Vasilij Efimov.

Esperaütgis V. R.

будемъ-же стараться устранить причины, ибо причины вызываютъ слѣдствія.

Подписчикъ В. ЕФИМОВЪ.

III. Спорные вопросы жизни и нравственности.

Пѣснь жизни.

I.

Студенты Перинъ и Ельскій, задушевные друзья, шли за городъ, передъ ними раскинулась широкая равнина съ темными контурами лѣса на горизонте. Солнце уже завершло свой путь по небу и вскорѣ должно было исчезнуть за краями ярко разгорѣвшейся розовой полосы. На минуту оно скрывалось въ дымчатыхъ объятьяхъ темносиняго облака, словно баснословный драконъ, поднявшійся на небо, чтобы напугать своимъ загадочнымъ, хищнымъ видомъ блѣдныя, голубыя равнини. Золотыя волны веселыхъ солнечныхъ лучей залграли на чудныхъ изгибахъ краевъ облака, и солнце съ улыбкой снова показалось. Трепещущее, желто-вато-красное, оно посыпало прощальный привѣтъ землѣ.

Друзья молчали. Перинъ смотрѣлъ на закатъ, а Ельскій устремилъ свой взоръ куда-то вдали. Молчаніе прервалъ Перинъ.

— Старая и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно-юная исторія!—сказалъ онъ.—Сколько разъ заходило это солнце, сколько поколѣй восторгались имъ и сколько будетъ еще восторгаться!... Сколько грезъ будило оно въ груди художниковъ, поэтовъ и обыкновенныхъ смертныхъ!.. Сколько созданій искусства возникло благодаря ему!.. Сколько томныхъ, невѣдомыхъ желаній навѣвало оно!.. А въ

Studentoj Perin kaj Elskilj, koraj amikoj, iris ekster urbon. Antau ili etendigis larga ebena o kun malhelaj konturoj de arbaro sur la horizonto. La suno jam iris al fino de sia irado sur la cielo kaj baldati devis malaperi post randoj de la hele ekbrulinta roza strio. Por unu minuto gi sin kasadiis en krepa braketo de mallume—blaua nubo, kiu, kvaza o fantome drako, levigis sur la dielon por timigi per sia enigma, raba vido palajn, bluajn ebena ojn. Oraj ondoj de l'gajaj sunaj radioj ekcludis sur strange-belaj elefeksoj de la randoj de l'nubo, kaj la suno kun rideto denove aperis. Tremanta, flavruga, gi sendis adia an saluton al la tero.

La amikoj silentis. Perin observis la sunan subiron, kaj Elskilj direktis sian rigardon ien en malproksimon. La silenton interrompis Perin. — Malnova kaj tamen eterne juna historio!—diris li.—Kiom fojojn subiradis tiu- i suno, kiom generaciojn ravadis gi kaj kiom ankoro  ravos! Kiom revojn, vekadis gi en la brusto de artistoj, poetoj kaj ordinara  homoj. Kiom kreita oj de l'arto aperis dank' al si!.. Kiom sopirajn, neklarajn dezirojn surblo-vadis gi!.. Sed en esenco, eiuji tiuj e i mirindaj movoj de l'animo estas nur sentimentalaj iluzio...—Cu vi scias,—li subite sin turnis al sia amiko,—mi ne povas pli longe toleri e i-

III. Disputeblaj demandoj de l'vivo kaj moralo.

Kanto de la vivo.

I.

сущности, всѣ эти чудные порывы духа— сентиментальная иллюзія.—Знаешь ли,—внезапно обратился онъ къ своему другу,—я дальше не въ состояніи выпустѣ всего того, что называется жизнью. Надоѣла мнѣ она. Надо будетъ убраться ad patres. Это будетъ самый умный изъ всѣхъ моихъ поступковъ, когда-либо совершенныхъ.

— Ты серьезно говоришь или шутишь? спросилъ его Ельскій.

— О, я далекъ отъ шутокъ, мой другъ!— продолжалъ Перинъ.—Впрочемъ, быть можетъ, смерть не такая ужъ трагедія, какъ принято на нее смотрѣть. По моему, и жизнь, и смерть такія глупости, о которыхъ серьезно никогда не стоитъ говорить. Съ дѣствованіемъ твердятъ о первостепенной важности такихъ благъ, какъ жизнь, и внушаютъ какой-то непреодолимый ужасъ къ смерти. Потомъ развиваются эти вопросы въ тысячахъ литературныхъ и философскихъ произведений. Тратятъ и время, и трудъ на разрѣшеніе вопросовъ, истинное значеніе которыхъ нуль. Я сознаю, что началь нѣсколько, быть можетъ, напыщенно, говоря о своемъ намѣреніи. Скажу, въ такомъ случаѣ, проще: на-дняхъ, я думаю прервать нить своей жизни.

— Я тебѣ, по правдѣ сказать, не совсѣмъ вѣро!—прерзаль его Ельскій.—Разсужденія твои очень неумѣстны. Твои мысли въ сущности стары и далеко неинтересны. Однимъ словомъ, ты напускаешь на себя храбрость, хотя и не сознаешь этого. Ты говоришь, что вопросы жизни и смерти не имѣютъ ни малѣшаго смысла, но съ тѣхъ поръ, какъ у тебя явилось самосознаніе, эти вопросы не давали ни на минуту тебѣ покоя. Ты не оставилъ еще привычки подвергать себя анализу и медленно отравлять свое существованіе. Согласись, что въ нашемъ вѣкѣ это вовсе не къ лицу.

— Живи, другими словами, какъ живутъ вѣ!—восклинуль Перинъ.—Сдѣлайся сыномъ грубо-матеріальной настоящей культуры и чувствуй отъ нея свою рабскую зависимости! Отрекись отъ всего лучшаго, что таптится въ твоемъ духѣ, во имя чуждыхъ для тебя идеаловъ вѣка! Убивай постепенно свой духъ, пока не превратишься въ то бездушное, машинальное животное, которое называется человѣкомъ двадцатаго столѣтія! Наслаждайся тѣми эстетическими удовольствіями, которыя такъ похожи на наслажденія, получаемыя отъ вида трубъ, дымы и т. п.

— Успокойся!—тихо обратился къ нему Ельскій,—ты слишкомъ увлекаешься и преувеличиваешь. Если давить тебя культура нашего вѣка, если ты не въ состояніи согласиться съ ея требованиями и покориться ей, въ такомъ случаѣ ты еще оставляешь за собой право протеста. Выражай его тѣмъ или другимъ образомъ. Но складывать оружие, когда, быть можетъ, оно могло бы сослужить тебѣ огромную службу, по меньшей мѣрѣ, неразсудительно, такъ какъ ясно говорить о твоемъ безсиліи.

on tion, kion oni nomas vivo. Tedis ĝi al mi. Mi devos foriri „ad patres“. Tio ti estas la plej saga el miaj agoj, iam faritaj.

— Ou vi parolas serioze aŭ sercas?—demandas lin Elskij.

— Ho, mi estas malproksima de sercoj, amiko mia!—daŭrigis Perin.

Cetere, la morto estas, eble, ne tia tragedio, kiam oni g n kutimis opinii. Mi pensas, ke vivo kaj morto estas tiaj malsagaj, pri kiuj oni neniam devas serioze paroli. De la infaneco oni ripetas al ni pri la unuagradagra veoco de tiaj bonoj, kiel la vivo, kaj inspiras ian nevenkeblan timegon al la morto. Poste oni disvolvas tiujn-ĉi demandojn en miloj de literaturoj kaj filozofiaj verkoj. Oni perdas tempom kaj laboron en solvo de demandoj, kies vera signifo estas nulo. Mi konfesas, ke mi komencis, eble, iom gravstile, parolante pri mia intenco. Mi diros tial pli simple: dum tiuj di tagoj mi intencas dissiri la fadenon de mia vivo.

— Mi, la veron dirante, ne tute kredas, al vi,—interrompis lin Elskij.

Viaj konsideroj estas tre negustlokaj. Viaj pensoj estas en la esenco, malnovaj kaj tre ne interesaj. Unuvorte, vi kuragigas vin mem, kvankam vi ne konscias tion-ĉi. Vi diras, ke la demandoj de la vivo kaj morto havas ne-niam sencon; sed de tiu tempo, de kiu en vi aperis la memkoncio, tiuj ĉi demandoj ne donas al vi eĉ unu minuton de paco. Vi ankorau ne forlasis la kutimon sin analizi kaj venenias vian ekzistadon. Konsentu vi, ke en nia jarcento tio ĉi tute ne konvenas.

— Alive!, vivu kiel ĉiuj vivas! ekkriis Perin.—Farigu filo de la malbelikate-materiale nuntempa kulturo, kaj sentu vian sklavon dependecon de ĝi! Rifuzu de ĉio plej bona, kio kašas en via spirito, en nomo de fremdaj por vi idealoj de via epoko! Mortigu paſo post paſo vian spiriton, ĝis kiam vi transformigos en tian senaniman masinon beston, kiu nomigas homo de dudka jarcento! Guu, vi, tiuj estetikajn plezurojn, kiuoj estas tiel similaj al la plezuroj, ricevantaj de vido de tuboj, fumo, k. t. p. Kien kuri de ĉio tio ĉi, kiel ne en la tombon!..

— Trankviligu vi! mallauðte sin turnis al li Elskij,—vi tro entuziasmigas kaj trograndigas. Se la kulturo de mia jarcento vin e c premas, se vi ne povas konsenti kun ĝiaj postuloj kaj submetiĝi, en tia okazo vi ankorau lasas al vi rajton de la protesto. Esprimum per tia a l alia maniero. Sed lasi la armilojn, kiam, ĝi eble povus liveri al vi grandegan utilon, estas almena u malprudente, car tio klare montras vian senfordecon.

— Ci tio ĉi estas bone, diris Perin, sed vi forgesas nur pri unu malgranda vero: voli a l celi ion—ne estas tion atingi. Kio estas de tio, se mi komencos, kiel vi diras, per tia a l alia maniero protesti! Demando estas, eu mi tion povos fari? Ou estos e e mi sufice da fortoj? Ou iu min a dskultos?

— En viaj vortoj estas a data la nekonvinkeco—interrompis Elskij, kaj tio ĉi estas

— Все это хорошо,—сказалъ Перинъ,—но ты забываешьъ только объ одной маленькой истинѣ, что желать, или стремиться къ чему-нибудь—не значить этого достичнуть. Что же съ того, если я начну, какъ ты выражашся, тѣмъ или инымъ образомъ протестовать! Тутъ вопросъ еще въ томъ, сумѣю ли я это сдѣлать, хватить ли у меня силъ, выслушаетъ ли кто меня?..

— Въ твоихъ словахъ скользитъ неувѣренность,—прервала Ельскій,—а это величайшій врагъ жизни. Ты долженъ освободиться оттнѧ, во что бы то ни стало. Заставь себя вѣрить въ свои силы, въ то, что ты являешься положительной единицей у матери-природы.

— Легко сказать освободиться,—вразбрѣлъ Перинъ,—а сдѣлать гораздо труднѣе, если не невозможно. Измѣнитьстрой такъ или иначе сложившейся психики, дѣло замысловатое. Скучны, однако, всѣ эти наши разсужденія, тѣмъ болѣе, что толку отъ нихъ мало. Быть можетъ, если бы вдругъ забиль въ моей душѣ неизѣкаемый фонтанъ какой-то чудодѣйственной энергіи, я бы ожилъ, но безъ него вѣтъ спасенія!..

— Въ самой жизни ищи этуъ родникъ энергіи,—сказалъ Ельскій.—Она представляется собою волшебное вѣстилищемъ могущихъ источниковъ. Надо только умѣть пить изъ нихъ. Природа въ дивныхъ своихъ краскахъ и формахъ, мощнаго созданія духа человѣческаго, искусство и наука, развѣ не могутъ служить тебѣ желаемыми источниками? Богатство и разнообразіе переживаний, полетъ мысли, сознаніе титаническаго могущества человѣческаго генія, величественные и грандиозныя пирамиды знанія, стремящіяся своими вершинами коснуться неба—не удивительная ли, но величественная ли, это картина! Жизнь—мировое чудо, а мы—жрецы его! Въ самой себѣ она посѣть оправданіе и высшую истину, и мы должны только исполнять возложенія ею на насъ обязанности и преклоняться передъ ею могуществомъ и величиемъ. Въ этомъ будуть заключаться всѣ наши лучшія наслажденія и задачи.

— Да, какъ вижу,—засмѣялся Перинъ,—ты ярый защитникъ жизни. Тѣмъ не менѣе, я остаюсь при своемъ: умереть, по моему, лучше, чѣмъ жить.

— Другъ,—вразбрѣлъ Ельскій,—ты же стокъ ошибаешься! Ты сравниваешьъ, выражусъ языкомъ математики, величины несознѣмѣримы. Жизнь и смерть цѣльза мѣрить однѣмъ масштабомъ. То, что можетъ быть сказано относительно явлений жизни, дѣлко не относится къ явленіямъ смерти, и наоборотъ. Обыкновенно принято сравнивать смерть со сномъ, но это грубое заблужденіе. Сонъ, каковъ бы онъ ни былъ, все-таки представляетъ собою явленіе жизни, которое никогда не будетъ похоже на тотъ абсолютный покой, представляющій собою смерть, быть можетъ, также заблужденіе. Какое право имѣемъ мы утверждать, что та энергія, которая рождала нашъ духовный міръ, исчезнетъ безслѣдно послѣ смерти? Рѣшительно ни-

plej terura malamiko de la vivo. Vi devas liberigi de gi nepre. Devigu vin kredi en viajn fortajo, en tion, ke vi estas pozitiva unio de la patrino-naturo.

— Estas facile diri—liberigi, rediris Perin,—sed fari estas pli malfacile, se ne neble. Sangi la ordon de tiel ati alie formiginta psihiiko estas afero sagaca. Tamen, ciiuji tuu e i niaj konsideroj estas enuaj, des pli, ke malmulte da senco estas en ili. Eble, se en mia animo subite aperis neelcerpebla fonto de ia mirinda energio, mi revivus, sed sen gi—la saluto malestas!..

— Seruvi en la mem vivo tuu e i fonton de l'energio,—diris Elskij. La vivo estas sorca ujo de potencaj fontoj. Oni devas nur scii trinki, el ili. La naturo en mirindaj siaj koloroj kaj formoj, potencaj kreitajoj de homa spirito, arto kaj scienco, e ili ne povas servi por vi kiel dezirataj fontoj? La ricio kaj varieco de travivoj, la flugo de penso, la koncio de titana potenco de l'homa genio, la majestaj kaj grandegaj piramidoj de la scienco, celantaj atingi per siaj suproj la dielon,—e tio e i ne estas mirinda kaj majesta pentrajo. La vivo estas monda miraklo kaj ni—estas gaj pastroj! En si mem gi havas pravigou kaj supran veron, kaj ni devas nur plenumi la devojn, sur ni metitajn, kaj submeti nin sub gaj potenco kaj majestecon. E tio e i estas ciiuji niaj plej bonaj guoj kaj problemoj.

— Jes, kiel mi vidas,—ridis Perin,—vi estas fervora defendanto de la vivo. Tamen ni restas kun miaj opinioj: morti, mi pensas, estas pli bone ol vivi.

Amiko mia,—rediris Elskij,—vi tre eraras! Vi komparas, per lingvo matematika dirante, grandajojn neintermezureblajn. La vivon kaj morton oni ne povas mezuri per unu mezurilo. Tio, kion oni povas diri pri la fenomenoj de la vivo, tute ne rilatas al fenomenoj de la morto kaj kontrafe. Oni komparas ordinare la morton kun dormo, sed tio e i estas grandega eraro. La dormo, kia ejn gi estu, tamen estas fenomeno de la vivo, gi neniam estos simila al tiu absoluta paco, kiun oni vidas en la morto. Tiu e i absoluta paco kiu estas la morto, estas eble ankaŭ eraro. Kian rajton havas ni diri, ke tiu e i energio, kiu oaskas nian animan mondon, malaperos senpostigne post la morto? Tute nenian. Sekve, tre riske estas fidi la absolutan malekzistudon kaj ne gustatempe celi gin.

— Ni lasu tiujn e i paroladojn!—interrompis Perin—ili, vere, diras ion al la prudento, sed nenion al la sento. La lasta diras, ke la vivo estas por mi io malamika. La multo, kompreneble en la lingvo de la sento, tute ne povas esti tradukita en la lingvon de logiko. Vi ne povas prezenti al vi, kian grandon atingas iatempe miaj animaj suferoj! Mi sufokigas en atmosfero de la vivo, mi min batas per tutu mia ekzistado en gian feran muron. Vane! Per miloj da fadenoj cirkausis gi mian ekzistadon, kaj eliro ne estas, krom unu: fini la vivon per memmortigo. La fatala

какого! Значить, очень рискованно полагаться на совершенное небытие стремиться не во-время къ нему.

— Оставимъ эти разговоры! — прервала Перинь, — они, дѣйствительно, говорять кое-что разсудку, но ни юты чувству. Но слѣднѣе говорить, что жизнь для меня есть нѣчто враждебное. Многое, понятное на языке чувства, совершенно не можетъ быть переведено на языкъ логики. Не можешь себѣ представить, до какой степени доходить по временамъ мои душевныя муки!

Я задыхаюсь в атмосфѣрѣ жизни, я бьюсь
всѣмъ своимъ существомъ о ея желѣзную
стѣну. Напрасно! Тысячами нитей окружила
она мое существование, и нѣтъ выхода, кро-
мѣ одного: покончить съ собою. Какак-то
рековальная сила влечетъ меня къ смерти. Мнѣ
страстно хочется умереть, забыться, лишить-
ся сознанія и гнѣтушихъ чувствъ. Не зна-
кого винить во всемъ этомъ: себѣ ли, при-
роду, или то и другое вмѣстѣ.

— Тот фактъ, что тебѣ часто хочется умереть,—сказалъ Ельскій,—еще болѣе говоритьъ въ пользу того, чтобы ты жилъ. Не помню теперь, кто сказалъ неоспоримую истину, что въ человѣкѣ, имѣющемъ чрезвычайное предрасположеніе къ смерти, скрываются богатыя, жизненные силы. Это какъ нельзя лучше подходитъ къ тебѣ. Вся задача заключается лишь въ томъ, чтобы найти соответственные формы, въ которыхъ могла бы вылиться эта сила. Возможно, что въ недалекомъ будущемъ ты ихъ найдешь, а пока не спѣши со смертью. Умереть всегда успѣшь, а жить едва ли! Ободрись, и не падай духомъ!

Онь дружелюбно хлопнуль по плечу Петрина, но тот ничего не отвѣтилъ. Машинъ налько смотрѣлъ Перинъ впередъ и ничего не видѣлъ. Въ его душѣ господствовалъ безпорядочный хаосъ мыслей и чувствъ, надъ которыми носились огненные слова: ты должна умереть, другого выхода нѣтъ. Умирать же скорѣй, не полагайся на обманчивыя наложеныя жизни!

Друзья возвращались въ городъ.

Былъ тихій вечеръ. Блѣдныя звѣзды появлялись на небѣ, принявшемъ сине-зеленый цвѣтъ. По временамъ таинственно пробѣгали легкій порывъ вѣтра дрожи охватывала тогда высокую траву, и стебли качались, повѣряясь то-что другъ другу. Всѣ природа притягивалась какъ будто скрывала въ груди своей что-то важное, великое и стояла на стражѣ своихъ тайнъ. По временамъ раздавался крикъ какой-то ночной птицы, жутко расходясь въ замершемъ воздухѣ.

Далеко на горизонте чернѣлъ лѣсъ, страшный и угрюмый, въ своемъ темномъ плащѣ Торжественная величавость была разита по землю. А земля засыпала, охваченная воспоминаніями о своемъ далекомъ, будущемъ.

11

Въ душѣ Перина господствовали тоска и lin. Sed passis tago, alia,—какъ денове revena-
отчаяніе. Ничто не помогало: ни ободрѣлъ dis deziro de morto, denove la vivo farigis
труга ни его свѣтлыя картины жизни. Пе- griza kaj netolererebla Perin seatis sin precipe
malbone dum matenoj. Li komencis levigi tre

forto ticas min al la morto. Mi pasie volas morti, forgesi min, senkonsciigi kaj perdi premantaj sentojn. Mi ne sciaj kiun mi devas kulpigi en eio tio ĉi: ĉu min menu, ĉu la naturo, ĉu ambaŭ kune...

— La fakteto, ke vi ofte volas morti,—diris Elskij,—ankoraŭ pli multe diras pri tio, ke vi vivu. Mi ne memoras nun, kiu diris nedisputeblan veron, ke en homo, havanta ekstreman altiron al la morto, sin kaſas riĉaj fortetoj de la vivo. Tio ĝi estis konvenas al vi. La tutaj problemoj estas nur en trovado de la konformaj rimedoj, per kiuj povus aperi tiu ĉi forteto. En la proksima estonteco povas esti, vi ilin trovos, do vi ne rapidu kun la morto. Vi Ŝian havos tempon morti, sed vivi—dube. Kuraĝigu vi, kaj ne malesperu!

Li amike batis al la Sultron de Perin, sed tiu nenion respondis. Perin rigardis antaŭen kaj nenion vidis. En lia animo regis senorda haoso de la pensoj kaj sentoj, super kiuj flu-gis la fajraj vortoj: vi devas morti, eliro ne estas. Mortu do pli rapide, ne fidu al rompaj esperoj de la vivo!

La amikoj reiris en la urbon. Estis rankvila vespero. Palaj steloj aperis sur la ĉielo, kiu havis blue-verdan koloron. Kelkajn momentojn malforta blovo de la vento mistere traflugis. La tremo ĝirkaukapta disiĝis. La altan herbon, kaj la trunketojn balancis, parolante ion unu al la alia. La tutaj naturo silentis, kvazaŭ kasis en brusto sia ion gravan, grandan kaj staris sur gardo de siaj misteroj. Iatempe sonadis krio de ia nokta birdo, timige disflugante en la aero kvazaŭ mortinta. Malproksime sur la horizonto nigre vidigis arbaro, terura kaj malafable en sia mal-luma maatelo. Solena majesteco estis disversita sur la tero kaj la tero dormis, ĝirkaukapta de rememoroj pri sia malproksima pasinteco...

II

En la animo de Perin regis enuo kaj ma-
lespero. Nenio helpis: nek la kuragigoj de la
amiko, nek klaraj pentraoj de la vivo. Perin
sentis en sia interio ian glaciigan malplene-
con, kiu de tago al tago fatigis pli netolere-
bla, pli terura. Lastaj apogoj de lia animo
pasò post pasò foriris ien en malproksimon,
lasante post si nenian postsignon. Kune kuu-
tio ĉi kreskis en lia animo la dezirego de
morto, en oreolo do ia neordinara felico, de
la kuraca, dia fonto. Li apenaŭ havis fortun-
deteni sin de decida pasò. Sajnis, ke ĝio es-
tas tute simpla: oni ne devas vivi, ĉar estas
tro sensense, sekve oni devas forlasi ĝin. Sed
en la efektivo estis alie. Iaj neviveblaj fad-
ojoj, kiel la maledikado, la morto, la sufero,

noj alligis lin al la vivo, kaj en la minutoj, kiam li jam estis preta sin mortigi, de ie, el profundoj de l'animo elnagadis iaj malproksimaj, mirindaj rememoroj, momente ekposedantaj lian ekzistacion. La neceseco de la morto ien malaperadis, la vivo denove ekposedadis.

lin. Sed pasis tago, alia,—kaj denove revenas
dis deziro de morto, denove la vivo farigis
griza kaj netolerebla Perin sentis sin precipue
malbone dum matenoj. Li komencis levigi tre

ринь чувствовалъ внутри себя какую-то *frue, esperante, ke tio ĉi povas bone influi al dedenja pustotu*, которая изо дня въ день становилась все невыносимѣ, все ужаснѣ. Послѣдня опора его духа постепенно уходила куда-то вдаль, не оставляя послѣ себя никакого слѣда. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрасталась въ душѣ его жажда смерти. Смерть представлялась ему въ ореолѣ какого-то не-бывала счастья, какого-то цѣльного божественного источника. Онъ не былъ почти въ силахъ удержаться отъ рѣшительного шага. Казалось, все было такъ просто: жить не стоить, такъ какъ слишкомъ безсмысленно, значить надо разстаться съ жизнью. Но на дѣлѣ выходило иначе. Какиа-то невидимыя нити связывали его съ жизнью, и въ минуты, когда онъ ужъ былъ готовъ покончить съ собой, откуда-то изъ глубины души всплывали какиа-то далекія, чудныя воспоминанія, мгновенно овладѣвшія его существомъ. Необходимость смерти куда-ко исчезала, жизнь снова овладѣвала имъ. Но проходилъ день, другой и опять возвращалось желаніе смерти, опять жизнь становилась сѣрой и невыносимой. Шеринъ чувствовалъ себя особенно плохо по утрамъ. Онъ началъ вставать очень рано, надѣясь, что это можетъ помочь благотворно на его душевное состояніе. Надежды его однако не оправдались.

Ельский приходилъ къ нему по утрамъ, и они отправлялись гулять. Будучи необыкновенно привязанъ къ своему другу, Ельский почти безпрерывно находился возлѣ него, всѣми способами угѣшая и ободряя.

Перинъ проснулся посѣѣ тяжелаго сна. Въ окно пробивались солнечные лучи. Онъ пѣкоторое время лежалъ съ закрытыми глазами, а затѣмъ открылъ ихъ и осмотрѣлся. Предметы, окружавши его, показались ему очень странными въ своей неподвижности. Особенно дикимъ было то, что столь какъ-то неестественно съежился. Дрожь пробѣжала по его тѣлу, но черезъ минуту онъ уже успокоился, сознавая, что ему все при- чудилось.

Онъ всталъ и машинально подошелъ къ окну. Бѣдное солнце коснулось его лица пучкомъ такихъ-же блѣдныхъ лучей. Жуткое чувство овладѣло имъ, когда онъ всмотрѣлся въ солнце, и замѣтилъ въ немъ что-то не-подвижное, застывшее, мертвое. Перинъ отошелъ отъ окна и сѣлъ у стола. Тяжелыя мысли и чувства лѣзли въ душу, внося съ собою что-то удушливое.

Жить становилось невыносимымъ. Черная, щемящая масса надвигалась огромной лавиной на душу. Мимо окна проходили люди, но Перину казалось, что это движутся каки-то прозрачи, странные и непонятные.

Весь міръ представился ему чѣмъ-то чудовищнымъ, давящимъ. Надо прекратить сейчасъ это ужасное существование! — подумалъ онъ. Послѣ этого рѣшенія ему стало какъ-будто легче. Душа находила опору. Мысль о смерти начала поситься въ его душѣ съ необыкновенною отчетливостью. Она проникала все глубже и глубже въ его существо, пока со-

Ia anima statio. Sed tiuj ĉi esperoj ne efektivigis. Elskij venadis al li matene kaj iliiris promenadi. Estante tre aldonita al sia amiko, Elskij preskaŭ sendese estis apud li, konolante kaj kuragiante lin ĉiamaniere.

Perin vekiĝis post malfacila dormo. En la fenestron penetris sunaj radioj. Li kuſis dum ia tempo kun fermitaj okuloj, kaj poste malfermis ilin kaj ĉirkaŭrigardis. La objektoj, lin ĉirkauantaj, sajnus al li tre strangaj en sia senmovo. Precipe stranga estis tio, ke la tablo iel neunature kuntirigis. La tremo kuris tra lia korpo, sed post unu minuto li jam trankviligis, konsciante, ke ĉio al li sajnus. Li sin levis kaj masine aliris al la fenestro. La pala suno atingis lian vizagon per fasketo de iaj palaj radioj. Timiga sento lin ekkaptis, kiam li enrigardis en la sunon kaj rimarkis en ĝi ion senmovan, glaciigintan, malvivan. Periu foriris de la fenestro kaj sidigis antaŭ la tablo. Pezaj pensoj kaj sentoj rampis en la animon, enportante kun si ion sufokantan. Vivi farigis pli netolerabile. Nigra, premanta amaso sursovigis kiel grandega lavango sur la animon. Preter la fenestro iris homoj, sed al Perin sajnus, ke tio ĉi movigas iaj fantomoj, strangaj kaj nekompreneblaj. La tuta mondo sajnus al li kiel io monstra, premanta. Mi devas fini tuj tiu ĉi teruran ekzistadon,—pensis li. Post tiu ĉi decidio farigis al li kvazaŭ pli facile. La animo trovis apogon. La penso pri la morto komencis flugi en lia animo kun neordinara klareco. Ĝi penetris pli kaj pli profunden en lian ekzistajon, gis kiam ĝi ekposedis tute lin. Perin prenis el la tablo blankan pulvordon, metiatis en papereton. Tio ĉi estis morfio, ricevita de konata apotekisto, sub ia preteksto. Perin sciis, ke oni povas ekdormi eterne per dozo de la veneno, ekdormi tute sen doloj. Tio ĉi inspiris lin posedi tiun ĉi gravan rimedon kontraŭ la vivo. Perin prenis glason, enversis tiu el la karafo akvon kaj ensutis la pulvordon, preninte komence malmulton sur la langon. La pulvoro estis maldolcia kaj malagrabla. Li komencis rapide miksi la blankan amason en la glaso. Kun mirinda sento de atendo rigardis li la blankigintan akvon. La tuta vivo, ĉiuj demandoj, lin eksitantaj iam, kolektigis nun ea tiu ĉi glaso. Baldau ĉio finigos,—pensis li,—mi devas nur trinki la preparitan miksanjon. En la lasta minuto io ekmovigis en la profundo de lia animo, neklare protestante kontraŭ la memmortigo, instinkte la manoj forigis de la glaso, kaj li foriris de la tablo. Sed tio ĉi estis nur momento. Subite ia furioso ekkaptis lin, terura kolero pri sia nedecidemeco ekbolis en lia interno. Ōbeante al malkvieta, minuta ekmovo li ekrapidis al la tablo, kaptis la glason kaj rapide eltrinkis la enhavajon. Post tio ĉi venis kvazaŭ plibonigo, al kiu baldau ne prokrastis aligi ankati sento de premo. En lia cerbo ekflugis penso, ĉu li ne agis tro rapide; sed tuj io levigis maldidigente kaj malrapide en lia animo kaj komencis pravigi lian agon. Fragmentaj kaj senligitaj pensoj

вершенно не овладѣла имъ. Перинъ вынуль изъ стола бѣлый порошокъ, завернутый въ бумажку: это былъ морфій, полученный имъ отъ знакомаго аптекаря, подъ какимъ-то предлогомъ. Перинъ зналъ, что при извѣстной дозѣ яда, можно заснуть наѣвъ совершенно безболѣзно. Это и побудило его овладѣть драгоцѣннымъ средствомъ противъ жизни. Перинъ взялъ стаканъ, налилъ въ него изъ графина воды и всыпалъ порошокъ, вазъ предварительно небольшое количество его на языкъ. Порошокъ былъ горькій, непріятный. Быстро началъ онъ мѣшать бѣлую массу въ стаканѣ. Съ удивительнымъ чувствомъ ожиданія, смотрѣлъ онъ на побѣлевшую воду. Вся жизнь, все вопросы, волновавшіе его когда-либо, сосредоточились теперь въ этомъ стаканѣ. Сейчасъ все окончится,—думалъ онъ,—надо только выпить приготовленный растворъ. Въ послѣднюю минуту, что-то зашевелилось въ глубинѣ его души, глухо протестуя противъ самоубийства, инспективно руки отстранились отъ стакана, и онъ отошелъ отъ стола. Но это было лишь мгновеніе. Внезапно какая-то ярость овладѣла имъ, страшная злоба на свою влажность и нерѣшительность зарокотала внутри его. Повинуясь бурному, минутному порыву, онъ бросился къ столу, схватилъ стаканъ, и быстро выпилъ содержимое. Послѣ этого, наступило какъ-будто облегченіе, къ которому не замедлило вскорѣ примѣщаться чувство угнетенности. Въ его мозгу мелькнула мысль, не поступиль ли онъ опрометчиво; но тотчасъ же, что-то поднялось лѣниво и медленно въ душѣ, и начало оправдывать его поступокъ. Отрыжка и безвязныя мысли начали проноситься въ его головѣ. Перинъ началъ ходить по комнатѣ. Въ его воображеніи всплывали картины дѣтства и юношескихъ годовъ. Перинъ началъ опущать въ головѣ тяжесть, ноги тоже какъ-будто ослабѣвали. Онъ подошелъ къ кровати и сѣлъ. Какія-то густыя, туманныя мысли застилали давящимъ покровомъ мозгъ. И вдругъ Перинъ показалось, что сердце перестаетъ у него биться въ груди и, что невидимыя щупальцы сжали всѣ его члены. Животный страхъ овладѣвалъ имъ. Внезапно захотѣлось жить, захотѣлось уѣхать изъ себя, что все происшедшее лишь сонъ. Но сознаніе того, что все случившееся—дѣйствительность, становилось до того нестерпимымъ, что Перинъ пошелъ къ двери, хотѣлъ кричать, звать на помощь. Однако онъ не издалъ ни звука. Какое-то оѣблѣніе охватило его и ледяное равнодушіе сковывало мало-по-малу все его существо. Онъ подошелъ снова къ кровати, и легъ на нее. Безвязныя мысли скользили и исчезали куда-то, захотѣлось спать. Невольно начали закрываться вѣкы. Несколько минутъ старался бороться съ охватывавшимъ его сномъ. Наконецъ сознаніе начало потухать, и онъ заснулъ.

Полчаса спустя, Ельскій, заходившій ежедневно къ Перину, вошелъ въ его комнату. Онъ подошелъ къ Перину и былъ пораженъ

komencis flugi en lia kapo. Perin komencis pasi en la ĉambro. En lia imago elnagis pentraoj de la infaneco kaj la junaj jaroj. Perin komencis senti en la kapo pezecon, la piedoj ankau kvazaŭ malfortigis. Li aliris al la lito kaj sidigis. Iaj densaj, nebulaj pensoj kovris la cerbon per premanta kovrilo. Kaj subite sainis al Perin, ke la koro eesas batita en la brusto kaj ke nevideblaj palpiloj premis ĝiuji liajan membrojn. Besta timo ekposedis lin. Subite li ekvolis vivi, ekvolis kredigi sin, ke ĝio pasinta estas nur songo. Sed la konscio pri tio, ke ĝio pasinta estas realeco, farigis tiel netolerabla, ke Perin iris al la pordo, volis krii, voki helpon. Tamen li eldonis nenion sonon. La rigido ekkaptis lin kaj glacia indiferenteco katenis paso post paso latutan lian ekzistacion. Li aliris al la lito kaj kusigis sur ĝin. Senligataj pensoj glitis kaj malaperis ien, Li ekvolis dormi. Senvole komencis sin fermi la palpebroj. Perin penis dum kelkaj minutoj batali kontraŭ dormo, lin ekkaptinta. Fine, la konscienco komencis estingi kaj li ekdormis.

Post duonhoro Elskij, kiu venadis ĝiutage al Perin, eniris en lian ĉambron. Li aliris al Perin kaj estis mirigita pro malviva paleco de l'amiko. Antaŭsentante ion malbonan, li komencis veki Perin. Sed liaj penoj estis vanaj. Perin kuolis senmove. Elskij aliris al la tablo kaj, ekvidinte la lastajon de la pulvoro, kompreenis, ke lia amiko sin venuis. Li rapide sendis por kontraveneno, kaj mem, dum, penis revenigis la konscielon de Perin. Perin fine ekbalutis ion. Elskij duobligis si ĝi ponojn. La kuracilo estis alportita, kaj Elskij enversis ĝin en la bluigintajn lipojn de l'amiko. La influo de la kuracilo ne malrapidis aperi. Sekvis forta vomo, kaj iam post iom Perin komencis reveni en konscielon. — Por kio vi faris tion-ēi, sin turnis al li Elskij.

Mi kredis, ke vi nur tiel parolas, kaj ne-niam supozis en vi tian senkuraĝon!

— Se vi sciis, kion mi travivis en tiuj ĝi kelkaj minutoj—respondis Perin.—Tiu ĝi minutoj ne egalas la travivojn de tutaj jaroj! Mi konvinkigis, ke vivo estas pli forta ol morto, ke mi, maigraj ĝiuj miaj neoj, estas portanto de la potenco vivo. Vi ne povas prezenti al mi, kiu terura malespero ekkaptis min, kiam mi kompreenis, ke mi mortas! Nur tiam eksentis mi per la tutaj miaj ekzistajo tiuj grandegaj provizoj de vivaj fortot kiu ĝi kasi-gis en mi. Kvazaŭ uragano levigis ili kunte-tana protesto kaj kondamno... Tio estis nur kelkaj momentoj, sed mi neniak ilin forgesos! Granda vero farigis por mi tiam okulvideblo: la vivo estos forta kaj senfine potencia en siaj aperoj kaj perforta morto estas unu el la plej teruraj atencoj kontraŭ rajtoj de la vivo. Ĝiuj demandoj ricevas nur tute alian lumigon. Mi sentas ion klaran kaj gojan, kiu levigas en mia animo, ian gajan kanton...

— Nu, bone! ekkriis Elskij,—vestigis, kaj ni iru en la kampon. Vi devas spiri la aeron de la kampo. Via spirito bezonas delikatan fle-

мертвенною бледностью друга. Предчувствуя гон post tiu krizo, kiu nun okazis en vi. Перинъ недобро, онъ началъ будить Перина. Но усилия его были напрасными: Перинъ лежалъ неподвижно. Ельскій подошелъ къ столу и, замѣтивъ остатки порошка, догадался, что другъ его отравился. Быстро послать онъ за противоядіемъ, а самъ, между тѣмъ, старался привести Перина въ чувство. Перинъ, наконецъ, пробормоталъ что-то. Ельскій удвоилъ свои усилия. Лекарство было принесено, и Ельскій вилъ его въ посинѣвшія губы пріятеля. Дѣйствіе лекарства не замедлило сказаться. Послѣдовала усиленная рвота и мало-по-малу Перинъ началъ приходить въ себя.

— Затѣмъ ты это сдѣлалъ? — обратился къ нему Ельскій. — Я былъ увѣренъ, что ты ограничишься словами, и никогда не подозрѣвалъ съ твоей стороны такого малодушія!

— Если бы ты зналъ, что пережилъ я въ эти нѣсколько минутъ! — отвѣтилъ Перинъ. — Эти минуты не сравняются съ переживаніями цѣлыхъ годовъ! Я убѣдился въ томъ, что жизнь сильнѣ смерти, что я, несмотря на всѣ свои отрицанія, носитель могучей жизни. Не можешь себѣ представить, какое дикое отчаяніе овладѣло мною, когда мы сдѣлалось ясными, что я умираю! Тогда только почувствовалъ я всѣмъ своимъ существомъ тѣ огромные запасы жизненныхъ силъ, которыхъ тались во мнѣ. Какъ буря, поднялись они съ титаническимъ трепетомъ и осужденіемъ... Это были мгновенія, но никогда не забуду я ихъ! Великая истинна стала для меня тогда очевидной: жизнь сильна и безконечно могула въ своихъ проявленіяхъ, а насильственная смерть есть одно изъ самыхъ вопиющихъ посягательствъ на права жизни. Всѣ вопросы получаю теперь совершенно иное освѣщеніе. Я чувствую что-то ясное и радостное, поднимющееся въ душѣ, какую-то ликующую пѣсню.

— Ну, и прекрасно! — воскликнулъ Ельскій. — одѣйтайся, пойдемъ въ поле. Тебѣ надо подышать воздухомъ полей. Твой духъ нуждается въ нѣжномъ уходѣ, послѣ того перевѣмъ, который только что совершился въ тебѣ.

Перинъ одѣлся, и друзья вышли изъ дому.

III.

На полянѣ, залитой ослѣпительно-блѣдными лучами, лежали друзья. Перинъ приложилъ руку къ глазамъ и смотрѣлъ вверхъ. Ельскій облокотился и пристально всматривался въ густую траву, сидя за кипучую жизнью крошечныхъ твореній. Солнце посыпало цѣлые потоки свѣта и тепла, а земля, едва перевода дыханіе, поглощала ихъ въ свое необъятное лено. Природа замирала отъ избытка наслажденія, и по воздуху, широкими волнами, неслась упօитѣльная пѣснь, заставляя на мгновеніе забыться въ нѣжной, благоухающей полудремотѣ. Деревья застыли, опьяневшія роскошью пѣсни. Изрѣдка пробѣгала легкая дрожь отъ сладкаго забытья. По временамъ пролеталь жукъ, радостно напѣвая свою гимнъ. Изрѣдка съ верхушки деревьевъ,

гон post tiu krizo, kiu nun okazis en vi. Perin vestigis kaj la amikoj eliris el la domo.

III.

Sur kampo, supervesita de blindige—blankaj radioj, kuſis la amikoj. Perin almetis la manon al la okuloj kaj rigardis supren. Elskij sin apogis kaj atente rigardis en la densan herbon, observante la ageman vivon de malgrandetaj kreitajoj. La suno sendis preskaŭ riverojn de lumo kaj varmo, kaj la tero, apena spirante, englutis ilin en sian sennuzurun bruston. La naturo svenis pro troeco de guo kaj en la aero fluis per largaj ondoj malsobriga dorloto, devigante forgesigi en momento en delikata, bonodora duondormo. La arboj ne sanceligis, ebriaj de la luksa kanto de la vivo. Iafoje kuris tra la folioj malgranda tremo de dolta ebrio. Kelkajn momentojn traflugis skarabo, goje kantante sian himnon. Iafoje afdigis de suproj de l'arboj virtuozaj triiloj de gajaj, senlacaj plumaj kreitajoj. Estis lume kaj komforte, libere kaj goje. La vivo, sajnus, festueis kaj en memforreso disdonadis siajn belegajn donojn al ĉiu vivanto. En unu grandega, eterne—ekzstanta estanteo transformigadis la estinteco kaj la estonteco.

— Jes, apena mi ne faris malsagajon,—sin turnis Perin al Elskij,—kiam mi provis min nenii. — Ĉiu suferoj estas sensignifa sono kompare kun tiuj momentoj de belega sento kiu levigas en la animo dum la konscio de sia partopreno en la potenco festeno de la vivo. Estas deziro fari ilin eternej, sendesaj. En ili kasis la naturo siajn diajn esencojn ĉiu vejneto de mia ekzistajo tremas de bato de la mirinda pulso de la vivo.

— De unu ekstremo al la alia,—diris Elskij ridante,—estas kredeble nur unu paſo. Antatinlonge vi vidis ĉion en nigrat koloroj, kaj nun, sajnus, ĉion-en hele—klara. Kiel ĉiam, vi estas inkлина al la memforlogo kaj trograndigo. Rigardu vi la vivon pli per okuloj de sageco, ol de la sento. Estu gi por vi ia grandega forto aperiganta sian esencon aŭ en aperoj de suna gojeco, aŭ en detruo, aŭ en senfinaj nuanceoj inter tiu kaj alia. En la brusto de la vivo estas kasisita amaso de kontraŭiroj, sed sen ili gi perdas sian veran koloron. Rigardu vi atente gian ĉiam sangigan tan vizagon kaj vi rimarkos gian animon sensangan kaj eternan. Io nekaptebla kulinigas per nesirebla fadeno suferojn kaj gojojn, ravojn kaj malesperon, klare dirante, ke la sajna dueco ne neigas en si unu grandan—Gojon.

— Vi vojagas en la lando de metafiziko,—diris Perin,—kaj tio ĉi nun, dum tiaj ebriaj minutoj, estas tute superflua. En vi ĉiam ekzistas ia kalkulado de dio. Vi limigas diversajn fenomenojn per difinaj rubrikoj kaj poste resumas. Tio ĉi ne placiĝas al mi. Cetero, lasu ni babilidon kaj trempigu pli bone en aŭdon de la kantoj, kiuj per larga flueversigas en la animon, dorlotigante ĝin. Mi enversigas pensas, ke la plej alta vero kasiĝas en tra vivoj, kaj analizi ilin havas egalan sencon,

раздавались виртуозныя трели веселыхъ, неуклоняемыхъ пернатыхъ созданій. Было тепло и уютно, привольно и радостно. Жизнь, казалось, пировала и въ самомъ забвении расточала свои пышные дары всему живому. Въ одно огромное, вѣчно пребывающее настоящее превращалось прошедшее и будущее.

— Да, я чуть не сдѣлалъ глупости,—обратился Перинъ къ Ельскому,— когда пытался уничтожить себя.—Всѣ страданія—пустой звукъ по сравненію съ тѣми моментами чувства, поднимающимися въ душѣ отъ сознанія своего участія въ могучемъ ликованіи жизни. Ихъ хочется сдѣлать вѣчными, безсмѣшными. Въ нихъ скрыла природа свою божественные свойства. Каждая жижа моего существа трепещетъ отъ биенія чуднаго пульса жизни.

— Отъ одной крайности до другой,—сказалъ смѣясь Ельскій,—какъ видно, одинъ шагъ. Недавно ты видѣлъ все въ черныхъ краскахъ, теперь же, кажется, въ ярко-свѣтлыхъ. Какъ всегда, ты склоненъ къ увлечению и преувеличенію. Смотри на жизнь болѣе глазами ума, чѣмъ чувства. Пусть она будетъ для тебя какой-то огромной силой, выражющей свою сущность то въ проявленіяхъ солнечной радости, то въ разрушеніи, то въ безконечныхъ оттѣнкахъ между тѣмъ и другимъ. Масса противорѣчий скрыто въ груди жизни, но безъ нихъ она потеряла бы свою настоящую окраску. Всмѣ-трись въ ея постоянно измѣнчивое лицо и ты замѣтишь ея душу неизмѣнную и вѣчную. Что-то неувомое соединяетъ неразрывную нить страданія и радости, восторги и отчаяніе, ясно говоря, что кажущееся раздвоеніе не отрицаешь въ себѣ одной великой Радости.

— Ты ударился въ метафизику,—сказалъ Перинъ,— а это теперь, въ такія упоптительныя минуты, совершенно лишнее. У тебя всегда существуетъ какой-то подсчетъ всему. Ты разграничишь различныя явленія определенными графами и подводишь потомъ итоги. Это мнѣ не нравится. Впрочемъ, оставилъ болтовню, и погрузимся лучше въ слушаніе тѣхъ пѣсень, которыхъ широкой струей вливается въ душу, погружая ее въ

kiel peni argumenti, kѣ duoble du estas kvar. Li silentis kaj kuſigis sur la dorson, sin banante en sunaj ondoj, kiuj disiris sur la suprajo de la tero. La mondo dormetis en sorcay sonoj de viva kanto. Ŝajnis, ia blua, sono ekkaptis per nevideblaj ĉirkaŭprenoj la grandegan teron kaj la largan ĉielon. Sur la altaro de ĉiopova naturo, cio la plej bona, cio belega estis portata, kiel ofero al granda sorcistino—vivo. Gi do dormigadis ĉiujn per sia mirindfara spiro, surblanke dian dolcecon de la ekzistado kaj heljan songojn, plenajn de sorĉa malpezeco kaj ĝarmo. Povis esti nek maltrankvilo, kek timo,—povis esti nek malamo, nek malespero—cio dronis kaj anstataŭigis per mirinda amo al cio estanta, eĉ malproksima kaj malamika. En tiu ĉi momento estis tiel klare, ke la vivo estis monda miraklo, antaŭ kiu devas sin klini la elementoj mem kaj eiam sopiranta, malkontenta homo.

Vlad. Dubas.
Tradukts M. Cejtlin.

какое-то очарование. Но моему, высшей истине скрыта въ переживанияхъ, а разбираться въ нихъ имѣть такой же смыслъ, какъ пытаться доказывать, что дважды два четырь.

Онъ замолчалъ, и легъ на спину, кунаясь въ солнечныхъ волнахъ, расходящихся по поверхности земли. Миръ дремалъ подъ чарующіе звуки пѣсни жизни. Казалось, какая-то голубая, воздушная греза охватила невидимыми объятіями огромную землю и широкое небо. На алтарѣ всемогущей природы все лучшее, все прекрасное приносилось въ жертву великой чародѣйкѣ-жизни. А она убаюкивала всѣхъ своихъ чудодѣйственныхъ дыханіемъ, наставляя божественную сладость бытия и прозрачные сны, полные волшебной легкости и прелести. Не могло быть ни тревогъ, ни страха, не могло быть ненависти и отчаянія—все поглощалось и замѣнялось чудной любовью ко всему сущему, хотя бы далекому и даже враждебному. Въ этотъ мигъ было ясно, что жизнь міровое чудо, передъ которымъ должны и преклоняться сами стихіи и вѣчно тоскующій недовольный человѣкъ...

Влад. Дубас.

О цѣли жизни.

Читая въ первыхъ номерахъ „В. Знанія“ полныя отчайлій разсужденія товарищей-пессимистовъ, невольно задаешь себѣ вопросы: какимъ образомъ люди, полные жизни, энергіи, плодотворной силы, обратились въ такихъ ужасныхъ пессимистовъ и где причина утраты ими духовного равновѣсія? Тѣ же г. пессимисты еще въ 1905 г. видѣли передъ собой и указывали другимъ ясно опредѣленную цѣль: способствовать облегченію страда-

Pri celo de la vivo.

Kiam ni legas en la unuaj numeroj de „Vjestnik Znania“ plenajn de malespero kon siderojn de kamaradoj-pessimistoj, antaŭ mi nevole ereras demandoj: kiamaniere homoj, plenaj, de vivo, energio, grandega forto, farigis tiaj teruraj pessimistoj kaj kie estas katizo, pro kiu ili perdis sian animan egalrezecon? Tiuj samaj sinjoroj—pessimistoj ankorat en 1905 jaro vidis antaŭ si kaj montris al aliaj klaran difinitan celon: helpadi tij neсчастніихъ, обездоленіихъ братѣвъ. Въ al plifaciligo de suferoj de malfeliĝaj, mizerabli dни, полные свѣтлыми надеждами, возrigitaj fratoj. En tiuj ĉi tagoj, plenaj de luvyshennymi чувствами, никто не сомнѣвался, maj esperoj, altaj sentoj, neniu dubis pli cel-

въ пълесообразности жизни, ибо всякий вѣрить, что исполняет святую миссію. Всѣ лучшія силы общества преслѣдовали одну и ту же цѣль: всѣ стремились къ улучшению народного быта. Мысль, что вотъ-вотъ разсѣются черныя облака лжи и несправедливости и на горизонте блеснутъ первые лучи истины и правды, всѣхъ воодушевляла. Но однімъ внезапнымъ ударомъ разрушились всѣ мечты!

И вотъ прошло всего три года, и какая непреодолимая пропасть отдѣляетъ насъ отъ этого времени, какой внутренній переворотъ произошелъ въ нац., какъ измѣнились до неузнаваемости наши взгляды на жизнь. За это время общественную арену заняли какія-то темные личности, врачи прогресса начали играть свою дьявольскую роль, вонзая свою ядовитые когти въ измученный организмъ временно побѣженного общества. Это именно и является главной причиной всѣхъ нареканій на пустоту жизни. Общество, видя передъ собой только одинъ мракъ и хаосъ, въ отчаяніи опускаетъ руки. Слабые духомъ вовсе теряютъ вѣру въ лучшее будущее, ими овладѣваетъ отравляющій исесмізмъ, который окончательно подтачиваетъ ихъ жизнь, утратившую для нихъ всякую пѣнность. Болѣе же энергичные пытаются еще какъ-нибудь продолжать работу, но, не встрѣчая никакѣхъ взаимности, сочувствія, тоже остаются и поддаются общей апатіи. Словомъ, реакція господствуетъ вездѣ, наводя на всѣхъ какую-то скучу, убивая во всякомъ силу воли. Вида это, сердце истинного друга народа обливается кровью и у него вырывается вопросъ: когда же наступитъ конецъ этому убийственному равнодушію? Но нельзя падать духомъ.

Исторія намъ доказываетъ, что во всѣхъ вѣка пришлось тратить много, очень много, энергіи, терпѣнія, крови, чтобы подготовить почву для новыхъ идеаловъ, и, несмотря на всѣ препятствія послѣдніе все-таки пробили себѣ дорогу. Ничто на свѣтѣ не создается мгновенно, всѣ новые проблемы должны пройти свою естественную стадію развитія, и проникаютъ въ широкіе слои общества лишь эволюціоннымъ путемъ. Поэтому, товарищи, никакое временное пораженіе не должно насъ останавливать въ начатой работе, а наоборотъ должно служить призывомъ къ болѣе усиленной дѣятельности, къ болѣе энергичной работе, а работы—тьма. Вездѣ царять темнота, нелѣжество, суетліе; и долгъ каждого истинного друга человѣчества, каждого честного гражданина прийти на помощь несчастнымъ, ищущимъ свѣта. Въ этой святой, благородной работѣ каждый найдеть отвѣтъ на всѣ вопросы, ибо только наука въ состояніи придать смыслъ жизни, облегчить человѣческія страданія, наставить общество на правильный путь.

III. Енжунеръ.

konformeco. de la vivo, ĉar ĝiu kredis, ke li plenumas sanktan mision. Ĝiu plej bonaj fortoj de la societo persekutis la saman celon: ĝiu celis al plibonigo de la popola vivo. La penso, ke tuj sin distros nigras nubo de mensogo kaj maljusteco kaj sur la horizonto ekbrilos unuaj radioj de vero kaj justeco, ĝiu entuziasmigis. Sed per unu subita ekbato sin detruis ĝiu revoj!

Kaj, jeun pasis nur tri jaroj kaj kia nevenkebla profundajo apartigas nin de tiu ĝi tempo, kia interna revolucio okazis en ni, ki-el ŝangigis nekredeble niaj pensoj pri la vivo. Dum tiu ĝi tempo socialan arenon okupis iaj mallumaj personoj, malamikoj de progreso komencis ludi sian diablan rolon, empuante siajn venenajn ungojn en elturnemigintan organismon de la venkita por kelka tempo societo. Tio ĝi nome estas ĉefa kaŭzo de ĝiu tiuj ĝi riproĉoj en malpleneco de la vivo. La societo, vidante antaŭ si nun nur mallumon kaj haoson, mallevas manojn pro malespero. Homoj, molfortaj spirite, tute perdos kredon en pli bonan estontecon, ilin venkas venena pesimismo, kiu tute peregas ilian vivon, perdintan por ili iam ajn valoron. La pli energioj do provas ankorau iel daŭrigi laboron, sed nenie renkontante recipron, knusenton, ili ankau poststarigas kaj aldonas sin al komuna apatio. Unuvorte, reakcio regas ĝie, inspirante al ĝiu iam malgojn, mortigante en ĝiu forton de l'volo.

Vidante tion ĝi, koro de vera amiko de la popolo tre suferas kaj li demandas: kiam do venos fino de tiu ĝi terura indiferenteo?

Sed oni ne devas fali spirite!

La historio al ni pruvas, ke ĝiu cantjaroj oni devis malspari multe, tre multe da energio, pacienco sango, por prepari fundamenton por novaj idealoj kaj, malgraŭ ĝiu bariloj, ili tamen trabatis por si vojon. Nenio en la mondo kreigos subite, ĝiu novaj problemoj devas trairi ĝian naturan stadiom de disvolvio kaj penetras en vastajn tavolojn de societo nur per vojo evolucia. Tial, kamaradoj, nenia kelktempa malvenko devas nin haltigi en la komencito laboro, sed kontraŭe devas servi kiel alvoko al plifortigita agado, al pli energio laboro, ĉar estas multe da laborego. Ĉie regas mullumo, malkleroco, supersticio; kaj devo de ĝiu vera amiko de l'homaro, ĝiu honesta regnano estas veni por helpo al malfelici, serđantaj lumon. En tiu ĝi sankta, nobla laboro ĝiu trovos respondon al ĝiu demando, ĉar nur la scienco povas doni sencon al la vivo, plifaciligi homajn suferojn kaj montri al la societo veran vojon.

Ŝ. Bjejuner.

Esperantigis I. Ŝ.-ra.

IV. Научная переписка.

Нужны ли сказки?

(По поводу статьи А. Гр. „Опять сказки“ въ журнале „Espero“ н. г. № 4).

Авторъ статьи: „Опять сказки“ высказываетъ мысль, что сказки для дѣтей вредны и что вообще „воспитательная роль ихъ очень и очень сомнительна“.

Мнѣ кажется, что авторъ придаетъ сказкамъ слишкомъ большое значение въ воспитательномъ отношении: по однѣмъ сказкамъ и книжкамъ дитя всецѣло не воспитывается. Окружающая среда, всевозможные обстоятельства жизни, принципъ, руководящій воспитаніемъ,—вотъ чѣдъ создаетъ нравственную физиономію человѣка.

Ребенокъ живетъ своей особой жизнью; у него свой міръ,—грезъ и фантазій,—и онъ страстно увлекается всѣмъ фантастическимъ. Умъ его нисколько не поражается противорѣчіями между дѣйствительностью и сказочнымъ міромъ: все вниманіе его сосредоточивается на фантастическомъ сплетеніи сказочныхъ событий. Ребенокъ видѣть въ сказкахъ прежде всего развлечениѳ, не обращая вниманіе на нравственную сторону ихъ.

Пробуждая и возбуждая духовную дѣятельность ребенка, сказки даютъ ему высокое духовное наслажденіе. Вдумываться же въ предметъ, искать какая либо противорѣчія, ребенокъ еще не состояніи: для этого нужно быть болѣе развитымъ и обладать способностью къ критикѣ, чѣдъ по естественнымъ психологическимъ законамъ совершается въ періодѣ болѣе поздній. Сила воображения, неспособность вдумчиво относиться къ окружающему—почти общее достояніе дѣтей младшаго возраста, и поэтому неудивительно, что дѣтямъ больше всего нравится все то, чѣдъ выходитъ изъ уровня дѣйствительности, поражая умъ и чувство ихъ образами, звуками и красками.

Вотъ что пишетъ объ этомъ нашъ великій спиритикъ В. Г. Бѣлинскій: „Въ дѣйствїи фантазіи—преобладающая способность и сила души, первый инфансъ между духомъ реагированиемъ и логикой концепции и вѣрой находящимся въ съединеніи: гибкость и упругость перанго и спиритика“.

IV. Scienca Korespondado.

Съ фabeloj estas necesaj?

(Okaze de la artikolo de A. Gr. „Ree fabeloj“ en la jurnalero „Espero“ de tiu ēi jaro № 4).

La aŭtoro de la artikolo „Ree fabeloj“ eldiras penson, ke fabeloj por la infanoj estas malutilaj kaj ke generale „ilia eduka rolo estas tre duba“.

Al mi ŝajnas, ke la aŭtoro aldonas al fabeloj tro grandan signifon en la eduka rilato: per unuj fabeloj kaj libroj la infano entute ne estas edukata. La cirkadanta vivo, ciaspecaj cirkonstancoj de la vivo, principio, gvidanta la edukadon,—jen kio kreas la moralan fisionomion de l’ homo.

La infano vivas per sia aparta vivo; gi havas sian mondton,—la mondton de revoj kaj fantazioj,—kaj гi pasie forlogigas de ĉio fantazio.

Ĝia sago neniom admiras la kontraŭecon inter la realeco kaj la fabela mondo: la tutgia atento kuncentrigas sur fantazio kunplektigo de fabelaj okazoj. La infano vidas en fabeloj antau ĉio amuzon, ne turnante la atenton al moralaj flankoj de ili.

Vekante kaj eksitante la spiritan agadon de l’infano, fabeloj donas al гi altan spiritan guon. Enpensi de en objektojn, serĉi iajn kontraŭdijojn, la intano ankorati ne estas kapabla por tio ēi oni devas esti pli inteligenta kaj posedi kapablon al kritiko, kio laŭ naturaj psikologialoj farigas en periodo pli malfrua. La forto de l’imago, senkapableco enpenseme rilati al ĉirkadanta mondo estas preskate universala propreco de la infanoj de pli juna ago, kaj tial ne estas mirinde, ke al infanoj la plej multe plaĉas tio, kio eliras el la nivelo de realeco, admirante ilian sagon kaj senton per imagoj, sonoj kaj koloroj.

Jen kion skribas pri тio ēi nia granda kritikisto V. G. Bjelinskij: „En la infaneco la fantazio estas superreganta kapablo kaj forto de l’animalo, la unua peranto inter spirito, la unua peranto inter

viganta mondo de realeco. La infano ne postulas konkludojn, аргументojn kaj logikan konvencon: гi bezonas imagojn,

міромъ дѣйствительности. Ди-*kologojn kaj sonojn*. La infano тя не требуетъ выводовъ, дока не амас *ideojn*: гї bezonas his-зательствъ и логической послѣдноретојн, novelojn, fabelojn, ра-довательности: ему нужны обра-кontojn. Кaj, rigardu, kiel estas зы, краски и звуки. Дитя не лю-*forta en la infanoj la deziro de бить идеи; ему нужны исторій-сio fantazia, kiel avide auskul-ки, повѣсти, сказки, рассказы.* tas ili rakontojn primortintoj, И посмотрите, какъ сильно у-*fantomoj, sor ajoj*. Kion tio єи дѣтей стремлениe къ всему фан-*montras?* — la bezonon de senfi-тастическому, какъ жадно слу-*peco, komencon de la sento de шаютъ они рассказы о мертв-роеzio, kiuj trovas por si kon-цахъ, привидѣніяхъ, волшебст-tentigon dumne aukorau en sola вахъ. Что это показываетъ? — neordinareco, distingiganta per потребность безконечного, на-*nedifiniteco de ideo kaj heleco чало чувства поэзии, который я de koloroj.* (Verkoj de V. G. Bjelinskij, находить для себя удовлетво-*volumo I, pa o 805, eldono de Moskvin, 1898 jaro).**

вычайномъ, отличающемся неопредѣленностью идеи и яркостью красокъ” (сочин. В. Г. Бѣлинского, т. 1, стран. 805, изд. Мошкина, 1898 г.).

Такимъ образомъ, являясь какъ-бы естественной потребностью дѣтской души, дѣйствия на воображеніе, сказки возбуждаютъ духовную дѣятельность дѣтей и доставляютъ послѣднимъ высокое эстетическое наслажденіе. И я полагаю на основаніи всего этого, что сказки имѣютъ свой *raison d’être*....

Указывая на вредъ, приносимый сказками, учителъ А. Гр., между прочимъ, пишетъ: „тайны, сверхъестественности, внушаляемы страхомъ убиваются энергія, ослабляется развиле воли и, къ тому же вырабатываются тѣ начала, на которыхъ держится современное рабство”....

Эти слова звучать красиво, но они туманны, расплывчаты и парадоксальны... Не слишкомъ-ли сказано, г. Гр.?... Помилуйте какія это начала, вырабатываются вліяніемъ сказокъ,—начала, на которыхъ держится современное рабство?... Какое, чье рабство?...

При всемъ моемъ искреннемъ желаніи, я не въ состояніи понять всего глубокомыслія этой фразы. Мне хотѣлось бы, чтобы Вы высказали Вашу мысль болѣе опредѣленно и точно, не прибѣгая къ общимъ мѣстамъ и парадоксамъ, способными сбить съ толку неопытного читателя. Вѣдь если мы съ Вами будемъ такъ разсуждать, то (чего доброго!) и существование всѣхъ семи смертныхъ грѣховъ объяснимъ вліяніемъ сказокъ.

Какъ известно, въ Европѣ и Америкѣ сказки пользуются большою любовью и распространенностью. Тамъ существуетъ много писателей, посвятившихъ себя исключительно дѣтской сказочной литературѣ. Изъ проповѣданий загадочной литературы этого типа можно заключить, что европейцы и янки въ дѣтствѣ читаютъ значительно больше сказокъ, чѣмъ мы, русскіе, и однако никто (кромѣ Васъ, конечно,) не будетъ утверждать, что въ Европѣ и Америкѣ очень упышно вырабатываются тѣ начала, на которыхъ держится современное рабство“.

Далѣе А. Гр. пишетъ: „итѣ не чудесное и волшебное должно преобладать въ воспитаніи“.

Кто же въ настоящее время требуетъ,

La infano fortas ili rakontojn primortintoj, fantomoj, sor ajoj. Kion tio єи la bezonon de senfantasticemu, kiel avide auskulki, povestis, sказки, разказы. tas ili rakontojn primortintoj, fantomoj, sor ajoj. Kion tio єи la bezonon de senfantasticemu, kiel avide auskulki, povestis, sказки, разказы.

Tiel, estante kvaza  natura bezono de la ifana animo, influante al imago, la fabeloj eksitas spiritan agadon de la infanoj kaj liberas al la lastaj altan estetikan g『uon. Kaj mi pensas, lau eio tio ci, ke la fabeloj havas sian raison d’être...

Montrante malutilon, kiun alportas la fabeloj, la instruisto A. Gr., intercetero, skribas: per mistereco, supernatureco, per inspirata teruro, oni mortigas energion, malfortigas disolvigon de la volo kaj, krom tio, ellaboras tiujn fundamentojn, sur kiuj staras nuntempa sklaveco“...

Tiu єi vortoj sonas bele, sed ili estas malklaraj paradoksa... On ne tro multe vindiris, s-ro Gr.?.. Pardonu, kiaj do fundamentoj estas ellaborataj per la influo de fabeloj,— fundamentoj, sur kiuj staras la nuntempa sklaveco?... Kia, kies sklaveco?...

Malgra d tutu mia sincera deziro, mi ne povas kompreni la tutan, profundensecon de tiu frazo. Mi volus, ke Vi eldiru Vian penson pli klare kaj precize, ne uzante generalajn esprimojn kaj paradoxojn, kapablajn konfuzi nespertan leganton. Ja se ni kun Vi tiel, pensados, tiam e tio povas okazi, ke ni anka  la ekziston de tiuj sep mortaj pekoj klarigos per la influo de fabeloj.

Kiel oni scias, en E uropo kaj Ameriko la fabeloj estas tre amataj kaj popularaj. Tie ekzistas multaj verkistoj, dedi intaj sin ekskluzive al la infana fabela literaturo. Ei la florado de l’eksterlanda literaturo de tiu e ti tipo oni povas konkludi, ke e uropoj kaj jankoj (amerikanoj) dum la infaneco legas pli multe da fabeloj, ol ni, rusoj, kaj tamen neun (krom Vi, kompreneble), parolos ke en E uropo kaj Ameriko tre sukcese „estas ellaborataj tiuj fundamentoj, sur kiuj staras la nuntempa sklaveco“.

Plu s-ro A. Gr. skribas: „Ne! ne mirindajoj kaj sor ajoj devas superregi en la eduko“. Kiu do en la nuna tempo postulas, ke „mirindajoj kaj sor ajoj supregu en la eduko“? Tiu єi postulo sajnus tiel sensena, ke gin oni povas tute preterlasi. Sed „esprimi beda ron pri tio, ke nuntempa skolo ignoras fabelojn“—tio єi estas tute alia afero...

Unu fabelo ne estas simila al alia. La afero konsistas en tio, ke oni devas el grandege fabele—literatura materialo elekti eion

чтобы „чудесное и волшебное преобладало въ воспитаніи”? Это требование кажется до-
того неизъмѣримъ, что съ нимъ не стоять и
считаться. Но, „высказывать сожалѣніе о
томъ, что современная школа игнорируетъ
сказки”—сновѣмъ другое дѣло...

Сказка сказкѣ—рознь. Главное—въ томъ,
чтобы изъ громаднаго сказочно-литератур-
наго материала выбрать все разумное, доб-
рое и полезное и въ время сдѣлать досто-
яніемъ дѣтской души. Полезная вещь иног-
да можетъ быть и вредной, гибельной, смот-
ря по тому, когда, какъ и съ какою цѣлью
ее употребляются. Мышиякъ, употребляемый
въ малыхъ дозахъ, способствуетъ процвѣта-
нию человѣческаго организма; но тотъ же
самый мышиякъ, принятый въ большомъ ко-
личествѣ, является смертоноснымъ ядомъ.
Также обстоитъ дѣло и со сказками. Если
чрезмѣрно, безъ всяаго разбору, безъ сис-
темы, Вы будете набивать мозгъ ребенка
всевозможными сказками и баснями то, раз-
умѣется, могутъ получиться только отрица-
тельные результаты.

Въ всікомъ случаѣ, нечего опасаться, что
сказки, при разумномъ употребленіи ихъ,
выработаютъ „тѣ начала, на которыхъ держ-
ится севременное рабство. Многіе изящныя
произведенія литературы заключаются въ себѣ
значительный элементъ сказочности, фан-
тастичности, и неужели, на основаніи этого,
намъ не слѣдуетъ читать ихъ?.. Неужели
мы должны лишиться того высокаго эстети-
ческаго наслажденія, какое доставляетъ намъ
чтение такихъ произведеній?... А опера?...
Всѣ оперы Н. А. Римскаго—Карсакова
представляютъ собою сказочно—мюзиклъ
цикль, заимствованный или изъ лучшихъ
художественныхъ произведений русской ли-
тературы или непосредственно изъ народного
творчества, т. е. былинъ и преданий. Въ
твореніяхъ другихъ русскихъ и иностраннѣхъ
композиторовъ, какъ, напр., въ операхъ:
„Демонъ“, „Русланъ и Людмила“, „Русалка“,
„Фаустъ“ и проч. элементъ фантастики иг-
раетъ видную роль. Но эта фантастичность
николько не мѣшаетъ намъ, взрослымъ,
видѣть и слушать оперу съ величайшимъ ду-
ховнымъ наслажденіемъ. И мы не посмѣемъ
утверждать, что опера вообще вредна, без-
полезна и не оправдываетъ своего сущест-
вованія...

Конечно, съ легкой руки учителя А. Гр.
можно отрицать все—не только народный
миѳ, сказки и былины, но и музыку, жи-
вопись другія изящныя искусства, доставля-

Вниманію врачей.

Въ деревнѣ часто происходятъ случаи уку-
шенія гадюкой. Это чрезвычайно не приятная
вещь, тѣмъ болѣе, что медицина въ томъ
жалко видѣть, въ какомъ она представлена
въ деревнѣ, не въ состояніи помочь. Но
есть деревенскія жепидчины, которыя очень
быстро вылечиваютъ укушенныхъ. Мнѣ при-
шлось быть очевидцемъ такого леченія. Въ

purdentan, bonan kaj utilan kaj gustatempe
proponi al la infana animo. La utila objekto
iafoje povas esti eĉ malutila, pereiga, laŭ tio,
kiam, kiel kaj kun kia celo gî oni uzas. La
arseniko, uzata en malgrandaj dozoj helpas
al floro de lo bona organismo; sed tiu sama
arseniko, akceptita en granda kvanto, estas
mortiganta veneno. Tiel same estas la afero
ankau kun fabeloj. Se supermezure, tute sen
elektro sen sistemo, Vi plenigados la cerbon
de l'infano per ĉiaspecaj fabeloj kaj fabloj,
tiam, kompreneble, povos ricevigi nur negati-
vaj rezultatoj.

Ciaokaze, oni ne devas timi, ke faboloj, se
prudente uzadi ilin, ellaboros „tiujn fundamen-
tojn, sur kiuj staras la nuntempa sklaveco“.
Nultaj belaj verkoj de la literaturo enhavas
en si grandan elementon de fableco, fan-
tazieco, kaj ĝu efektive, pro tio ĉi, ni ne devas
legi ilin?.. Ĉu efektive ni devas perdi tiun
altan estetikan guon, kiun liveras al ni la
legado de tias verkoj?.. Kaj opero?.. Ĉiu op-
eraj de N. A. Rimskij-Korsakov prezentas fa-
blemitan ciklon, prenitan aŭ el la plej bonaj
artaj verkoj de la rusa literaturo aŭ senpere
el la popola kreido, t. e. el pojolaj kantoj
kaj legendoj. En verkoj de aliaj rusaj kaj
alilandaj muzikaj verkistoj, kiel, ekzemple,
en la operoj: „Demono“, „Ruslano kaj Ludmi-
lo“, „Rusalka“ (Nimfo), „Fausto“ kaj cet. la
elemento de fantazio ludas gravan rolon. Sed
tiu ĉi fantazio neniom malhelpas al ni, ple-
naguloj, vidi kaj aŭskulti operon kun grande-
ga spirito guo. Kaj ni ne kuragos diri ke la
opero generale estas malutila, senutila kaj ne
pravigas sian ekzistadon..

Certe, post sukcesa iniciato de l'instruisto
A. Gr. oni povas malkonfensi ĉion—ne sole la
popolan miton, fabelojn kaj kantojn, sed eĉ
muzikon, pentrartojn kaj aliajn belartojn, don-
antaj al nuntempa kultura homo altan este-
tikan guon kaj estantaj produkto de kreado
de lia spirito. Kaj se trovigas tiaj malkonfe-
santoj, ili malkonfesadu, se al ili plaĉas; nur
de tio ĉi ne estu por iu malutilo...

V. Latynin.

Tradukis I. Ŝ-ra.

ющія современному культурному человѣкѹ
высокое эстетическое наслажденіе и состав-
ляющія продукты творчества его духа. И
если находятся такие отрицатели, то пусть
себѣ отрицаютъ на здоровье: лишь бы вреда
отъ этого никому не было...

B. Латынинъ.

Por atento de kuracistoj.

En vilagoj ofte okazas mordoj de serpento.
Tio ĉi estas tre malagrable okazo, des pli, ke
la medicino en tia mizera stato, kian gî havas
en nuna tempo en vilago, ne povas helpi. Sed
ekzistas vilagaj virinoj, kiuj tre rapide sanigas
la morditojn. Al mi okazis esti atestanto de
lia kuraco. En unu familio (en vilago) serpento

одной семьѣ (въ деревнѣ) гадюка укусила мальчика. Фельдшеръ не могъ помочь. Укшнна нога вздулась. Мальчикъ стональ отъ боли. Пришло послать за женщиной, которая славилась леченіемъ. Лѣчить она такимъ образомъ; береть немного рѣчного песку, смѣшиваешь этотъ песокъ съ большими количествомъ сырой земли изъ крестьянской бани (пола тамъ нѣтъ, и когда мокнется, то вода стекаетъ въ землю), натираешь этой смѣшанной укушеніе мѣсто и потому прикладываешь ее къ нему. Вечеромъ она это сдѣлала, и къ утру ребенокъ, вечеромъ не сходивший съ мѣста, могъ уже свободно ходить. Должно быть въ этой землѣ, смѣшанной съ потомъ и пр., находится противоядіе. Надо замѣтить, что женщины эти именуютъ себя ворожеями и при леченіи нашептываютъ, поддерживая этимъ суетѣю среди крестьянъ.

Обращая внимание на приведенный фактъ, я нахожу, что было бы полезно подвергнуть его всестороннему изслѣдованию.

Подписчикъ № 26856.

Къ товарищамъ эсперантистамъ-врачамъ.

Товарищи! Не заинтересуется ли кто-нибудь изъ васъ вопросомъ о новой точкѣ зѣнія въ патологии и терапии заразныхъ болѣзней, до сихъ поръ совершенно незатронутой? Сущность новой точки зѣнія заключается въ изслѣдованіи условій, вызывающихъ эти болѣзни въ артеріальной, капиллярной, лимфатической и венозной системѣ; необходимая въ данномъ случаѣ терапія состоится въ измѣненіи этихъ условій въ благопріятную сторону. Методъ испытанъ неоднократно (болѣе 30 разъ, въ томъ числѣ 10 typhus-abdominalis, 20 разныхъ другихъ). Подробности я сейчасъ же сообщу письмомъ всѣмъ желающимъ. Адресъ: Московско-Казанская ж. дор., с. Хорлово, фабрика И. Демина, д-ру А. Н. Шестакову.

Д-ръ А. Шестаковъ.

О БЪЯВЛЕНИЕ.

Къ свѣдѣнію прежнихъ подписчиковъ „Недѣли“.

Въ настоящее время осталось неудовлетворенныхъ подписчиковъ „Недѣли“ около полутораста; изъ нихъ, внесшихъ полную сумму 5 рублей, не болѣе двадцати, остальные 2 р. 50 к., 1 р. 25 к. (большая часть) и даже 75 к.

Мы были бы очень благодарны этимъ подписчикамъ, не дающимъ о себѣ никакихъ признаковъ жизни, если бы они сообщили, какимъ порядкомъ они хотѣли бы получить удовлетвореніе (конечно, рѣчъ о тѣхъ только, которые внесли большую сумму, чѣмъ та, за которую они получили девять книжекъ): желаютъ ли они перевести деньги въ подписку на „Вѣсти. Зн.“ на 1909 г., на „Научную Библіотеку“ или хотѣли бы получить на соотвѣтственную сумму книгу нашего изданія. Потерявъ на изданіи „Недѣли“, вслѣдствіе невозможности ее издавать по цензурнымъ условіямъ, 35 тыс. руб., мы желали бы ликвидировать свои счеты съ подписчиками, и если намъ придется возобновить изданіе, то мы начнемъ его уже на новыхъ началахъ.

Редакція.

mordis la knabon. Subhirurgo ne povis helpi. La mordita piedo svelis. La knabo gemis pro la doloro. Oui devis sendi por alvoki virinon, kiu estis fama pro sia kuracado.

Si kuracas tia maniere: si prenas nemulte da rivera sablo, miksa tiun si sablon kun pli granda kvanto da malseka tero el vilagana banejo (planko tie ne estas, kaj kiama sin banas, akvo forflua en la teron), frotas per tiu si miksa lo la morditan lokon kaj poste almetas gin al lasta. Vespere si faris tion si, kaj matene la infano, kiu vespere ne povis deiri de sia loko, povis jam libere iri. Kredeble en tiu si tero, miksita kun svito kaj cet. trovigas kontrauveneno.

Estas necese remarki, ke tiu si virino nomas sin sorcistinoj kaj dum kuracado murumetas, subtenante per tio si supersticion inter vilaganon.

Turnante la atenton de legantoj al tiu si fakteto, mi opinias, ke estus utile siuflanke esplori gin.

Abonanto № 26856.

Al kolegoj esperantistoj—kura-cistoj.

Kolegoj! Cu ne interesigas iu el Vi pri demando de nova vidpunkto en patologio kaj terapijo de infekcioj malsanoj, gis nun tute ne tusita? La esenco de nova vidpunkto estas en esplorado de kondiĉoj, kiuj naskas tiujn si malsanojn en arterio, kapillara, limfatika kaj venosa sistemo; necesa tie si terapijo estas en sango de tiuj si kondiĉoj al favoro flanko. La metodo estas provita ne unufoje (pli ol 30 fojojn, en kies nombro—10 typhus—abdominalis, 20 diversaj aliaj).

Detalojn tuj mi sendos per letero al siu dezirantoj. Adreso: Russjo, Moskva—Kazan jel. dor. Stas. Щорлово, fabriko I. Demina, al d-ro A. N. Шестаковъ.

Д-ро А. Шестаковъ.